литературный альманах
ЛИКБЕЗ
издается с 1989 г. www.lik-bez.ru

№ 18 МАЙ 2011

ПОЭЗИЯ 2

Екатерина ВИХРЕВА ► **МАЯКИ В СНЕГАХ** (подборка стихов) 3
Дмитрий МУХАЧЕВ ► **НОВАЯ ГОЛОВА** (подборка стихов) 7
Евгений БАННИКОВ ► **ВОСЬМАЯ НОТА** (подборка стихов) 12
Елена ГЕШЕЛИНА ► **ПРЕДСТАВЬ, ЧТО ПРИШЛА ВОЙНА** (подборка стихов) 15
Татьяна БАЙМУНДУЗОВА ► **В ЭТИ ГОДЫ** (подборка стихов) 21
Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ ► **НИКТО НА СВЕТЕ, ТОЛЬКО ТЫ** (подборка стихов) 23
Владимир ТОКМАКОВ ► **РАЗОЧАРОВАВШИСЬ ВО ВСЕМ, НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОЙ БУДДИСТСКОЙ РЕКИ ОБЬ Я ЧИТАЮ СВОИ МАНТРЫ** (подборка стихов) 77
Наталья НИКОЛЕНКОВА ► **13 МАЛЕНЬКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ** (подборка стихов) 87
Даниил ПОЛТОРАЦКИЙ ► **НЕ ДОЖДЕТЕСЬ ПРО ЛЮБОВЬ** (подборка стихов) 90
Татьяна ЗЛЫГОСТЕВА ► **ПЕРСОНАЛЬНОЕ «НИКОГДА»** (подборка стихов) 95
Иван ПОЛТОРАЦКИЙ ► **КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕ ЛАЕТ** (подборка стихов) 99
Антон МЕТЕЛЬКОВ ► **ПУЛЯ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ** (подборка стихов) 104
Михаил МОИСЕЕВ ► **ТЫ ПРОИСХОДИШЬ ИЗ ЗЕРНА** (подборка стихов) 107
Сергей ДЖИМ ► **НЕТ ЛЮДЕЙ** (подборка стихов) 112
Дмитрий СОКОЛОВ ► **ДАЛЬШЕ ОТ ПЛАМЕНИ** (подборка стихов) 115
Кристина ЭБАУЭР ► **НЕПЕЧАТНОЕ** (подборка стихов) 119

НАШИ ИСТОКИ 29

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ► **ВОЙНА И МИР** (Том 1. Часть 1. Глава V) 29

ГВОЗДЬ НОМЕРА 33

Вадим КЛИМОВ ► **ГРАФИКА ЛАЙТ** (ретроэссе) 33
ГРАФИКА (страницы 1-го номера журнала) 35

ПРОЗА 122

Александра ВАЙС ► **ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН** (рассказ) 123
Константин ГРИШИН ► **ДВА РАССКАЗА** 124
Михаил ГУНДАРИН ► **ГОВОРИТ ГАЛИЛЕЙ** (главы из романа) 126

ДЛЯ УМНЫХ 138

Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ ► **ЭТИКА И ПОЭТИКА** (статья) 138
Иван КУДРЯШОВ ► **ЖИЗНЬ, НЕ ТРЕБУЮЩАЯ БИОГРАФИИ: БЭНКСИ КАК ГОЛОС МОЛОДОГО ПРОЛЕТАРИАТА** (статья) 141
Вячеслав КОРНЕВ ► **ЖВАЧКА** (статья из «Энциклопедии современной жизни) 145

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ 147

Пауль ГОССЕН ► **ДЕСЯТЬ ХИЩНЫХ ЛУН** (рассказ) 148
Пауль ГОССЕН ► **ДЕВОЧКА С БЛАСТЕРОМ** (рассказ) 151
Ирина АФАНАСЬЕВА ► **ГОЛАЯ ПРАВДА** (пьеса) 153
Илья КРИШТУЛ ► **ЖАЛОБА** (рассказик) 159
Илья КРИШТУЛ ► **РАЗГОВОР ЗА УЖИНОМ** (рассказик) 160
Андрей МАХАОН ► **НЕИСКРЕННИЙ ДРУГ** (подборка стихов) 161
Владимир ВИТВИНЧУК ► **МНЕ НУЖНА ТРЕТЬЯ ПИЛЮЛЯ** (три дня КиноЛикбеза) 163
Алексей БОРОВЕЦ ► **КУДА ИДЕТ КИНОЛИКБЕЗ?** (послесловие к фестивалю) 166
Юлия ХРАМОВА ► **МИР «КИНОЛИКБЕЗА» - СОЮЗ МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТИ** (заметка) 167

НАШИ ГОСТИ 170

Наталья НИКОЛЕНКОВА ► **МОЕ ДЕТСТВО ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛОСЬ** (интервью) 170

НАШИ АВТОРЫ 172

ПОЭЗИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ: О ПОГОДЕ

Как обычно, поэты нас удивляют (это я про литбюро «Ликбеза»), а стало быть, удивят и тебя, читатель! Чрезвычайно сильный поэзосостав ныне коллективно размышляет о погоде. О ее частных пертурбациях, но и о глобальных климатических тож. Екатерина Вихрева озабочена именно предстоящими катаклизмами и предлагает на роль спасителя от них – кого бы вы думали? – да себя, конечно! Выдвигая, правда, жестчайшие условия контракта:

Чтобы - если одной, то наверняка,
Чтобы - совсем никого на тысячи лет и миль,
Чтобы маяк светил.
Издалека.

Дмитрий Чернышков, предсказывающий нам еще более кардинальный потоп, (улицы в листьях совсем потонули) согласен (только в этом плане, разумеется) куда на меньшее.

Оказаться в гостях ненадолго,
где тебя, запоздавшего, ждут
смех, тепло, новогодняя ёлка,
дребезг ложки о блюдце, уют -

для чего же? А чтобы уйти немедленно и бесповоротно. Но вот от постапокалиптической погодки Елены Гешелиной точно никуда не уйдешь. Ибо некуда.

март на календаре, зима вскрывает вены,
и черная кровь заливает улицы, переулки.

Причем – круглый год. Другой наш видный климатолог, Дмитрий Мухачев, более озабочен судьбой не лимафтических, но гидрологических ресурсов, с которыми дело тоже плохо:

вода так замутнена, холодна и мерзка,
будто там утопился претенциозный лузер.

Ну, как говорится, этого добра хватит на наш век – разумеется, в поэзоотделе Ликбеза вы таких не сыщите. А вот таких, как Евгений Банников, орнитологов-борцов за спасение редких видов – уже сыскали.

Что, за жар-птицей изойти в погоне?
Поймать?
Поймал?
Ну, разожми кулак!
Нет ничего.
Дождинки на ладони.

Такая вот погода. Дождливая, и птичку жалко. И грустно. Но не в стихах Татьяны Баймундузовой, главного погодооптимиста поэзоотдела.

Короткая весна в 4D
Не восполняет витамином Д
Холодный Apr. запить глинтвейном надо
и приближая ласточкин сезон
встать в центр снегопада на газон
но оказаться с краю снегопада
и стоя в луже grosse idiot
я знаю здесь последний снег умрет

Туда ему и дорога, противному! А тебе читатель – к вершинам нашей поэзии!

МГ

Екатерина ВИХРЕВА ►

▼ МАЯКИ В СНЕГАХ (подборка стихов)

• • • • •

О насмешливый и одноразовый бог, бог Пластикового века!
Твой длань над нами, потерявшими свои таблетки,
Плачущими в закрытой ванной в поисках одиночества,
Прячущими Твои подарки в ожидании подходящего общества,
ищущими себя в абсурдности снов викторианской девочки,
отними у нас память о том, в какую сторону крутятся стрелочки
и у нас ничего не останется
а ведь время – тик-так – это только такая игра, и для самых маленьких.
Я догадалась об этом однажды, когда мы проспали
свою смерть, позабыв завести будильник.
Господи боже мой, отправляя во тьму, не гаси, не гаси светильник

• • • • •

Находя себя в списках лучших - в сочетании "и другие",
упражняясь в иронии, назовешь это эвфемизмом.
На балконе ноябрьской ночью проглотишь слезу пополам с сигаретным дымом.
Какое далекое детское время, когда на оси провинция-поезд-столица
Ты приколол, как нежную бабочку, все, что было.
Лавочку в сквере напротив крыльца универа, где, голову запрокинув
Можно плевать в небеса, и они не обидятся даже. Все еще впереди,
И у женщин твоих нежный запах, худые коленки и вам только двадцать один,
Двадцать один, всё кричит тебе, глупый, лови, не теряй нас из виду.
Мир настолько прекрасен, насколько же бесполезен
Ты когда-нибудь вспомнишь об этом дне пополам с сигаретным дымом
На балконе ноябрьской ночью, и тут же забудешь, как будто пригрезилось,
Как будто просто пыльца и краски осыпались, а под ними
не обнаружились крылья.

• • • • •

Ты глядишь в монитор, монитор тоже глядит в тебя.
Мигают значки-зрачки. В освоении птичьего языка
преуспевают три брата - три дурака,
и их сестренки, которых делали не любя.

Выбросишь ли это из головы, когда инди-мантру тебе пою,
Когда задеваю тебя рукавом невзначай
Под свитером грубой вязки будет ли как попало стучать
Мышца, и с ней в унисон - Beirut.

Если когда-нибудь голосом бога заговорит эфир,
вспыхнет наш город, словно терновый куст
почувствуешь что-то еще, или лишь легкую грусть
за уходящий в небытие, никогда и не бывший мир?

• • • • •

Солнце садится в снег и дочерна плавит края отдаленных елок
эти мосты эти насыпи эти шепоты сумерек в чаще
там точно, думаешь, кто-то живет и выходит ночами
юная ведьма с айпадом и связкой зимних травинок
машет автобусам проходящим мимо
а ты и не видишь но чуешь это движение
и становится так прекрасно и жуть
и на миг понимаешь что тебя всегда где-то ждут,
что всегда когда ты в пути
разверзаются эти ворота
между тобой и иным
потому что только дороги и тропы
не отданы мертвым
не принадлежат живым.

• • • • •

Все ушли на холодный фронт,
Птицы стынут в полете, что твой хрусталь, падающий с серванта.
Этот мир по образу и подобию Твоему сотворен, но повернут наоборот,
Как формула в книге сумасшедшего некроманта.
Все так просто, почти как «аминь» заменить на «онлайн»,
Отправляя письма деду морозу, богу, дурной природе.
Как доплыть до пределов мира и перелиться за край,
Чтобы не было больше тебя. Ну хотя бы не было здесь, где так холодно.
Оказаться в компании рыб и возможно, троих китов,
Или кит был один, а слонов сотворили больше?
Каждую ночь доставая из вечного моря простой улов,
Черпая сладкое прошлое время щербатой ложкой.

• • • • •

Мне приснится дом далеко в полях
Сухая полуденная земля
Пластинка ПинкФлойд и Эмиль Золя

Я увижу тебя, стоящего на крыльце
Блики солнечные на лице
Неужели это и будет с нами в самом конце

Я запомню все на тысячи жизней вперед
И услышу ветер, крадущийся вдоль болот.
Говорю же тебе - никто никогда не умрет

• • • • •

Тогда ты была счастлива, а теперь хочешь быть смотрителем маяка.
Чтобы - если одной, то наверняка,
Чтобы - совсем никого на тысячи лет и миль,
Чтобы маяк светил.
Издалека.

Но мы стоим в центре города, людской океан
Бьется о нас волна за волной.
Что мы волне, что волна нам.
Слепой играет на дудочке,
Она говорит - успокойся, дурочка,
Весна не приходит одна.

• • • • •

Любое море однажды становится лужей.
Шорохом раковины, прижатой к уху.
Любой из нас однажды приходит к морю.
Спускает лодку и плывет на поиски места
Где вода превращается в небо.
«Что же вы, чайки, плачете слишком громко?
Что же ты, солнце, прячешься слишком быстро?»
«Этот кораблик, милый, сделан из сигаретной пачки.
Мачта – обугленная спичка.
Это море по щиколотку мальчишкам
Бегущим домой после первой смены».
«Я ищу место, где вода превращается в небо.
Я ищу солнце, которое не заходит вечно.
Я слышал настойчивый шум прибоя.
Разве я мог вернуться?»
…Любое море однажды становится лужей.
Шорохом раковины, прижатой к уху.
Любая лужа однажды становится морем.

Если бы ты услышал.

• • • • •

Каждый день ты идешь мимо храма, там живет несбывшийся бог,
Он танцует и дышит на ладан,
И ладан дает росток,
А в твоей голове разрастаются плющ и дрок.
Кажется, этого бога зовут не Христос. А может, он вовсе не бог.
Он проплывает над гнездами проводов,
Люди - как птицы. Тащат домой любовь,
Если она переливается и блестит,
А потом не умеют вытряхнуть прошлое из углов.
Забери меня, право, не худший будет улов.
Забери к себе на солнечный остров Крит.
Я очень старалась, ты знаешь, но я не умею здесь быть

• • • • •

Быть бы тебе маяком на родной Итаке,
Только какой из тебя маяк - разочарованный странник.
Сколько богов, островов, кораблей.
Все для тебя, Одиссей,
Каждая мнит себя минимум Навсикаей,
И очень хочет тебя спасать.
Но ты вновь садишься на весла, покупаешь билет в бизнес-класс,
В сумке с ноутом вдруг находишь перо Пегаса.
А может, горничная перетряхивала подушки.
Все для тебя, Улисс, но почему так душно.
Ты распускаешь узел на галстуке, где-то сейчас старый лузер Гордий?
А еще та, смешная и гордая,
Оказались в одной тусовке тысяч пять лет назад.
Только и ждешь с тех пор, как бы снова увидеть ее глаза.
Вместо этого научился френдить циклопов.
Как, говоришь, ее звали?... Но точно не Пенелопа.

Дмитрий МУХАЧЁВ ►

▼НОВАЯ ГОЛОВА (подборка стихов)

• • • • •

Проснулся и видит неубранный стол.
На окнах – рассвета печать.
Вчера, в балахоне с лиловым крестом,
смерть приходила на чай.

Рекламы и лозунги смутных времен
мозолят прохожим глаза.
Маршрут путешествия в рай изменен,
нет входа на тайный вокзал.

А смерть говорила, что надо писать
о светлых синицах весной
и майскому солнцу потом показать
изящность иконы резной.

Что тысячи сказанных попусту слов
составят вселенский ответ,
что если кто в норме – ему повезло
в шестнадцать мальчишеских лет.

И сон в эту ночь был тяжелым и злым,
тонула квартира во тьме.
Не страшно уже психопатом прослыть,
закончить дорогу в тюрьме.

Звучи в голове, фантастический гимн,
сияй же, пронзительный март.
Незнание правды досталось другим
поклонникам женщин и карт.

• • • • •

Потеряны связи с солнцем, контакты с центром.
Время ползет и уже двадцать пятый год
я используюсь, бэби, только на десять процентов,
остальное тихо и меланхолично гниет.

О, сколько во мне угля и полезных масел,
драгоценной руды и артезианской воды!
Такие расклады, увы, абсолютно не красят,
не возносят к звездам, не встраивают в ряды.

Эскалатор на небо работает бесперебойно,
торты пекутся, публика веселится.
Оппозиция врет, что в Багдаде не все спокойно –
посмотрите только на нежные эти лица.

• • • • •

Вот тебе новая голова,
чтобы думать о сексе в несколько раз быстрей,
вот тебе администраторские права –
нарушителей правил форума поджаривать на костре.
Все, чего пожелаешь –
медали, «бентли», курорты, власть,
только не вздумай, нахальная гнида,
ее у меня украсть.

Я выслеживал ее в Лас-Вегасе и на Гоа,
караулил у дискотек и помпезных центров торговых,
валялся в мокрых траншеях и на крышах, покрытых горячим шифером,
казался себе то Гансом Шниром, то майором Шеффером,
а теперь этот контейнер для хранения тихих бесплотных призраков
сопровождает меня в разъездах по затерянным городам
и пока я способен помнить прошлое и орудовать бластером –
я его никому никогда не отдам.

• • • • •

люди в роскошных саунах и парных
люди в секретных сказочных казино
так благородны, данному слову верны
пьют по субботам, меняют резину зимой

я прозреваю оргии новых дней,
ядерный гриб над снулой чужой страной
цифры заумных статистик цветут во мне
черные розы повелевают мной

и я тебя вылечу от неземных простуд,
выловлю в пятницу, вызубрю наизусть
те, кто закончил трагический институт
держатся вместе и вместе изводят грусть

• • • • •

Менеджерши среднего звена
помнят, что кругом идет война:
будущее нации в руках
стаи женщин в строгих пиджаках.

Полуночный смрад который год.
Дома на диване пыльный кот.
В детстве были цирк и карусель,
а сейчас исчезли насовсем.

Разбудить в тебе апрельский сок
аккуратной лаской между ног,
чтобы жизнь светилась и цвела
на изящном краешке стола.

• • • • •

предпоследний вздох домодедовского бомбиста
табак в кармане, вся голова в Коране.
ваш пиджак прекрасен, как лето, но знаете мистер
холодный британский акцент меня очень ранит

и поэтому ваша миссис вас не дождется
цветы на уютном газоне вдруг станут пеплом
сегодня воздух в Москве как крапива жжется
я ваш общий друг, я вас приглашаю в пекло

никто не знает, как мне всю жизнь было плохо
дождь на поля мои никогда не падал
от щедрот планеты большой доставались крохи
куда бы я ни приходил - все становилось адом

а сейчас мой желтый бутон распустится резко
надменный космос сделается милосерден
и воспрянут те, кому пообщаться не с кем
и будут стоять перед гордой небесной твердью

• • • • •

«Дичок, медвежонок, Миньона»
О.М.

Я словно старое ведро
среди соломенных корзин.
Что делать, если врет И-Цзин
и законтачено Таро?

Ни предсказаний, ни чудес.
Над полем пляшет мутный мрак
Иду я в будущего лес,
ко мне несется сто собак.

В подвалах точатся ножи.
Ключ к правде спрятан под софой.
Я буду ждать тебя всю жизнь,
весталка, вишенка, Сафо.

• • • • •

Чикатило шлет телеграмму возлюбленной Эльзе Кох:
гудят саксофоны русской провинции, я совершенно оглох,
даже и не услышу, когда вдруг скажет наш неделимый Бог,
что, мол, я плох, я лох.

Когда я был молод, то вся деревня знала, что ночью
рыцари в белых нарядах ходят по злачным местам,
выцарапывают глаза тем, кто распрямил позвоночник.
И я распрямлять не стал.

А теперь я тусуюсь в отхожей яме, вороны надо мной
поют крамольные песни о спасенье Руси.
Я мечтаю круглыми сутками лишь о тебе одной.
Если можешь, вознеси меня и спаси.

• • • • •

Она от него забеременеет и родит.
Ребенок, естественно, будет похож на солнце.
А я на акселератор возьму кредит,
мои промедленья достойны вождя эстонцев.

У них будет семья, полноценный и прочный рай,
розовый свет над многоквартирным домом.
Все враги удалятся в свой богом забытый край
и станут там промышлять грабежом кондовым.

Я разочаровывал всех, а ее – каждый день.
Болтал такое, что сохли вокруг пионы,
от себя оттолкнув мало-мальски достойных людей,
врал без конца и порхал самоупоенно.

Свинцовые догмы не станут меня щадить,
при моем появлении панки не сделают ноги
Я даже не смог ее грамотно защитить
без интеллигентских расшаркиваний убогих.

Устав от господства больших толоконных лбов,
грандиозных компьютеров для управления миром,
судьба виртуозно выдумывает любовь,
заделывая во вселенной большие дыры –

таков ее юмор, хохма на злобу дня.
Давайте рубиться по сетке с ехидным бесом,
в смешную игру, где пластмассовая свинья
бредет в лабиринте без всякого интереса.

Она от него забеременеет, если уже
этого не случилось той хлопковой ночью,
когда он спокойно увидел ее в неглиже
целовал ее пальцы, губы, плечи и прочее.

Я домой иду по мосту, а внизу река.
Равнодушные баржи везут свои важные грузы,
и вода так замутнена, холодна и мерзка,
будто там утопился претенциозный лузер.

• • • • •

Гуляет в поле божья плеть,
сияет божья нить
а значит, будут тихо тлеть
в земле июльской гнить
проблемы, грязные дела,
стритрейсеры, сержанты
и значит, будет всё зола
и никого не жалко.

• • • • •

Мой батюшка, они меня съедят,
разрезав на нелепые кусочки.
Их когти хитро выделяют яд,
способный вызвать в жертве сон порочный.

Меня проткнет невинный каблучок
под пение восторженного хора.
Ах, дорого бы дал Альфред Хичкок
за этот яркий, бесшабашный хоррор.

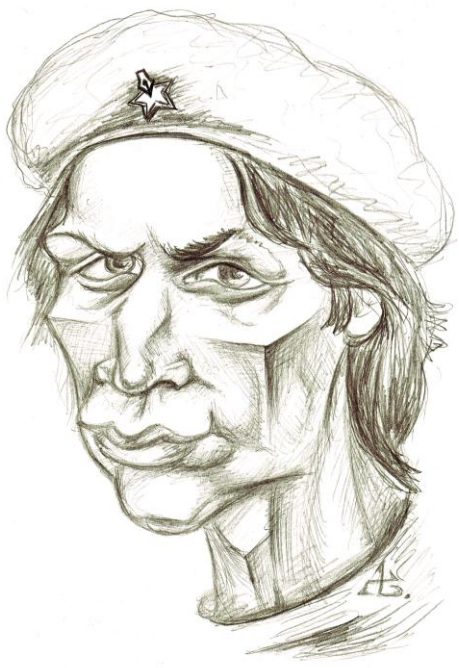
По небесам гуляет желчный страх.
Наверно, карма у меня плохая:
другие носят правду на руках,
а я несу в душе свое Дахау.

• • • • •

Все просрать и остаться в лодке
одному, без весла и веры.
Согреваясь лимонной водкой,
в голове создавать химеры.

Эти хвори, мой друг, заразны.
И ни с кем говорить не нужно:
марсианином быть прекрасно,
черной пылью – намного хуже.

Отведи меня в сад, где слива
так цветет, что взлететь охота
и дрожит чистотел трусливый,
ожидая впотьмах чего-то.

Евгений БАННИКОВ ►

▼ ВОСЬМАЯ НОТА (подборка стихов)

• • • • •

Очередная, странная весна
Ещё не обошла своих владений.
Но тёплым ветром вновь принесена
Восьмая нота злых сердцебиений.

И, вот, уже, как много-много раз,
Бродить по пьяным улицам весенним
Так хочется с тобою.… Но сейчас
Уже не для меня твоё волненье.

Ты на иной осталась стороне.
В другой эпохе, где-то по соседству.
По шум вокзала чудится во сне
Твоей улыбки скромное кокетство.

Две бабочки влетают по ночам
В раскрытое окно. В бесшумном танце
Почти уподобляются свечам
В своём оранжевом и голубом убранстве.

И не понять уже в который раз
Сопровождаю взглядом этот танец,
Почти осуществившийся без нас,
Как наших фотографий жёлтый глянец.

Перрон пустеет. Проводы страны
Закончены. Оркестр распустили.
Способность наблюдать со стороны
В нас главною способностью растили…

• • • • •

Несовершенство тихое гнетет.
Не те слова, тихи они и робки.
Не тот накал. И строй у слов не тот.
В них мысли тонут, как в трясине тропки…

Искать всю жизнь. Искать, не находя.
На слог иной затрачивать погоду
… Слова стекают,каплями дождя,
По мокрым крышам в хмурую погоду…

Терять покой.
Не спать.
Но все не так.
Что, за жар-птицей изойти в погоне?
Поймать?

Поймал?
Ну, разожми кулак!
Нет ничего.
Дождинки на ладони.

Но даже в них поэзия живет.
Мне остается просто удивляться.
И новых слов чудесный хоровод
Еще раз может сказкой оказаться…

• • • • •

Течет река,
Как молоко из кринки.
И небеса сияют по утрам.
Напоминают детские картинки,
Картины,
Вдруг, открывшиеся нам.

Дрожащий шум лягушачьих капелл.
Звенящий блеск ручья
В прибрежной чаще.
И чистый лист,
Как в памяти пробел.
И мир,
Своей загадкою манящий…

Течет река...
Лишь мерный всплеск волны
Гармонию беззлобно нарушает.
И облака,
Как сгусток тишины,
Плывут,
Чтобы дождем пролиться в мае...

МОЙ ГОРОД

Не настороженно, беспечно
Пройду по улицам пустым.
Безвестности своей навстречу,
От шороха ночных простынь.

В такие ночи можно слышать,
Как сны, дождавшись темноты,
Блуждают по пустынным крышам,
Общаясь с Вечностью на Ты.

И, даже, в город заколочен,
Не задохнусь, но вырвусь вон
Из теплоты весенней ночи
В прохладу предрассветных волн.

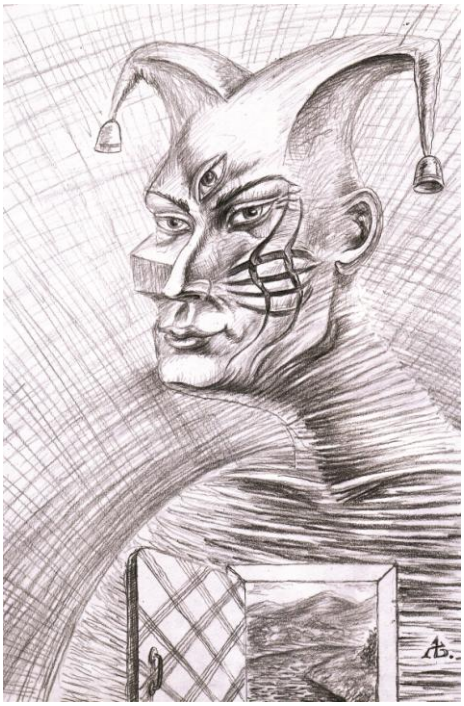
• • • • •

Мы с тобою попали в ловушку
наших слов неуместных. Прости.
И прислушайся к сердцу. Послушай,
Как пытаюсь я чувства спасти...

Но, похоже не спас. Ты не слышишь.
В вихре новых витаешь проблем.
И мой голос все тише, все тише...
Вот, уже и не слышен совсем.

• • • • •

..Претерпеть.
И раскаяться.
Исповедь, Боже,
Горше хлеба.
И горше слюны.
Когда больно глотать,
Когда неосторожно
Всякий звук
Во грехе обвинит.
Час назначен.
Назначено время расплаты.
Утомителен суд.
Приговор
Недоступен
Умывшему руки Пилату
И не вынесен до сих пор...

Елена ГЕШЕЛИНА ►

▼ ПРЕДСТАВЬ, ЧТО ПРИШЛА ВОЙНА (подборка стихов)

• • • • •

в пустых универовских коридорах душно и ни намека на сквозняк,
сидишь на лавочке перед дверью, окрашенной в голубой,
там, за дверью, идет занятие: фонетика, видимо, слышатся голоса,
твердый приступ, долгие гласные, конечный согласный нельзя смягчать,
мальчики стесняются зеркалец, девочки корчат рожи.
мальчики недовольны: они взращены на американских фильмах,
там, где гнусаво растягивают слова.
они все в узких джинсах, слушают инди, играют мьюзик,
девочки все по-журнальному хороши.
было две кафедры, стало три, двери покрасили.
в коридорах по-прежнему ни души.

пустые школьные коридоры, сегодня суббота, занятий нет
первый этаж выкрашен в бежевый, четвертый – в бледно-зеленый цвет.
бывшие школьники небрежны в шутках, курят все, как один,
бывшие школьницы ходят в шубах, счастливы в браке, конечно, с детьми,
иногда все вместе встречаются, ездят летом на лыжи, зимою – на шашлыки,
в школу тоже заходят, конечно, классную повидать.
подруга по Интернету познакомилась с новозеландцем,
уехала к нему, шлет открытки, там зелено круглый год,
идем в кабинет математики, там чужие люди.
нашей учительницы нет, она умерла уж два года как,
на рождество как раз. В коридорах тихо.
смотришь с четвертого этажа, там дети играют в снежки.

на набережной тихо, январь, минус восемнадцать,
замерзшая Обь похожа на плексиглас,
когда-то там были лавочки, на них рисовали,
за это нам даже милицию вызывали.
мы так неприкаянно веселы,
так отчаянно неодиноки,
и если скинемся по рублю, то купим бутылку водки.
а кто не хочет – тот пьет портвейн сливового вкуса и цвета,
на сдачу – батон «Отрубной», майонез, дешевые сигареты.
на набережной тихо, а что ты хочешь – зима.

мне скоро тридцать, я плохо готовлю, бойко пишу,
былые друзья стали фото в альбоме,
в комнате солнце, пусто, слышно радио у соседей,
можно подольше спать, воскресенье.
мне двадцать два, я сижу с друзьями в кафе,
пью растворимый кофе за пять пятьдесят,
стихи в тетрадке, курточка, старый берет,
купленный в Н-ске на барахолке.
мне одиннадцать, у меня черные косы до пояса,
когда я их отрежу, остановится детство,
остановится
детство.

• • • • •

говорили: покажем тебе новый мир,
там ты будешь сильнее всех,
кто глядит на падающего в грязь
и рукой прикрывает смех.

и давали оружие – не в долг,
не в подарок, а подержать.
сколько тестов еще я должна пройти,
чтобы мне разрешили стрелять?

с каждым годом, прожитым на «выдох – вдох»,
все неправильней и трудней.
а судьба издевательски бьет в глаза
красным светом сигнальных огней.

• • • • •

Шарлотту бросили. Некому по утрам
кофе варить и овсянку подогревать.
говорят, уехал в Индию, в какой-то ашрам,
раскаялся, говорят, не хочет никого убивать.

Шарлотта думает: «Шестьдесят тысяч фунтов в год,
Квартира в центре, машины нет, буду ходить пешком.
Меня знает полсвета, каждый уличный пес узнает –
куда б ни приехала. Узнает ли он?

Я слышала, что он болен, что не встает,
что после лечения он слегка не в себе.
Мы с ним не виделись – Боже! – двадцать один чертов год!
Узнаю ли я его? Не уверена, хоть убей».

Шарлотта курит в кабинете у главврача,
стены красить пора, потолок обшарпанный.
«Однажды он пытался бежать, открыл окно,
этаж был пятый. Кричал: «Плевать, что меня заперли!

Люди летают – верите или нет?
Только в полете люди становятся вольными!»
Мы нашли его через час. Его не спас даже снег –
зима была снежной. Санитаров, конечно, уволили».

«Скажите, док, говорил ли он обо мне?»
«Говорил что-то, но мы не придали значения.
Он еще вел дневник» - «Покажите дневник мне». – «Нет.
Врачебная тайна». – «Сделайте для меня исключение».

Подкупленный врач протягивает ей тетрадь.
На первой странице знакомый неровный почерк:
«Шарлотта! Мне сложно жить и легко умирать.
Меня похоронят без оркестра и прочих почестей.

Как жаль, дорогая, что ты никогда не умрешь.
Как жаль, что после меня будут легионы...»
Далее – неразборчиво: «...память как летний дождь
смоет следы, и ты снова будешь влюбленной».

«Я не хотел бы жить вечно – и так хорошо.
Только вот...» - на этом рукопись обрывается.
Вот и все, думает Шарлотта, и этот ушел.
Мое персональное кладбище расширяется.

Она плачет на автобусной остановке,
На себе ловит взгляды жадные и случайные.
«Не выйдет, дружок. Стреляешь глазами ты ловко,
Но ты смертен. А я бессмертна. И это печально».

• • • • •

здесь пишут друг другу любовные письма,
претендуя на вечность и оригинальность,
негласному правилу следуя,
не критикуют друзей,
а вместо похвал нажимают I like it в фейсбуке.

здесь никогда не плачут на людях,
смеяться тоже грешно.
здесь до весны доживают, как до победы.
самое страшное здесь –
прожить в одиночестве зиму.

• • • • •

***
хорошо только первые пять лет – свечки, торты, серпантин.
в свой день рождения ты никогда не остаешься один:
тебя любят,
ты защищен
и заочно за все прощен.

еще пару лет – и тупик, ты осознаешь:
каждый новый день приближает тебя к концу.
тебя любят,
но ты не любишь
то, что в поле твоего зрения.

а потом наступает то, что боишься больше всего,
чаи с антиоксидантами, золотые нити, коллаген:
продлись, продлись, очарование, юность, не уходи!
какая там мудрость?
причем тут опыт?

• • • • •

победа – это признание поражений,
святое умение не вспоминать о плохом,
быть лириком в мире, где ценится только эпос,
быть болтуном в мире глухонемых и просто молчащих.

победа – это когда не боишься самой себя,
седых волос, одиночества, потери работы.
в юности ты мечтала быть героиней кино,
хорошо остаться хотя б в городских анекдотах.

победа – это пустой полустанок на краю земли,
ни одного человека, куда там знакомых.
без дома, без друзей – твоя жизнь теперь затяжное «без».
вставай. мы уже дома.

BLUE VALENTINE

теперь у меня опущенные углы рта,
а у тебя – седина на висках
и складка между бровей.
как бы нам не встретиться
на одной улице, на одном повороте?

у меня окна, рамы из пластика и мириады стен,
ежедневный путь из варяг в греки –
из квартиры в контору и снова в квартиру.
у тебя жена, которая не любит незваных гостей,
тех, что хуже и Золотой Орды,
и планеты Нибиру.

как бы нам не встретиться в мире общих знакомых?
февраль замораживает сердца, заворачивает их в пластик.
и куда бы ткнуться, чтобы не было так холодно,
просто согреться, никакого вселенского счастья

• • • • •

Лизе

женщина – бархатный кофейный взгляд, черный высокий ворот, кофейная кровь
(не голубая, это слишком банально, просто)
смотрит в меня, видит меня насквозь,
с сердца сдирая коросту.

«что, - говорит женщина, - не отпускает тебя?
ты не переживай, мы все там были,
пережили, вернулись, а ты живи,
он еще вспомнит, как его однажды любили».

я роняю слезы в вино, я отравлена, я больна,
у меня в душе пели флейты,
сейчас – тишина

• • • • •

представь, что пришла война. Что нужно бежать
или сражаться – третьего не дано.
сделаешь выбор? трудно. но все решено.
остаться и подыхать, уезжать и погибать.

это как в старой сказке – и справа, и слева смерть.
оглянись на пылающий дом и стань соляным столбом.
не хочется больше биться о стены лбом,
впрочем, бомбежка прошла, стен больше нет.

представь, что пришли за тобой. Что приклад упирается в спину,
и связаны руки, и кровь запеклась у разбитого рта.
что-то не получилось, что-то в этой картинке не так.
представь, что ты никогда не умрешь,
представь до того, как кровь горлом хлынет

• • • • •

запрокинув голову, видишь, как переливается серый,
как толкает тучи локтями-лучами солнце,
март на календаре, зима вскрывает вены,
и черная кровь заливает улицы, переулки.
запрокинув голову, видишь, как низко небо,
как малы прохожие с лицами приговоренных
к повешению или вечной каторге где-то
на севере, там, где в июне бывают метели.
запрокинув голову, видишь точки и запятые,
птицы и самолеты в бескрылом небе.
снишься себе: за спиной у тебя крылья:
проволока, цветная бумага, перья из карнавальной маски.
запрокинув голову, видишь себя на земле:
вечная девочка с глазами самоубийцы,
всех запоминаешь, соединяешь в себе их лица,
чтобы сон разума породил очередного монстра.
но не двигаешься, стоишь, запрокинув голову,
убеждая себя, что небо становится ближе,
а на самом деле оно с каждым днем выше и выше,
под ногами земля надламывается, как сухое печенье.
правда в том, что мы смертны, мы хрупки, ломки и деликатны,
не железо и сталь – а сухое дерево, щепка,
оттого у нас глаза пожизненно заключенных
в оболочку
из тонкой кожи

• • • • •

заходите ко мне чаще,
я давно превратилась в звучащее,
бестелесное, бездушевное,
бесполезное, не-волшебное.

заходите ко мне – в памяти
много слотов пустых, незанятых.
не ищите меня по квартирам и чердакам,
и на улицах не караульте,
меня больше нет.

а вообще-то знаете... не заходите,
просто вспоминайте хоть иногда:
память – место, где я все еще красива,
и, кажется, даже жива.

Татьяна БАЙМУНДУЗОВА ▶

▼ В ЭТИ ГОДЫ (подборка стихов)

ВЕСЕННЕЕ

Короткая весна в 4D
Не восполняет витамином Д
Холодный Apr. запить глинтвейном надо
и приближая ласточкин сезон
встать в центр снегопада на газон
но оказаться с краю снегопада

и стоя в луже gosse idiot
я знаю здесь последний снег умрет
и в ожиданье трепетном простуда
еще немного я вернусь домой
вернусь домой не надо боже мой
не возвращайся
уезжай отсюда

КРАЙ СВЕТА. ИСПАНСКОЕ 2.

DEL FIN DEL MUNDO, товарищ,
Вот мой предел,
Моя история с продолжением без тебя.
Иди домой, мой хороший, как ты хотел,
Иди домой, повстречай по дороге плохих ребят.
Потом еще будет много, *ma camarade,*
Забудешь имя мое - вспоминай лицо.
Со мной случалось такое (вернись назад!!!)
Я через год напишу тебе письмецо.
Но ты об этом не думай, адьес, адьес,
Мне больно быть терпеливой и делать вид…
Но ты об этом не знай, не смотри всерьез,
Когда чужого не знаешь, то не болит.
Беги, беги, не то безумие и беда,
В моей отчаянной голове не дай бог любовь…
Del fin del mundo теплеет в море вода
И плещется моя лодка у берегов…

ОДИНОЧЕСТВО

Вообще неинтересно жить.
Посмотри в окно — темно и хладно.
С мухами по осени дружить
лучше. А дружить с другими - в падлу.
Девочки закутались в манто,
Тянутся в кофейню на проспекте,
Дай им, Боже, денежку в конверте,
Девочки запутались а то.
Что за скука — никаких затей.
Спать ложись. На творчество — забей.
А на утро — если будешь тут -
Ляжет снег. И мухи все умрут.

• • • • •

Этот мальчик не любит стихов, и не понимает - «нафиг?»
Я за это люблю его и почти не люблю стихи.
У меня не хватает слов, чтобы с ним говорить и ладить.
У меня в голове — круги, как у Старшего Дерева Ки-но-Э.
Но Это значения не имеет, -
я смотрю, как движенья его легки.

Он разыгрывает меня, потроша мой словарный трафик.
То есть, обыгрывает меня, потому что фигня-война,
Здесь никто никому не должен, пошли все нафиг,
У него на вечер еще не досмотрено пол-кина.

Пол-Ки-но-Э..ээ, так не бывает! Меня не путай!
Я сожгу это дерево к черту, - займусь фигней.
Только что ты заладил одно и то же, не будь занудой.
Ты, конечно, умнее меня. Ну и фиг с тобой.

Я не буду стихов писать, я уже почти разучилась.
Ты за это мне дай кино или лучше два.
Древесиной пропахла осень, башка моя прохудилась.
Как круги на воде, бесполезны мои слова.

Что такое Ки-но-Э он тоже понял едва...
И за это я даже больше люблю его, чем сперва.

* Ки-но-Э - Старшее дерево, символ китайского календаря летоисчисления

• • • • •

Никто не знает, как заканчивает день ничем не примечательная тетя.
Она в уме рисует бюллетень, стремление к нулю всегда в работе.
Ей жаль себя, себя безумно жаль, я, говорит, та бабочка в полете,
застывшая. (вы, баба, не умрете). и впереди еще такая даль.
Она смеется, плача, над собой, чудовищная женщина, чудная,
(ничем не примечательная, ой), психованная, но никто не знает.

А в это утро, впрочем, как и в то, она проснулась вечером (поскольку
восход с закатом спутаны давно). Кофейного зерна вкусивши дольку,
пошла навстречу людям: - о, друзья
мои! и весело, и страстно
работаем по плану, Бог воздаст нам
по ГОСТу за отраву бытия!
И Бог, конечно, щедро воздает. От медленных вещей оберегает,
Закручивает резко, распрямляет. Пускает в пляс. И песенку поет.

Потом мгновенно наступает ночь.(но до того еще сползти по стенке
в прихожей). Выжить в направленье "дочь", и в точке "сын" свалиться на коленки.
И превращаясь в медленную вещь (пружинка по инерции трясется)
Она спускается на дно колодца, а остальные - остаются здесь.
Они простят, они хотят проститься. Так ласково, как могут только дети..
А в общем-то, ей чуть всего за тридцать.. Да в эти годы, Господи, да в эти...

Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ ▶

▼ НИКТО НА СВЕТЕ, ТОЛЬКО ТЫ (подборка стихов)

РОМАНС

В белогвардейской контрразведке
служил очкарик: тридцать лет,
атлет, эстет, садюга редкий,
потомственный интеллигент.
Когда коллеги по работе
у адмирала Колчака
его хвалили чем-то вроде:
«С твоей бы хваткой – да в ЧК!»,
чуть улыбнувшись, шёл на воздух
он, доставая портсигар,
и, ёжась на крыльце, о звёздах
всё думал, выдыхая пар
(о тех, что пленным вырезали), –
уже стояли холода, –
и, небо обводя глазами,
мычал: «Гори, моя звезда…»

• • • • •

Полетели гуси, полетели,
полетели в дальние края…
А ещё в начале той недели
опустела родина моя:
опустели избы и квартиры,
улицы, дороги и поля,
теплотрассы, офисы, сортиры,
во дворах верёвки для белья,
банки, магазины и отели,
лишь звезда с звездою говорит,
опустели белые постели,
и донельзя сиротливый вид
у прибитых в грязь счетов к оплате,
и ни слёз, ни жизни, ни любви…
Прилетайте, гуси, прилетайте,
прилетайте, голуби мои.

• • • • •

…Оказаться в гостях ненадолго,
где тебя, запоздавшего, ждут
смех, тепло, новогодняя ёлка,
дребезг ложки о блюдце, уют;
где бывает (спасибо вам, братцы)
жизнь – прекрасной и вкусной – еда.
А потом потихоньку собраться
и неслышно уйти. Навсегда.

• • • • •

Я шёл из Содома в Гоморру
на рынок продать молока,
а дома оставил корову
с семейством (жена и слуга).

Меж рынком и домом правитель-
ства стража спросила меня:
«Ты ангелов в небе не видел?»,
к чему непонятно клоня.

Когда же с доходом постылым
вернулся домой – зарыдал
и голову пеплом посыпал,
одежды свои разодрал…

О Боже, я не понимаю,
за что, за какие долги
Твоих небожителей стаи
родимую хату сожгли?

• • • • •

Отцу я не могу
простить четыре вещи,
а маме – только две:
в два целых раза меньше.

Неблагодарное
такое вот я чмо…

Себе же ничего,
себе же – ничего.

• • • • •

Как много в чае кофеина,
как мало в кофе молока.
Что сон, что явь – мне всё едино;
не хороша и не плоха –
обыкновенна жизнь без цели…
Проснись, красавица, проснись, –
мы разве этого хотели
на всю оставшуюся жизнь?

Водила врубит магнитолу,
и ты очнёшься наконец
в тоске по веку золотому,
по золоту родных сердец.
Но нет кареты мне, кареты
у «скорой» даже, – срам и стыд!..
Ау, судьба, ну где ты, где ты?
Молчит. Скрывается. Таит.

• • • • •

Как водомёт свои струи,
колышемые ветром, мещет!..
Нас было два, а может, три:
разбей-ка сам на чёт и нечет, –
ты лучше с родиной знаком,
промчась по жизни автостопом,
а срубленный столетний тополь
шумит и бредит за окном:
«Я слишком многих потерял
в своей бессоннице бессрочной,
и человек – такой непрочный
строительный материал».

• • • • •

Владимир Николаевич, физрук.
Его любили и физ-ру любили
сильнее всяких остальных наук –
за то, что многое спускал нам с рук,
в отличье от, я спрашиваю, или
за то, что был красивый, молодой,
пока не уходил в свои запои?..

Но всё накрылось мраморной плитой,
и конь спортивный превратился в пони.
Уже давно закончилась физ-ра
и прозвенел звонок на перемену
белья и участи, на тётю Мельпомену –
четвёртый акт…
Я бросил спорт. А зря.

• • • • •

У человека нет друзей –
у человека только френды.
А он такой и нужен ей –
совсем ручной, почти безвредный,
за жизнь сменивший раза три
семью, жилище, место службы, –
но что меняется внутри,
когда меняется снаружи?..
(Носком чумазого ботиночка
здесь ковыряла снег она,
голубоглазая блондиночка…)
Как бы очнувшись ото сна,
глядит назад, глядит вперёд,
но никого не узнаёт.
«Тебе для счастья не хватило
двух грамм фенилэтиламина».
А он такой и нужен ей…
Нет, всё-таки не так уж странно
прозрение за десять дней
у Иоганна Себастьяна.

• • • • •

Божество не заключает сделок:
что попросишь, то тебе дают.

И наступит чёрная весна,
и настанут мартовские заморозки.

Облака с подсветкой изнутри
розовой составят часть пейзажа.
С нянькой Миша выйдет или Саша.

И никто на свете,
только ты.

• • • • •

…Собственно, осень уже началась:
ворохи листьев к обочинам жмутся
с шорохом, сухостью ломкого хруста…

Это всего лишь их малая часть.

И отлетают, о чём-то шепчась
с ветром и напоминая обои,
в небо высокое и голубое…

Это всего лишь их малая часть.

Рано ли, поздно и прочим опасть –
лепет и дрожь эта не потому ли?
Улицы в листьях совсем потонули.

Это всего лишь их малая часть…

• • • • •

…Я знаю, что, когда уходит радость,
сердца-цветы теряют лепестки;
тогда перестаёт благоухать
и тёплая медовая саранка,
и золотистый клейкий ноготок.

Я знаю, что, когда печаль уходит,
вороньих гнёзд неугомонный гнёт
в блаженном отдалении спадает
и тишина становится всё ближе,
как свет огней на взлётной полосе…

• • • • •

Школу страха окончили папа, и дед,
и второй, что лежит под Ростовом:
у того поколения выбора нет,
как всегда оставаться готовым.

Получив аттестат и медаль, выпускник
был на труд и на подвиг способен
в результате прочтения правильных книг
и просмотра наглядных пособий.

Но ветха эта школа, – и что впереди?
Мы сдаём на ремонт и не ропщем…
Я не думал, что в школу придётся пойти –
оказался всеобуч всеобщим.

• • • • •

Ты не лучше и не хуже множества,
потому привыкни и прими,
что и ты такое же ничтожество,
как и эти многие «они».

Сразу полегчает, и захочется
веселиться, пить, смотреть кино.
Потому что всё это закончится
очень-очень скоро всё равно.

• • • • •

Он открывал своим ключом.
Прислушиваясь к тишине в квартире,
курил на кухне, в целом мире
один оставшись. Ни о чём
особенном не думал он…
В тот год необычайно рано
на площади за их окном
спустили воду из фонтана.

ОКОНЧАНЬЕ ПИСЬМА

…Ты мне пишешь нечасто.
Что же там, впереди?
От предчувствия счастья
замирает в груди,
от бесстрастности мира,
неизбежности зла,
от которого лира
никого не спасла…

• • • • •

Люблю гулять по зимним кладбищам,
когда всё бренное в снегу,
ведь если не сейчас – когда ещё
со стороны взглянуть смогу,
без состраданья и брезгливости,
на открывающийся вид,
который вам по справедливости
и мне однажды предстоит.
Забыв любовь, печаль, истерику,
нас прочитают по слогам…
А может быть, махнём в Америку,
как Свидригайлов предлагал?

• • • • •

Женщин было так много
около да вокруг.
Господи, ради бога,
сделай же, чтобы вдруг
либо они исчезли,
либо ослеп я сам,
либо хотя бы (если
не прибегать к чудесам)
мы говорили о разном,
не думая об одном…

Я не любил их в красном –
я любил в голубом.

• • • • •

Бог мой, давно почивший в бозе!
Я несказанно удивлён:
на зеленеющей берёзе
всё больше листьев с каждым днём.
И я смотрю на это диво,
на цвет и зелень там и тут…
Как всё-таки несправедливо:
я умер, а они живут.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ▶

▼ ВОЙНА И МИР (роман)[1]

Том 1. Часть 1 Глава V.

Анна Павловна улыбнулась и обещалась заняться Пьером, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василью. Пожилая дама, сидевшая прежде с ma tante, торопливо встала и догнала князя Василья в передней. С лица ее исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, исплаканное лицо ее выражало только беспокойство и страх.

- Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе? - сказала она, догоняя его в передней. (Она выговаривала имя Борис с особенным ударением на о). - Я не могу оставаться дольше в Петербурге. Скажите, какие известия я могу привезти моему бедному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василий неохотно и почти неучтиво слушал пожилую даму и даже выказывал нетерпение, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтоб он не ушел, взяла его за руку.

- Что вам стоит сказать слово государю, и он прямо будет переведен в гвардию, - просила она.

- Поверьте, что я сделаю всё, что могу, княгиня, - отвечал князь Василий, - но мне трудно просить государя; я бы советовал вам обратиться к Румянцеву, через князя Голицына: это было бы умнее.

Пожилая дама носила имя княгини Друбецкой, одной из лучших фамилий России, но она была бедна, давно вышла из света и утратила прежние связи. Она приехала теперь, чтобы выхлопотать определение в гвардию своему единственному сыну. Только затем, чтоб увидеть князя Василия, она назвалась и приехала на вечер к Анне Павловне, только затем она слушала историю виконта. Она испугалась слов князя Василия; когда-то красивое лицо ее выразило озлобление, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крепче схватила за руку князя Василия.

- Послушайте, князь, - сказала она, - я никогда не просила вас, никогда не буду просить, никогда не напоминала вам о дружбе моего отца к вам. Но теперь, я Богом заклинаю вас, сделайте это для моего сына, и я буду считать вас благодетелем, - торопливо прибавила она. - Нет, вы не сердитесь, а вы обещайте мне. Я просила Голицына, он отказал. Soyez le bon enfant que vous avez ete,[2] - говорила она, стараясь улыбаться, тогда как в ее глазах были слезы.

- Папа, мы опоздаем, - сказала, повернув свою красивую голову на античных плечах, княжна Элен, ожидавшая у двери.

Но влияние в свете есть капитал, который надо беречь, чтоб он не исчез. Князь Василий знал это, и, раз сообразив, что ежели бы он стал просить за всех, кто его просит, то вскоре ему нельзя было бы просить за себя, он редко употреблял свое влияние. В деле княгини Друбецкой он почувствовал, однако, после ее нового призыва, что-то вроде укора совести. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими в службе он был обязан ее отцу. Кроме того, он видел по ее приемам, что она - одна из тех женщин, особенно матерей, которые, однажды взяв себе что-нибудь в голову, не отстанут до тех пор, пока не исполнят их желания, а в противном случае готовы на ежедневные, ежеминутные приставания и даже на сцены. Это последнее соображение поколебало его.

- Chere Анна Михайловна, - сказал он с своею всегдашнею фамильярностью и скукой в голосе, - для меня почти невозможно сделать то, что вы хотите; но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, я сделаю невозможное: сын ваш будет переведен в гвардию, вот вам моя рука. Довольны вы?

- Милый мой, вы благодетель! Я иного и не ждала от вас; я знала, как вы добры.

Он хотел уйти.

- Постойте, два слова. Une fois passe aux gardes..[3] - Она замялась: - Вы хороши с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, рекомендуйте ему Бориса в адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы уж...

Князь Василий улыбнулся.

- Этого не обещаю. Вы не знаете, как осаждают Кутузова с тех пор, как он назначен главнокомандующим. Он мне сам говорил, что все московские барыни сговорились отдать ему всех своих детей в адъютанты.

- Нет, обещайте, я не пущу вас, милый, благодетель мой...

- Папа! - опять тем же тоном повторила красавица, - мы опоздаем.

- Ну, au revoir,4 прощайте. Видите?

- Так завтра вы доложите государю?

- Непременно, а Кутузову не обещаю.

- Нет, обещайте, обещайте, Basile,[5] - сказала вслед ему Анна Михайловна, с улыбкой молодой кокетки, которая когда-то, должно быть, была ей свойственна, а теперь так не шла к ее истощенному лицу.

Она, видимо, забыла свои годы и пускала в ход, по привычке, все старинные женские средства. Но как только он вышел, лицо ее опять приняло то же холодное, притворное выражение, которое было на нем прежде. Она вернулась к кружку, в котором виконт продолжал рассказывать, и опять сделала вид, что слушает, дожидаясь времени уехать, так как дело ее было сделано.

- Но как вы находите всю эту последнюю комедию du sacre de Milan?[6] - сказала Анна Павловна. Et la nouvelle comedie des peuples de Genes et de Lucques, qui viennent presenter leurs voeux a M. Buonaparte assis sur un trone, et exaucant les voeux des nations! Adorable! Non, mais c'est a en devenir folle! On dirait, que le monde entier a perdu la tete.[7]

Князь Андрей усмехнулся, прямо глядя в лицо Анны Павловны.

- "Dieu me la donne, gare a qui la touche", - сказал он (слова Бонапарте, сказанные при возложении короны). - On dit qu'il a ete tres beau en prononcant ces paroles,[8] - прибавил он и еще раз повторил эти слова по-итальянски: "Dio mi la dona, guai a chi la tocca".

- J'espere enfin, - продолжала Анна Павловна, - que ca a ete la goutte d'eau qui fera deborder le verre. Les souverains ne peuvent plus supporter cet homme, qui menace tout.[9]

- Les souverains? Je ne parle pas de la Russie, - сказал виконт учтиво и безнадежно: - Les souverains, madame! Qu'ont ils fait pour Louis XVII, pour la reine, pour madame Elisabeth? Rien, - продолжал он одушевляясь. - Et croyez-moi, ils subissent la punition pour leur trahison de la cause des Bourbons. Les souverains? Ils envoient des ambassadeurs complimenter l'usurpateur.[10]

И он, презрительно вздохнув, опять переменил положение. Князь Ипполит, долго смотревший в лорнет на виконта, вдруг при этих словах повернулся всем телом к маленькой княгине и, попросив у нее иголку, стал показывать ей, рисуя иголкой на столе, герб Конде. Он растолковывал ей этот герб с таким значительным видом, как будто княгиня просила его об этом.

- Baton de gueules, engrele de gueules d'azur - maison Conde,[11] - говорил он.

Княгиня, улыбаясь, слушала.

- Ежели еще год Бонапарте останется на престоле Франции, - продолжал виконт начатый разговор, с видом человека не слушающего других, но в деле, лучше всех ему известном, следящего только за ходом своих мыслей, - то дела пойдут слишком далеко. Интригой, насилием, изгнаниями, казнями общество, я разумею хорошее общество, французское, навсегда будет уничтожено, и тогда...

Он пожал плечами и развел руками. Пьер хотел было сказать что-то: разговор интересовал его, но Анна Павловна, караулившая его, перебила.

- Император Александр, - сказала она с грустью, сопутствовавшей всегда ее речам об императорской фамилии, - объявил, что он предоставит самим французам выбрать образ правления. И я думаю, нет сомнения, что вся нация, освободившись от узурпатора, бросится в руки законного короля, - сказала Анна Павловна, стараясь быть любезной с эмигрантом и роялистом.

- Это сомнительно, - сказал князь Андрей. - Monsieur le vicomte[12] совершенно справедливо полагает, что дела зашли уже слишком далеко. Я думаю, что трудно будет возвратиться к старому.

- Сколько я слышал, - краснея, опять вмешался в разговор Пьер, - почти всё дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

- Это говорят бонапартисты, - сказал виконт, не глядя на Пьера. - Теперь трудно узнать общественное мнение Франции.

- Bonaparte l'a dit,[13] - сказал князь Андрей с усмешкой.

(Видно было, что виконт ему не нравился, и что он, хотя и не смотрел на него, против него обращал свои речи.)

- "Je leur ai montre le chemin de la gloire" - сказал он после недолгого молчания, опять повторяя слова Наполеона: - "ils n'en ont pas voulu; je leur ai ouvert mes antichambres, ils se sont precipites en foule"... Je ne sais pas a quel point il a eu le droit de le dire.[14]

- Aucun,[15] - возразил виконт. - После убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали видеть в нем героя. Si meme ca a ete un heros pour certaines gens, - сказал виконт, обращаясь к Анне Павловне, - depuis l'assassinat du duc il y a un Marietyr de plus dans le ciel, un heros de moins sur la terre.[16]

Не успели еще Анна Павловна и другие улыбкой оценить этих слов виконта, как Пьер опять ворвался в разговор, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что он скажет что-нибудь неприличное, уже не могла остановить его.

- Казнь герцога Энгиенского, - сказал мсье Пьер, - была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке.

- Dieul mon Dieu![17] - страшным шопотом проговорила Анна Павловна.

- Comment, M. Pierre, vous trouvez que l'assassinat est grandeur d'ame,[18] - сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая к себе работу.

- Ah! Oh! - сказали разные голоса.

- Capital![19] - по-английски сказал князь Ипполит и принялся бить себя ладонью по коленке.

Виконт только пожал плечами. Пьер торжественно посмотрел поверх очков на слушателей.

- Я потому так говорю, - продолжал он с отчаянностью, - что Бурбоны бежали от революции, предоставив народ анархии; а один Наполеон умел понять революцию, победить ее, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека.

- Не хотите ли перейти к тому столу? - сказала Анна Павловна.

Но Пьер, не отвечая, продолжал свою речь.

- Нет, - говорил он, все более и более одушевляясь, - Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав всё хорошее - и равенство граждан, и свободу слова и печати - и только потому приобрел власть.

- Да, ежели бы он, взяв власть, не пользуясь ею для убийства, отдал бы ее законному королю, - сказал виконт, - тогда бы я назвал его великим человеком.

- Он бы не мог этого сделать. Народ отдал ему власть только затем, чтоб он избавил его от Бурбонов, и потому, что народ видел в нем великого человека. Революция была великое дело, - продолжал мсье Пьер, выказывая этим отчаянным и вызывающим вводным предложением свою великую молодость и желание всё полнее высказать.

- Революция и цареубийство великое дело?...После этого... да не хотите ли перейти к тому столу? - повторила Анна Павловна.

- Contrat social,[20] - с кроткой улыбкой сказал виконт.

- Я не говорю про цареубийство. Я говорю про идеи.

- Да, идеи грабежа, убийства и цареубийства, - опять перебил иронический голос.

- Это были крайности, разумеется, но не в них всё значение, а значение в правах человека, в эманципации от предрассудков, в равенстве граждан; и все эти идеи Наполеон удержал во всей их силе.

- Свобода и равенство, - презрительно сказал виконт, как будто решившийся, наконец, серьезно доказать этому юноше всю глупость его речей, - всё громкие слова, которые уже давно компрометировались. Кто же не любит свободы и равенства? Еще Спаситель наш проповедывал свободу и равенство. Разве после революции люди стали счастливее? Напротив. Мы хотели свободы, а Бонапарте уничтожил ее.

Князь Андрей с улыбкой посматривал то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку. В первую минуту выходки Пьера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку к свету; но когда она увидела, что, несмотря на произнесенные Пьером святотатственные речи, виконт не выходил из себя, и когда она убедилась, что замять этих речей уже нельзя, она собралась с силами и, присоединившись к виконту, напала на оратора.

- Mais, mon cher m-r Pierre,[21] - сказала Анна Павловна, - как же вы объясняете великого человека, который мог казнить герцога, наконец, просто человека, без суда и без вины?

- Я бы спросил, - сказал виконт, - как monsieur объясняет 18 брюмера. Разве это не обман? C'est un escamotage, qui ne ressemble nullement a la maniere d'agir d'un grand homme.[22]

- А пленные в Африке, которых он убил? - сказала маленькая княгиня. - Это ужасно! - И она пожала плечами.

- C'est un roturier, vous aurez beau dire,[23] - сказал князь Ипполит.

Мсье Пьер не знал, кому отвечать, оглянул всех и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, какая у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало серьезное и даже несколько угрюмое лицо и являлось другое - детское, доброе, даже глуповатое и как бы просящее прощения.

Виконту, который видел его в первый раз, стало ясно, что этот якобинец совсем не так страшен, как его слова. Все замолчали.

- Как вы хотите, чтобы он всем отвечал вдруг? - сказал князь Андрей. - Притом надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора. Мне так кажется.

- Да, да, разумеется, - подхватил Пьер, обрадованный выступавшею ему подмогой.

- Нельзя не сознаться, - продолжал князь Андрей, - Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подает руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать.

Князь Андрей, видимо желавший смягчить неловкость речи Пьера, приподнялся, сбираясь ехать и подавая знак жене.

Вдруг князь Ипполит поднялся и, знаками рук останавливая всех и прося присесть, заговорил:

- Ah! aujourd'hui on m'a raconte une anecdote moscovite, charmante: il faut que je vous en regale. Vous m'excusez, vicomte, il faut que je raconte en russe. Autrement on ne sentira pas le sel de l'histoire.[24]

И князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России. Все приостановились: так оживленно, настоятельно требовал князь Ипполит внимания к своей истории.

- В Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было иметь два valets de pied[25] за карета. И очень большой ростом. Это было ее вкусу. И она имела une femme de chambre,[26] еще большой росту. Она сказала...

Тут князь Ипполит задумался, видимо с трудом соображая.

- Она сказала... да, она сказала: "девушка (a la femme de chambre), надень livree[27] и поедем со мной, за карета, faire des visites".[28]

Тут князь Ипполит фыркнул и захохотал гораздо прежде своих слушателей, что произвело невыгодное для рассказчика впечатление. Однако многие, и в том числе пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись.

- Она поехала. Незапно сделался сильный ветер. Девушка потеряла шляпа, и длинны волоса расчесались...

Тут он не мог уже более держаться и стал отрывисто смеяться и сквозь этот смех проговорил:

- И весь свет узнал...

Тем анекдот и кончился. Хотя и непонятно было, для чего он его рассказывает и для чего его надо было рассказать непременно по-русски, однако Анна Павловна и другие оценили светскую любезность князя Ипполита, так приятно закончившего неприятную и нелюбезную выходку мсье Пьера. Разговор после анекдота рассыпался на мелкие, незначительные толки о будущем и прошедшем бале, спектакле, о том, когда и где кто увидится.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Продолжение, начало в печатном "Ликбезе" № 4-7, 10-17

2 Будьте добрым малым, как вы были,

3 Раз он перейдет в гвардию...

4 до свиданья,

5 Василий,

6 миланского помазания?

7 И вот новая комедия: народы Генуи и Лукки изъявляют свои желания господину Бонапарте. И господин Бонапарте сидит на троне и исполняет желания народов. 0! это восхитительно! Нет, от этого можно с ума сойти. Подумаешь, что весь свет потерял голову.

8 Бог мне дал корону. Беда тому, кто ее тронет. - Говорят, он был очень хорош, произнося эти слова,

9 Надеюсь, что это была, наконец, та капля, которая переполнит стакан. Государи не могут более терпеть этого человека, который угрожает всему.

10 Государи! Я не говорю о России. Государи! Но что они сделали для Людовика XVII, для королевы, для Елизаветы? Ничего. И, поверьте мне, они несут наказание за свою измену делу Бурбонов. Государи! Они шлют послов приветствовать похитителя престола.

11 Фраза, не переводимая буквально, так как состоит из условных геральдических терминов, не вполне точно употребленных. Общий смысл такой: Герб Конде представляет щит с красными и синими узкими зазубренными полосами,

12 Господин виконт

13 Это сказал Бонапарт,

14 Я показал им путь славы: они не хотели; я открыл им мои передние: они бросились толпой... Не знаю, до какой степени имел он право так говорить.

15 Никакого,

16 Если он и был героем для некоторых людей, то после убиения герцога одним мучеником стало больше на небесах и одним героем меньше на земле.

17 Боже! мой Боже!

18 Как, мсье Пьер, вы видите в убийстве величие души,

19 Превосходно!

20 Общественный договор,

21 Но, мой милый Пьер,

22 Это шулерство, вовсе не похожее на образ действий великого человека.

23 Это проходимец, что бы вы ни говорили,

24 Сегодня мне рассказали прелестный московский анекдот; надо вас им поподчивать. Извините, виконт, я буду рассказывать по-русски, иначе пропадет вся соль анекдота.

25 лакея

26 горничную.

27 ливрею

28 делать визиты.

ГВОЗДЬ НОМЕРА

Вадим КЛИМОВ ▶

▼ ГРАФИКА ЛАЙК (ретроэссе)

Никак не думал, что буду писать воспоминания так рано.

Чтобы рассказать всего лишь маленький эпизод из художественно-литературной истории Барнаула середины 80-х, придется столько вспомнить.

Год 1985-й был, наверное, переломным. Весной случилось явление Горбачева и сухой закон, а мы были уже почти взрослыми, хотелось идеальной свободы, рок-н-ролла с последствиями.

Длинные волосы, джинсы, майки с надписями, книжки, пластинки, большая компания, праздное время юности.

Какие легкие, приятные воспоминания.

Весной того года или осенью я впервые увидел молодого человека в расписной футболке, белых штанах, смуглое лицо и почти синие губы. Яркий такой паренек, по-моему, его только что не приняли в Новоалтайское художественное училище, и он немного расстроился.

Не помню, кто нас познакомил, какая-то девушка, мы нашли бутылочку винца и пошли в кинотеатр «Россия».

Вообще-то, мои воспоминания про единственный в своем роде художественно-литературный самиздатовский журнал города Барнаула «Графика». Просто журнал этот начался с этого знакомства, нет, мы не были похожи на Станиславского и Немировича-Данченко, наш славянский базар был не такой пафосный.

У нас было детское кафе мороженое «Петушок». И просиживали мы там вечера на протяжении нескольких лет, там многое из нашего актуального искусства конца прошлого века роилось.

Надо, как ни крути, рассказать о том сообществе, о той кампании, что кружилась, собиралась, встречалась в этом кафе и на лавочках перед кинотеатром «Россия», это было явление социальное, его нельзя было не заметить, о нем писали газеты, к нему присматривались милиционеры.

Если ты жил в городе и был инициативным, ярким, как сказали бы позже, продвинутым, тебя выносило на «Россию», и начиналась легенда.

Тим, Михель, Лека, Эсик, Силакова, здесь же Чикишев, Пит, Эля – и понеслось, волна имен захлестывает. И вспоминается, как ты, молодой, куришь в предбаннике, пока не погнали, и пирожное песочное, и кофе бочковой, и очередь за мороженым.

Это был творческий бульон, кто-то работал в театре, кто-то пытался учиться в университете, при этом всем хотелось петь и рисовать, играть и сочинять.

И вот, тот парень с синими губами был кристалликом, он был талантище, почти гений, если бы не был таким работоспособным. Юра Эсауленко его звали.

Как появилась именно идея своего журнала, могут знать только двое, я и Лека, о нем чуть позже.

Как-то, вернувшись из столицы российского андеграунда, я привез два умопомрачительных по тем временам журнала, это была настоящая контрабанда, подрывная литература, которую делали в Питере и Москве, толстенные журналы «Урлайт» и «Контркультура». Они не были похожи на «Юность», «Следопыт» или «Огонек» с «Юным техником», это была бомба.

Рок-журналы по стране уже появлялись, их привозили с разных сторон, примерно в то же время Макашенец задумал свой "ПНС" («Периферийная нервная система»), рок-журнал.

В один прекрасный вечер у меня дома мы с Юрой начали рисовать журнал, начали считать.

Юра рисовал, я считал, сколько надо бумаги, где печатать и главное, что. С последним проблем не было, сначала, конечно, решили печатать себя и друзей.

Не было недостатка в идеях, уже существовал мифический «Институт Современного Искусства Сибири» был уже «Теплый фронт», уже прошла первая выставка «Тихой мансарды» и была фишка: мы не собирались делать литературный журнал, у нас первое слово было «художественный».

Мы собирались воспользоваться на тот момент суперсовременной техникой типа «ксерокс». И значит, могли печатать автографы, авторские тексты.

Вот она, великая идея Эсика, факсимильное издание с картинками редактора.

Первый номер собирали на конспиративной квартире, Юра резал и клеил, я доставал бумагу, Лека пририсовывал, и вместе мы приносили тексты наши и наших знакомых.

На дворе был год 1987 – 88, кажется.

А теперь о том, кто такой Лека, ведь он уже дважды появлялся в тексте.

Лека – Алексей Чеканов, гениальный график, пронизанный сарказмом жизни, умопомрачительный литератор, погрязший в нонконструктивизме.

Он был третьим, как-то мы поделили должности, слова «продюсер» еще не знали, поэтому я стал техническим директором, Эсауленко – главным редактором, а Чеканов не помню, как назывался.

Макет сделали быстро, за неделю, две, а потом началась эпопея с печатью. Забыл сказать, что к тому времени у нас уже был опыт, так что не на пустом месте все рождалось. Лека работал в газете, и в этой же газете мы уже что-то выпускали.

Печатать было негде, но я знал, с кем можно договориться, Вадик Макашенец работал тогда на военном заводе в типографии, где стоял, какой-то множительный аппарат.

Вадик был парень не трусливый, и за несколько своих стихотворений, опубликованных нами, он согласился помочь.

Это удивительная афера – на режимном объекте, еще в советское время, напечатать журнал нелегально, объемом страниц 100 – 150, тиражом штук 200, революционеры просто.

«Графика» стала символом нового искусства в нашем маленьком, замшелом соц. реализмом, городе.

Сейчас мне кажется, это было по-детски, самодеятельность, но ничего похожего мы не видели ранее, все было просто новое.

Не знаю почему, мы не взялись сразу за второй номер, не стали греться в лучах славы, а придумали что-то другое.

Мы делали выставки современного искусства, устраивали акции, принимали участие в концертах и спектаклях, жили искусством и им же зарабатывали, как могли.

Мир не стоял на месте, было много интересных событий, запоминающихся выходок, нас разводило и сводило.

Юра много работал, он стал настоящим флагманом актуального искусства в Барнауле, я уезжал в Европу и возвращался, Лека, что-то рисовал и страдал классическим недугом гениального художника.

Само собой произошло, сошлись звезды, как сказал бы Николс, и мы вдруг начали делать второй номер, все было проще, мы просто его строгали, опять на коленке, вернее, на полу, и быстро напечатали где-то. Как – не помню, знаю только одно: я немного нашел денег у спонсора. Кто это, интересно был?

Этот номер мы продавали за деньги, раз в пять дороже себестоимости, быстро все окупили и пропили на радостях. Первые экземпляры второго номера реализовывали на рок-концерте в политехе.

Тираж уже был больше, экземпляров 300 (сейчас, для солидности, можно и преувеличить, правду почти никто не помнит).

Второй номер был прекрасен – солидный, чудные авторы.

Эсик был в ударе.

Следует ли вспоминать имена наших авторов? Некоторые следует. Буданов, Борщев, Строганов, Метелица, Николенкова, Дыков и другие. Кого-то давненько нет с нами, прискорбно.

«Графика» номер два появился в конце 90-го – начале 91-го года. Это было интересно, но для меня не главное, я уже занимался только выставками.

Они шли чередой: "Аспекты Ночного Городского театра», «Рыба», «За 1000 лет до мифологии», «Этнография», «Лодка», «Сны аборигенов», « Медитативный символизм» Пояскова, «Большая НЮ» (Эсауленко, Поясков), «Универсум арт», то есть краевая молодежка 95-го года.

Идеи, как правило, были Эсика, я выступал как куратор, опять как технический директор.

Прошло еще какое-то время, и Юра начал собирать «Графику», том третий. Да, уже не называли это журналом, не говорили про художественно-литературное издание.

«Графика» уже была легендой, первым самиздатовским журналом в Барнауле, немного изменилась и ее идея.

В некоторых интервью Юра и мы чаще говорили, что делали книгу для разглядывания и чтения, реже вспоминали концепт «Торжество линии над разумом».

Поэтому не было никаких претензий, когда Эсик решил, что третий том будет сольным проектом, и будет у него свое название «Азбука Жоржа».

Он сделал ее в 99-м или 2000-м. Это уникальное произведение, где воплощены многие его идеи. Нарисовано все от первой буквы до последней точки руками, без какого либо компьютера, – ручками господа, ручками.

Где-то после второго номера, когда мы уже жили другим, а макеты первой и второй «Графики» валялись дома, в дружеской беседе на троих (Юра, я и Артем Бочкарев, который служил в то время в «Музее истории, литературы, искусства и культуры Алтая») сама собой пришла мысль отдать макеты и первые сигнальные номера на хранение в музей.

Решили – сделали, я даже однажды обращался к этому фонду. На днях интересовался: все живо, несмотря на пожар.

Нереальная история: сегодня Токмаков, известный ныне писатель, сказал, что он помнит три номера «Графики» и «Азбуку», а я – нет.

Пойду в музей, дам объявления, попробую отсканировать то, что сохранилось.

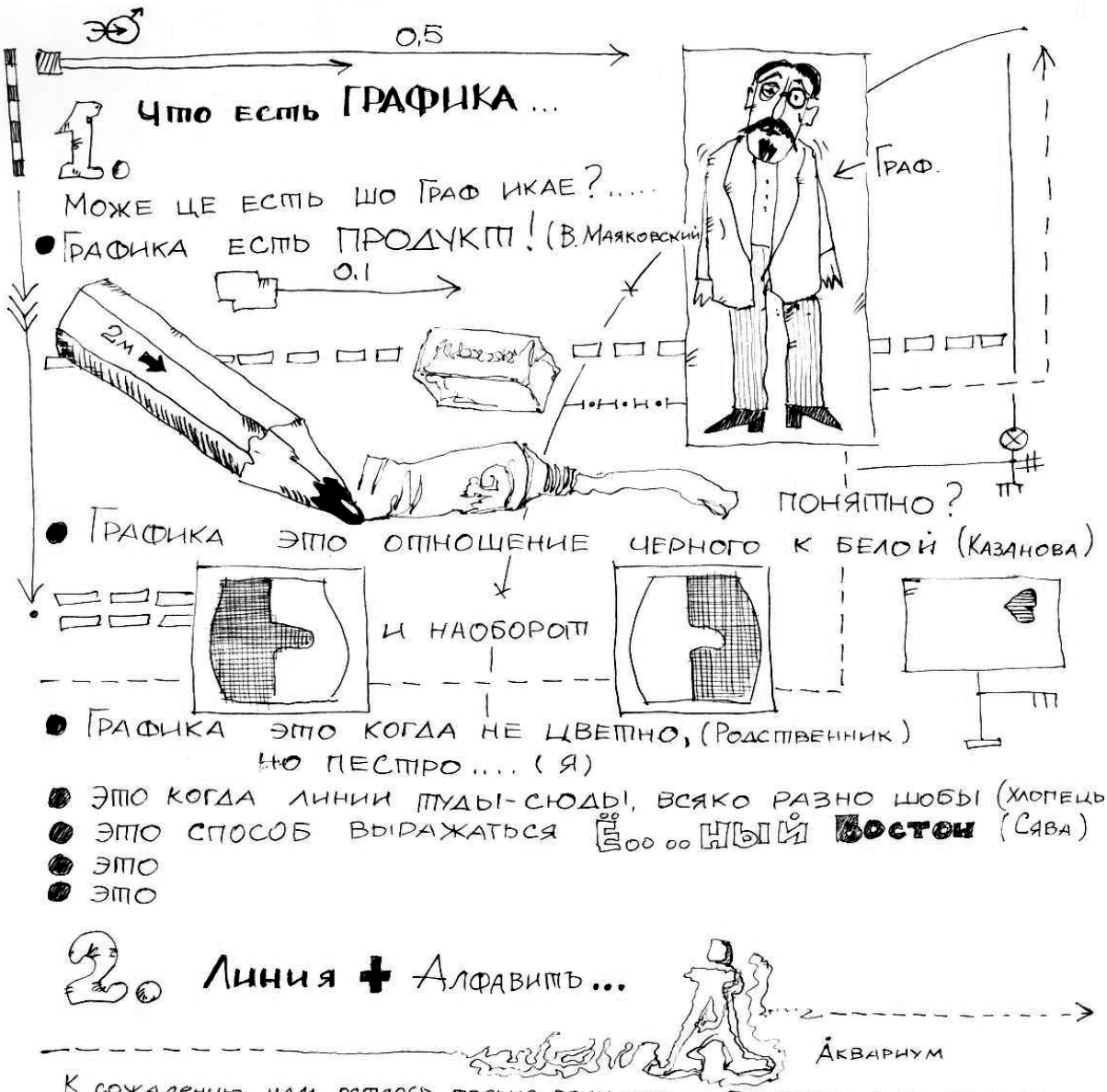
Теперь это памятник истории искусств нашего города.

Говорить о литературной значимости «Графики», о содержательности сейчас нет смысла, это было интересно и необходимо тогда, когда не было ничего, нужен был выплеск творческих эмоций местных литераторов. Была волна энтузиазма, мы поймали ее и радовались, что можем сделать что-то полезное, и пафоса не было.

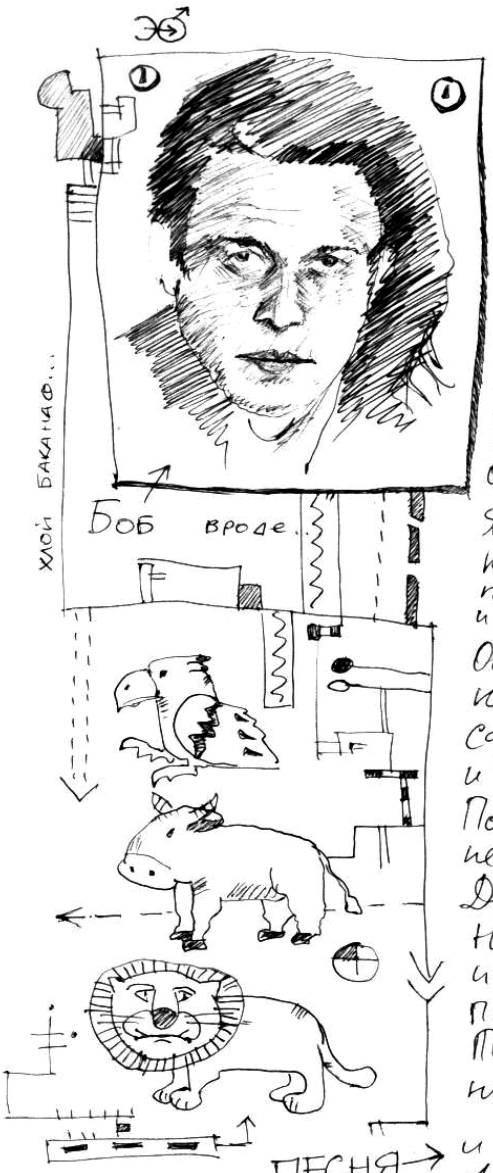
К несчастию, того, кто сделал все «Графики», Юрия Эсауленко, уже нет с нами. Талантливый художник, эпицентр художественного андеграунда города, умер молодым.

У нас не было возможностей, у нас была идея, мы делали «Графику» ради интереса.

А теперь уже грузимся воспоминаниями.

К сожалению нам остлось только вздыхать.... По печальным западным-советским данным Б.Г. покинул „Аквариум" и таперича вроде один лабает с американцами. Как уверяет В. Токмаков „Аквариум" таперича зовется „Прилистник" и вроде выпустил новый альбом... Кстати к нам, на Алтай Б.Г. так и не приехал, даже без Вознесенского, не приехал, отсюда следует что пророкам, вещающим дезинформацию могут набить.... 😊
Б.Г. непонятно как успел сняться у Соловьева в фильме „Какая, то-ли красна то-ли черная роза - роза печали, и какая-то из них роза любви." Хотя точно не понятно чё он там в фильме делал, но зато он скомандой записал там песню УШЕЛЬЦЕВ..... ну название ещё такое.... ну там еще две фразы всего.... ну.... как же там.... короче черта с два выговоришь и фиг запомнишь.....
Кстати Б.Г. - митёк. Правда в тельнике его мало кто видел, но что он митёк - точно. Но Лёка видел.
Б.Г. - Пишет маслом, хотя наш дорогой В. Климов очень резко критиковал увиденную им в Москве выставку Б.Г. и его жены - тоже художника ... ну ... как её.... имя забылось, несмотря на это Б.Г. всё же выставку не закрыл.

Кстати в Б.Г. - яркий талант [redacted] литератора. В 11-м номере Авроры за 88г. есть потрясная его вещь „Иван и Данило" (НА РЕЦЕНЗИЮ)

„Орел, Телец и Лев."

Как странно то, что затеваю я:
подобие любви создать из ткани
и временем раскрасить, чтоб однажды
поверить самому. Не знаю я,
откуда этот радостный напев,
знакомых нот прекрасное сплетенье
Стук в дверь мою „Кто?" - спрашиваю. „Тени" -
они ответствуют, - Орел, Телец и Лев"

Я говорю: „Откуда вы по мне?
Какой судьбой? - и ключ в дверях вращаю,
поставить [redacted] гаю немедля обещаю
и дверь держу на этой стороне
Они смеются: „Вот напрасный труд.
Не трать сил зря" - и гинко сквозь проходят
Садятся в круг, и глаз с меня не сводят
и кажется они чего-то ждут.
Послушайте любезные друзья, -
не может быть чтоб вам был нужен я
Должно быть здесь произошла ошибка..
Но скрипка на стене моей дрожит,
и - боже мой - мне кажется, доныне
По их чертам знакомая улыбка
Так и живем, не разомкнув ни дня,
но каждый день уходит словно
и я все пью - и мучаюсь от жажды,
А гости здесь - и смотрят на меня.

ЕЩЕ АКВАРИУМ...

- ЭТО КПЗ. Не кто не знает КПЗ скоро узнает
- ЭТО - - - - -
- ЭТО ПРОСТО

Б.Г.

А.. **АНАФЕМА-АМЁБА** (ЦЕРКОВНОЕ РУГАТЕЛЬСТВО, ВРОДЕ ПОШЕЛ НА Х)
- ЖИВОТНОЕ БЕЗ РУК, НОГ, ГОЛОВЫ, ГЛАЗ, РТА И ТД.,
НИЧЕГО НЕ ИМЕЕТ, НЕПОНЯТНО КАК ЖИВЕТ,
ЕСТЬ МНЕНИЕ ЧТО ВОБЩЕ... НЕ ЖИВЕТ.

Армия – лучшее место для гопника.

Абракадабра – залепуха еврейских священников вроде нашего – „Ну и рожа у тебя Шарапов"

Астрал – место куда рерихнувшиеся, шамбалдеи, и некоторые начитанные граждане хотят откинуться.

АЛТАН – кооператив крутой

АЛТО – Ассоциация Любительских Творческих Обьединен см. их ксиву. (ФИГ!)

Анархия – естественно Мать ихнего, анархисткого Порядку.

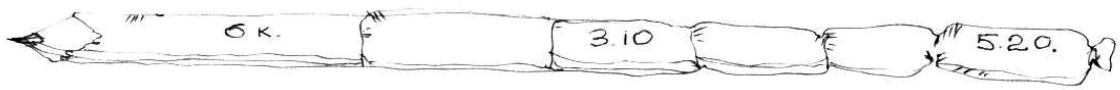
Антихрист – личность постоянно появляющаяся на мировой арене в образе Героя – Злого Гения.

Андрон – свой человек. Его знают очень многие, по разным всяким делам. Вобще то Андрон панк, по жизни, беззлобный и искренний панк. Сибирский. Любит весь отличный и хороший, старый и новый рок, но больше любит Лену из „Маркизы". В этом году тусовался на наш Запад, привез массу новостей. Андрон неплохо шьет верхнюю одежду, имеет в этой области неплохую эстетическую систему. Любит цитировать Г.О., сидеть на полу „женщин" чтобы всё ништяк. Очень любит писать на стенах. **No future**. и т.д.

Авангард – Есть Авангард Леонтьев какой-то. Есть Русский А.. начала века, к ним числются – Лентулов Аристарх, Гончарова Наталья, Ларионов Михаил, Кончаловский Петр – организаторы выставок „Золотое руно", „Голубая роза", „Венок" „Бубновый валет" и одноименных объединений (примитивистов) с 1908 по 1916. Вместе с ними в выставках участвовали – Экстер, Куприн, Рождественский, Кандинский, Татлин, Шагал. Короче старый русский Авангард дело сложное. Современный Авангард – дело темное ....

А вобще-то на одной из А.. выставок, один (или два?) нет, точно, один (1) художник с сожалением в сердцах произнес – „Авангард! Авангард! Но когда же подойдут основные силы!?"

Анабиоз – Участь мальчика, который залез в холодильник, захлопнулась дверь и не слышно будильник, сопли застыли у ёва в носу, нет, не успеет он съесть колбасу.

...Изучению проблем сохранения рукописей были посвящены несколько международных совещаний, в частности симпозиум по письменному наследию в Барнауле, который проводился по рекомендации ЮНЕСКО неправительственной организацией в сентябре 1987г. В Париже, на заседаниях симпозиума присутствовали специалисты из 21 страны. Участники этих совещаний пришли к выводу, что бесценное наследие мировой культуры находится под угрозой и необходимо принять неотложные меры по его спасению.

Одним из предварительных шагов в этом направлении на национальном и международном уровнях станет систематическое составление каталогов, дающих возможность обнаружить и идентифицировать рукописи...

Г. Аполинер

с рукописи Гийома Аполинера

Курьер. июнь. 1989г.

символическое изображение Д. Джойса с рукописи „Улисса" сделанное Бранкуси.

А вместо редакционной статьи

Попытаемся объяснить

что

журнал Графика

есть.

Печатный орган

– сибирского филиала

„Собрания Рукописей"

но

В отличии от наших

Южно-Американских

коллег

мы

идем другим путём.

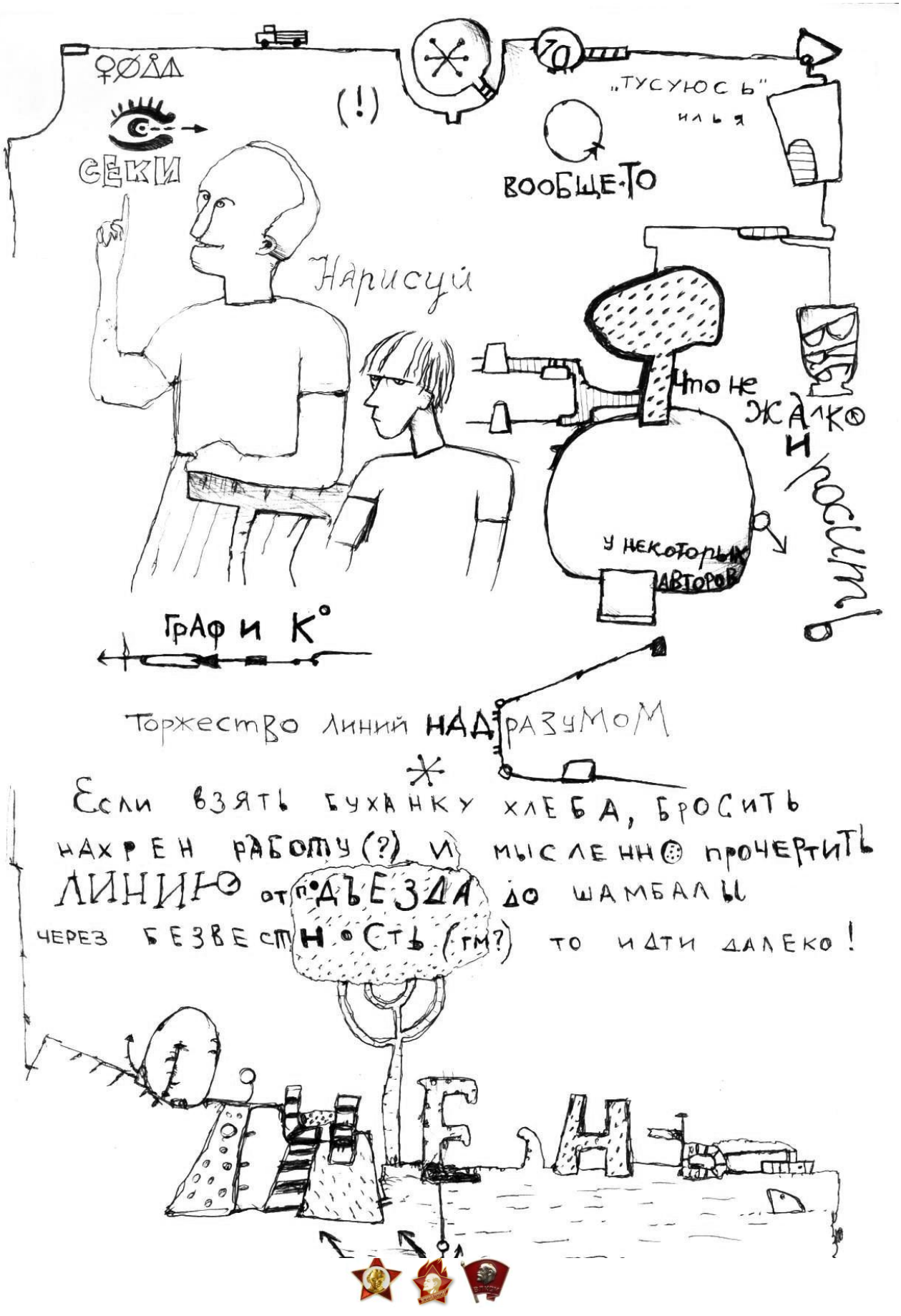
Вместо хранения рукописей в шкафах и бункерах под сигнализацией мы решили выпустить 1ый сборник копий некоторых рукописей местных авторов. Количество копий точно соответствует священному числу ( ). Мы думаем что таким образом пользы будет больше.

И самое главное

что

Наша Графика не только средство ликбеза и самоцель по себе большая приколка. И к тому же это полностью сборник авторских листов поэтов, прозаиков, философов и художников.

Рукопись это не то что написано от руки. (Вообще рукопись как-то странно читается) Авторский лист – вот подлинный документ и произведение искусства.

ФОДД
СЕКИ
(!)
ТО
„ТУСУЮСЬ"
ИЛЬЯ
ВООБЩЕ-ТО
Нарисуй
Что не
ЖАЛКО
И
РОСИТЬ
У НЕКОТОРЫХ
АВТОРОВ
ГРАФИКО
Торжество линий НАД разумом
Если взять буханку хлеба, бросить
нахрен работу (?) и мысленно прочертить
ЛИНИЮ от подъезда до шамбалы
через безвестность (гм?) то идти далеко!

Вчерась, т.е 3. сентября у нашего дорогого, известногоого, горячо уважаемогого, и подобного...

Вадика Климова

Было День Рождения, сколько ему стукнуло пока не понятно, по лицу вроде 30... А може это от погоды...

Но главно что мы всем миром его поздравляем и желаем накопить миллион, а потом взять, да всем на удивление, всем на восхищение поехать в Рио-де-Жанейру и на этот миллион накупить тамошних фенечек и одарить всех потенциальных хиппов.....

СТИХ

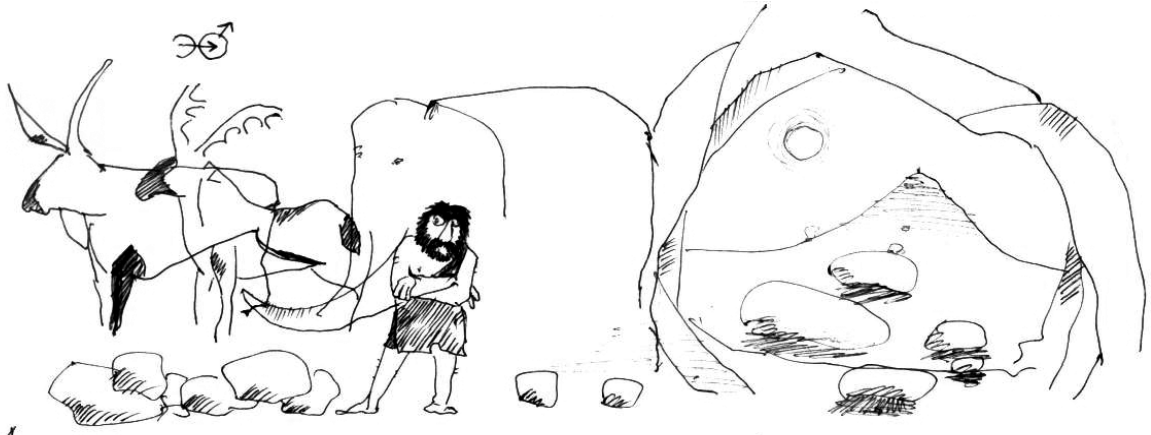
Кто не знает Климова?
Климова любимова...

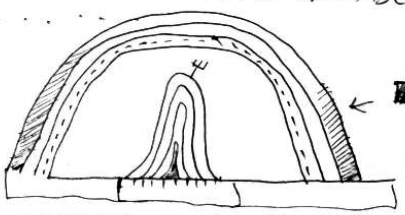
ТМ **ГРАФИКА** - сами все знают что оно значит.

С чего она начинается, трудно ответить наверняка, но главное что ни с вешалки и не с улыбки. **Графика** начинается попросту с **линии**

А линия эта ведет в те времена, когда у человека небыло ни идеалогии, ни среднего-технического, ничего такого ценного. Была у него женщина (иногда) и палка деревянная.. Человек наш постоянно хотел есть и хотел женщину. Постоянно гонялся за мамонтами и девами. И вот в те редкие моменты когда от тех и других у него наступало икание, человек бежал в горы, залазил на самую крутую, на которую еще не наложили табу, и сидел там. И вот в тот момент, когда он сел, и спокойно, созерцательно и проникновенно поглядел вокруг, несомненно в тот момент родился один из первых художников. Нужно сказать что (по идее) уже были художники, они с потрясающей точностью изображали всякую сволочь. Увидят, прибегут в пещеру, и бац! забоняют быка на стене, а потом еще раскрасят. И говорили они что всё понимают и знают, поскольку понимают самое сложное в этом мире - быка и мамонта, и оленя еще. И еще говорили они что это всё первооснова и тому подобная нужная и правильная штука...

А тот, который сидел на горе стал постепенно понимать что **изобразить** **МИР** оленями и быками, всем что в нём есть невозможно. Мира не хватит, чтобы на нём его нарисовать. А вобще то нужно ли?
Странное дело, ему было нужно..... И однажды он увидел как собратья из линий на камне складывали оленя. Он понял.. Он вдруг, вот взял и всё понял, схватил свою дубинку, побежал на свою гору, и там на земле прочертил **ЛИНИЮ**. Первую, настоящую в мире линию, которая сама по себе была. Она не путалась и не ломалась, и не изгибалась в разных позах чтобы показаться медведем, она сама всё обозначала, обозначала устройство мира. Потом стали появляться точки, потом спирали, потом.....

Устройство мира. Небесный свод, гора, дерево. Круто и всеобъемлюще. Искусство стало способом мышления, способом жизни в последствии....

А что такое Графика? А чёрт....

Нет. Похоже Графика началась от Каллиграфии. Вот чтобы создать алфавитные и прочие знаки, и понадобился тот художник с Горы.

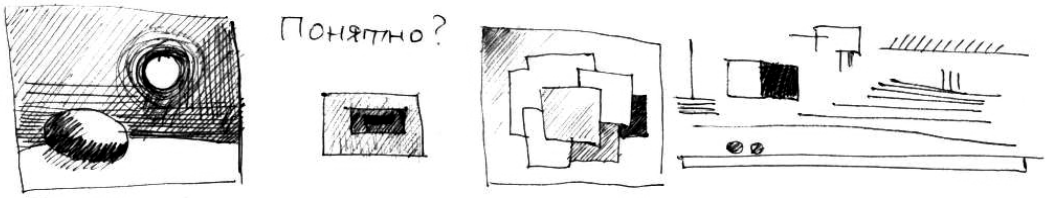

Мир сам в себе несет те знаки, которыми мы пользуемся и которыми его (самого) отображаем

Таким образом видится как появляется с помощью абстрактных систем картинное, пиктографическое письмо. Самое древнее. [солнце, вода, человек.] Потом разными путями один ■ специально придуманый знак получает значение слова или предложения. Затем додумались значком ▬▬ записывать отдельный слог, а зате отдельные звуки. Т.Е. теперь [солнце] записывается - **СОЛНЦЕ**. Вот. Понятно? Т.Е. умение строить, оперировать линией, привело к ЗНАКУ, а умение оперировать понятиями относящимися к этому знаку привело к АЗБУКЕ. Примерно так.

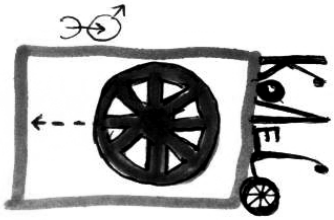
А ГРАФИКА? Может это когда не цветом, а черным по белому, отношение одного к другому.?

Еще как утверждает INTERPRESS GRAFIK - Графика может служить средством перевода Авторского текста в изобразительный ряд, чтобы зрителю и читателю журнала было более понятно или совсем не понятно, или чтобы просто занять место. Это журнальная Графика. Графика же сама по себе бывает и цветной, и монументальной и вобще разной, и в раме, и за стеклом, и в музеях разных. Такие дела.

Конечно же она бывает разная по средствам (1000$) по материалу, по качеству и колличеству. Количество литографий, продаваемых в художественном салоне похоже превосходит количество оригинальных работ всех Алтайских графиков вместе взятых за 70 лет. Предполагают что количество такого шедевра как „Свадьба" или „Волк и 7 козлов" около 70 тысяч экз. Воистину хватит на всех.. Но граждане не понимают..... Не берут.. ▬.

Еще она экспансивная и экспрессивная, и еще такая разная, что хуже некуда.

ОСТРОВ МЭН.

ОСТРОВ ЗНАМЕНИТ ВСЯКОЙ ЕРУНДОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ. НАПРИМЕР ЖИВУТ НА НЕМ И ПЛОДЯТСЯ КОРОВЫ У КОТОРЫХ РОГА ВНИЗ ЗАГНУТЫ, КАК У БАРАНОВ.

А У БАРАНОВ МЭНСКИХ БЫВАЕТ ПО 4 РОГОВ И ДАЖЕ ПО 6 !!

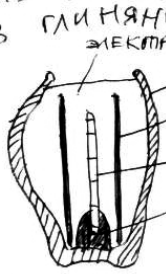
И ЕЩЕ У НИХ КОШКИ РОДЯТСЯ БЕСХВОСТЫЕ. НО КОШКИ ИХНИЕ НЕ УНЫВАЮТ, ЧАСТАЮТ ПО ОСТРОВУ ТУДА-СЮДА, ПОДНОГИ ПОПАДАЮТСЯ.

ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА

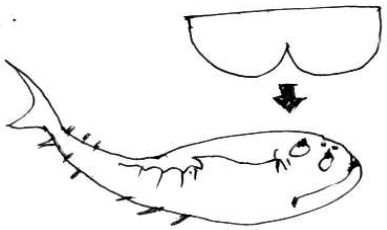
В 1936 ГОДУ НЕМЕЦКИЕ АРХЕОЛОГИ НАШЛИ В РАСКОПКАХ БЛИЗ БАГДАДА ИНТЕРЕСНУЮ ШТУКОВИНУ. ШТУКОВИНА СОСТОЯЛА ИЗ ГЛИНЯНОГО КУВШИНА, МЕДНОГО ЦИЛИНДРА И ЖЕЛЕЗНОГО СТЕРЖНЯ.

ПРЕДПОЛАГАЮТ ЧТО ЭТО ГАЛЬВАНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ, КОТОРЫМ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ 2 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД, КОГДА ЗАЛИВАЛИ В КУВШИН УКСУС, ВИНО ИЛИ СОК. СЧИТАЮТ ЧТО ТАКОЕ УСТРОЙСТВО МОГЛО ДАВАТЬ 0,5 ВОЛЬТА. С ПОМОЩЬЮ НЕГО МОЖНО БЫЛО ГАЛЬВАНИЧЕСКИМ СПОСОБОМ ПОКРЫВАТЬ НЕБОЛЬШУЮ СТАТУЭТКУ СЕРЕБРОМ ЗА 2-3 ЧАСА.

АМЕРИКАНЦЫ ЖЕ УТВЕРЖДАЮТ ЧТО ЭТА ШТУКА ПРАОБРАЗ ЛАМПЫ АЛАДИНА, ТОЕСТЬ ЭТО КОНДЕНСАТОР, ЧТОБЫ ЗАРЯДИТЬ ЕГО НУЖНО БЫЛО ПОТЕРЕТЬ МЕХОМ ИЛИ ВОЙЛОКОМ СТЕРЖЕНЬ. ИСКРА, ПОЛУЧАЕМАЯ ПРИ РАЗРЯЖЕНИИ УСТРОЙСТВА И ЕСТЬ МИФИЧЕСКИЙ ДЖИНН, СПОСОБНЫЙ МИГОМ ЗАЖЕЧЬ ОГОНЬ.

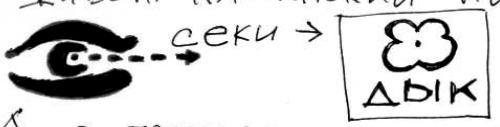
МОЖЕТ БЫТЬ ИМ ЛЕЧИЛИ РАДИКУЛИТ. ТАКОЙ СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ ПРИМЕНЯЛИ РИМЛЯНЕ, ОНИ САДИЛИ БОЛЬНОГО НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО СКАТА....

ВОТ.....

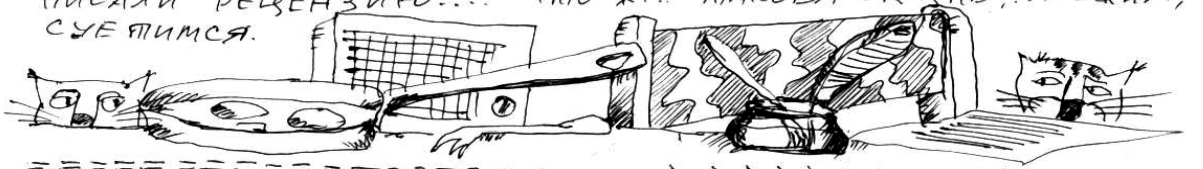
А ВПРОЧЕМ ЧЕРТ ИХ ЗНАЕТ, ЧТО ОНИ ТАМ 2 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД ДЕЛАЛИ.....

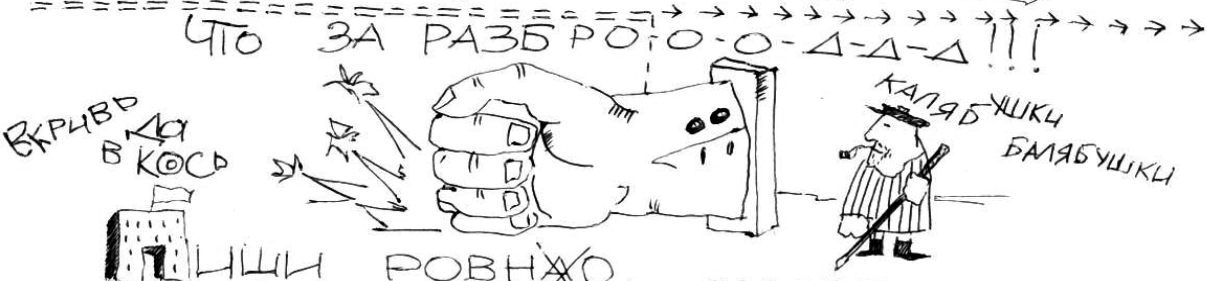
Кстати на доме по Ленинскому, где живет Каминский появилась новая надпись.

А в проходе, под аркой целая серия надписей. Надписи расположены в нишах и на торцах „колонн", расположены в некоем хаотическом порядке. Эксперты по городской неофициальной культуре дали им небольшую оценку. Похоже что все писалось как акт свободного творческого утверждения своих идейных установок и принципов. Это ни в коем случае не хулиганство!! Это разговор... Да!! Да!! разговор с вами, со зрителями, хотя и слишком для вас резкий, но всё же... Поесть как бы вы не шли мимо, задом-наперед, или ползком, или по воздуху, но „У меня есть собственный хой" или „Мочалки!..." и тому подобное, цитаты из Б.Г. и признание в любви как лидеру. И....

Пардон. У экспертов подгорела яичница и они недописали рецензию.... Что-ж... такова жизнь... Бежим, суетимся.

Ровняйсь!!! !!!!!

СМИРНА-АААА !!!

Проба 1. Бурбулятор товсь! Пришел 0.5, градусов 40'! Пли! Урлайт!

---Линния + Алфавит=... ВИА-ВИА-ВИА-ВИА

Ансамбль „Ласковый Май", „Мираж", „Форум", „Депеш Мод" end „Зымляни" „и ищё всякие музыкальные предприятия.... ну... помните?..ну когда он ● будет петь без Ансамбля, сам бля.... один бля....

ой давайте без ■■■... этих....

Б.. ой... Б... ой Бл... ой! Ба..о... Барнаул... ого!! →→→

БАРНАУЛ.. БАРНАУЛ - ГОРОД ТАКОЙ, В СИБИРИ.

ЭТО ЗНАЧИТ ОТ МОСКВЫ ПРЯМО, ЧЕРЕЗ 10 РЕК, ДО УРАЛА, ТАМ ЧЕРЕЗ БЛЕСОВ И 40 РЕК НАПРАВО, ЧУТЬ-ЧУТЬ. А ТАМ ВСЕ РУКОЙ ПОКАЖУТ КУДА ИДТИ. А КАК ШПИЛЬ ВИДНО, ТАК ЗНАЧИТ И БАРНАУЛ ВОТАН. - СТОЛИЦА МИРА.

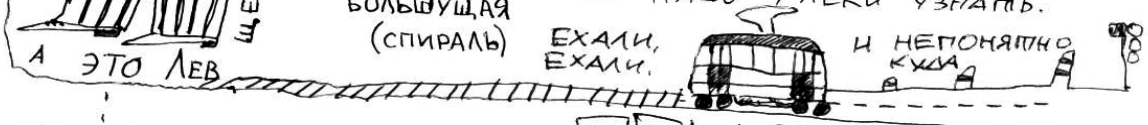

← ЛЁКА ГОВОРИТ БРАНСБОЙД ЭТА. НО ПРИЧЕФМ ЗДЕСЬ ЭТА?

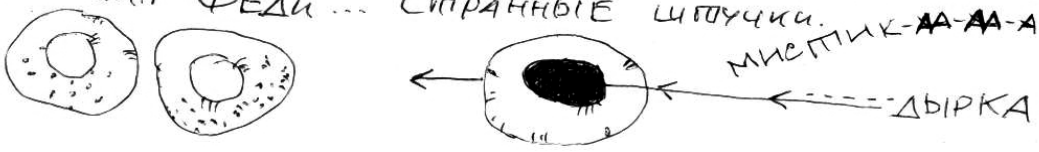
А ВОТ СПИРАЛЬ ЭТА ЧТО-ТО НАПОМИНАЕТ. МЕСТНОЕ. ПО КОЛОРИТУ. НАДО У ЛЕКИ УЗНАТЬ.

ПРО ЧТО ЖЕ БАЗАР..?.. БАЗАР...

БАЗАР - МЕСТО ГДЕ ПРОДАЮТ ОДНУ ЧАСТЬ БАРНАУЛА, А ВТОРАЯ В ЭТО ВРЕМЯ ИЗЫМАЕСЯ ОРГ. ОБХСС У ВРАГОВ, ЖУЛИКОВ И ПР. ЭЛИМЕНТОВ НЕМЕНДЕЕВСКИХ..

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУСОЧЕК В БАРНАУЛЕ, ЕЩЕ В ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ ЖИЛА НЕКАЯ МЕЩАНКА Рабинкина, ОБРАЗОВАННАЯ, ВМЕРУ СКРОМНАЯ, БАЙРОНИСТКА. И ОЧЕНЬ ЕЙ ХОТЕЛОСЬ СДЕЛАТЬ ЧТО НИБУДЬ ЭТАКОЕ, ЧТО ЗАДРИПАНЫЙ ГОРОДИШКУ ПРОСЛАВИТ, ДУМАЛА - ДУМАЛА, ПОКА ГОСПОДИН ДОСТОЕВСКИЙ ЕЙ НА ГЛАЗА НЕ ПОПАЛСЯ, ПРОЕЗЖАЛ МИМО, И ПОПАЛСЯ... ПОПАЛСЯ ГОЛУБЧИК!!! ТАКИМ ОБРАЗОМ ДОМА НА М. АЛОНСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОСПАРИВАЮТ ПРАВО НА ДОСТОЕВСКОГО. НО ГЛАВНО ЧТО ДОМ В КОТОРОМ ФЕДОР ПРОВЕЛ НЕ ОДНУ НОЧЬ..... ... КХЫ-КХЫ..., ДОМ ВОБЩЕМ ЖИВ!!!! ОКРЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ УТВЕРЖДАЮТ ЧТО ПО ВЕЧЕРАМ, В МАГАЗИН „ГОРЯЧИЙ БУБЛИК" ЗАХОДИТ СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА, ТРЕБУЕТ ПАРУ БУБЛИКОВ И УХОДИТ, ГОВОРЯ ЧТО КУПИЛА ИХ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ФЕДИ... СТРАННЫЕ ШТУЧКИ.

Бублик - то что окружает его дырку. Съедобно.
Кстати: Наш местный городской поэт-астроном С. Кульбин открыл что дырка от бублика и черная дыра одной природы. Это хорошо.... Это уже хорошо... что одной (1) а не двух (2). Но какой! С. Кульбин затрудняется ответить. Смотрит в потолок и качает ногой. И все..... Странно... А?

СТОП КАДРА!!!

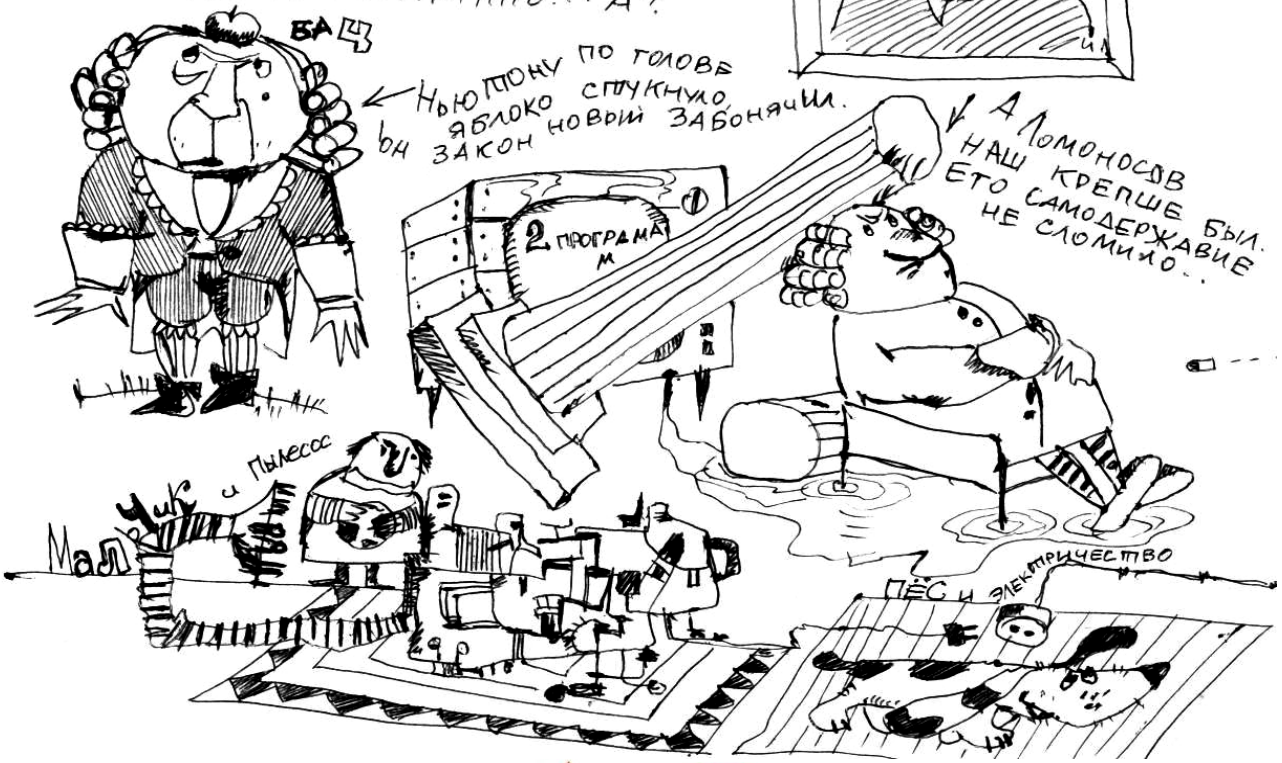

Бостон ..... (такой-то, такой-то Бастон) – город такой-то, такой-то, не наш, западный. На Барнаул чуточку смахивает с высоты 36 км.

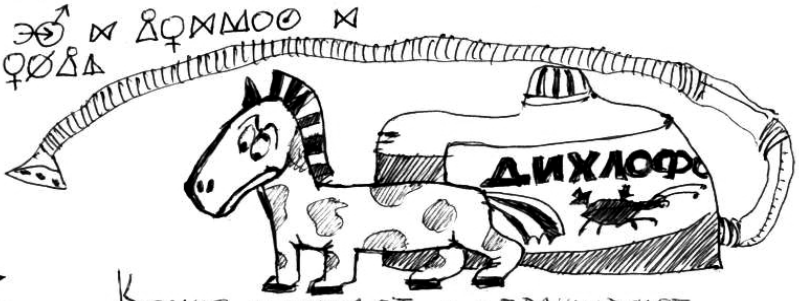
Историческая справочка Как-то давно-давно проезжав в здешних местах один дед. Фамилией Рерих, по имени русского-Коля. Ехал он ехал, скучно, ни газет, ни общества какого, революционеры и те кончились. Ехал он ехал, да как в сердцах крикнет – „Быть тута культурному центру!!!" Верблюды испугались и понесли. Остановили путешественников в Пекине... Дед уже старый был, говорил разное.. А центр этот есть уже. На том самом месте, на алтайской нашей земельке стоит Дом Культуры Меланжевого комбината.... Такая история.

Накладочка вышла. Искали Рериха, а нарисовали Третьякова. Ну того кто нашу знаменитую галерею организовал. Да это он. Он зато и Рериха уважал. За столом. Один раз. А хотя похож на Емельку Пугачева.... Странно... А?

♂ ж ДОМАШ ж
ЖОДА

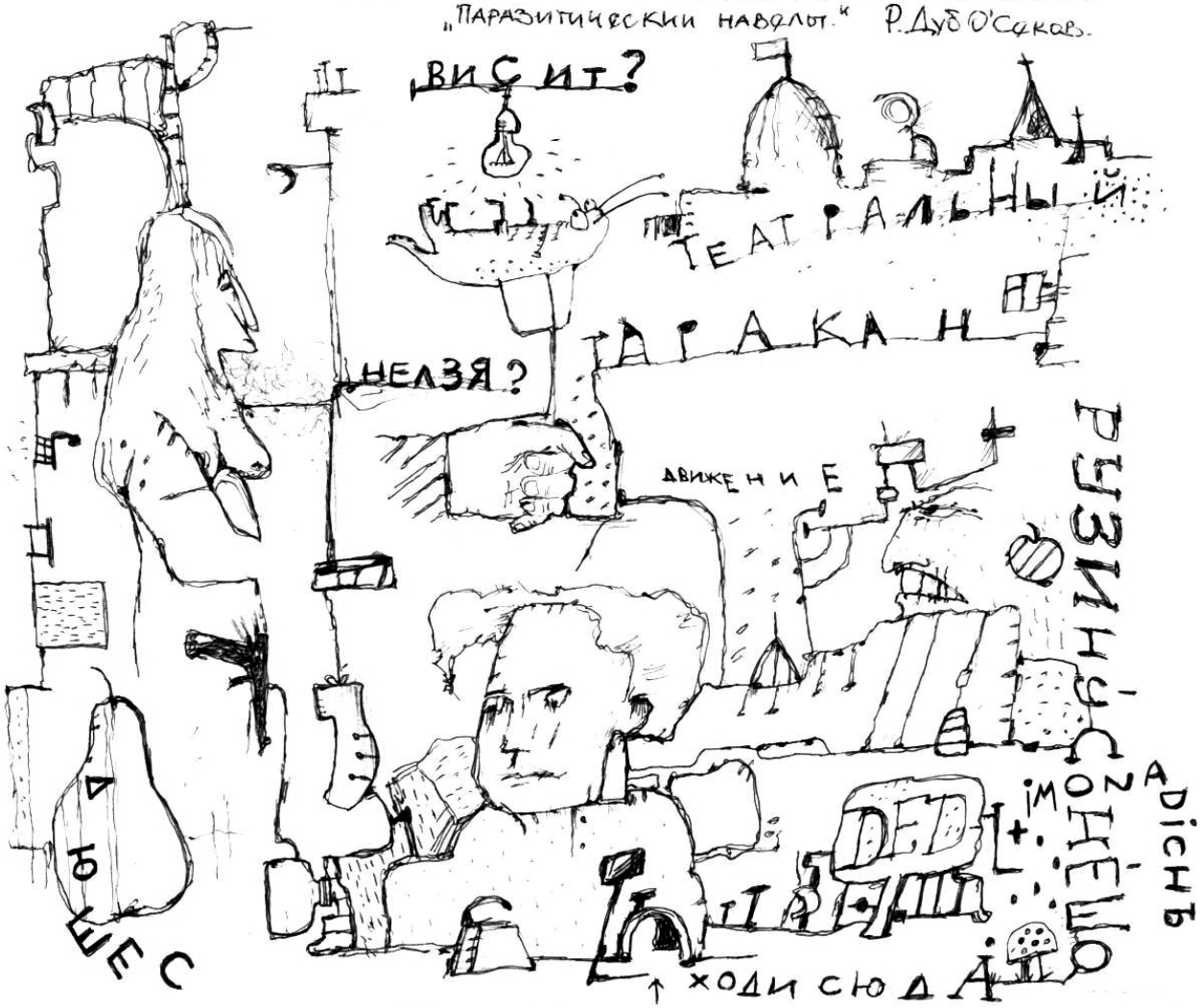

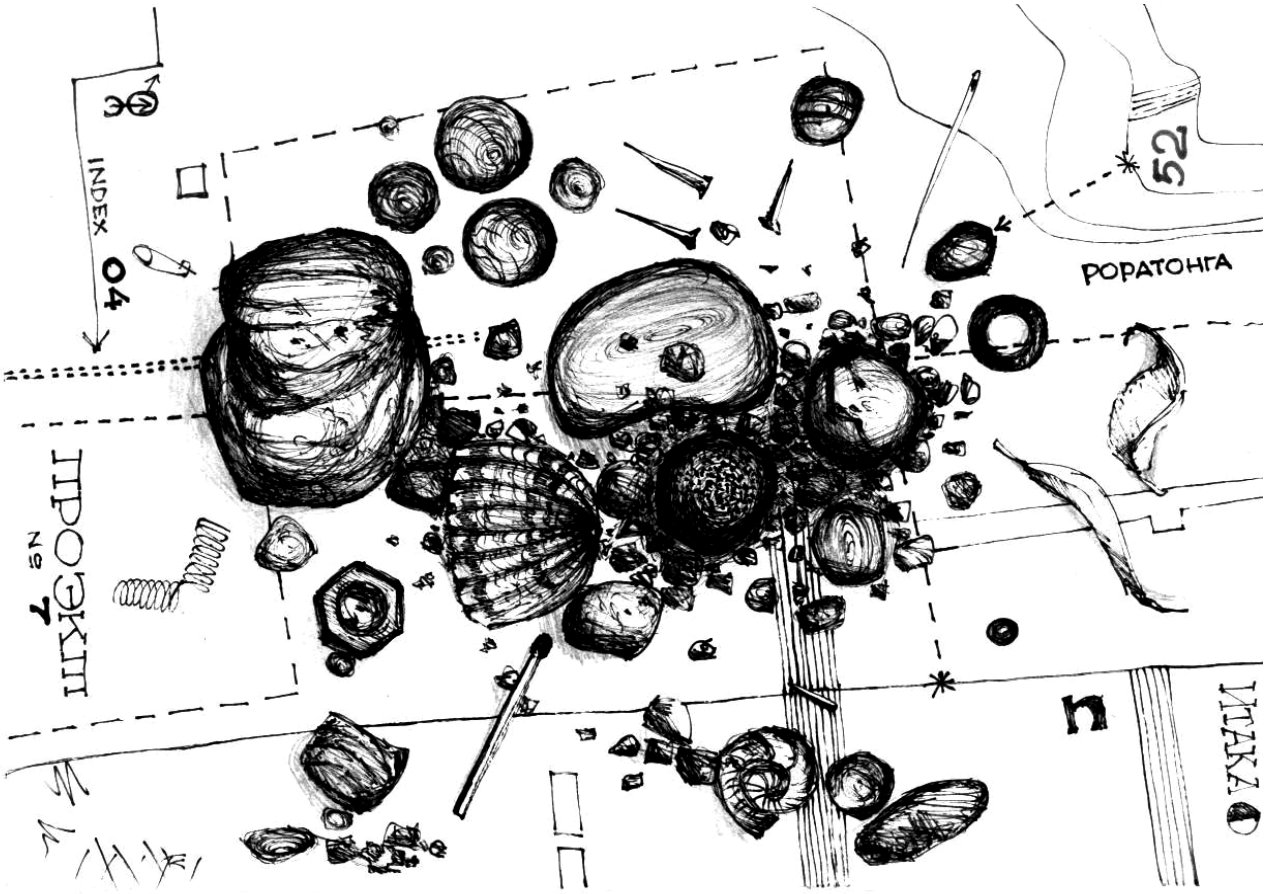
Комне приходят и спрашивают
- Вы крокодил?
- Нет конь.
- Жаль из вас не сделаешь сумочку.

- Да очень жаль. Кстати, у меня есть Дихлофос хотите выпить?
- Нет спасибо. Я таракан.

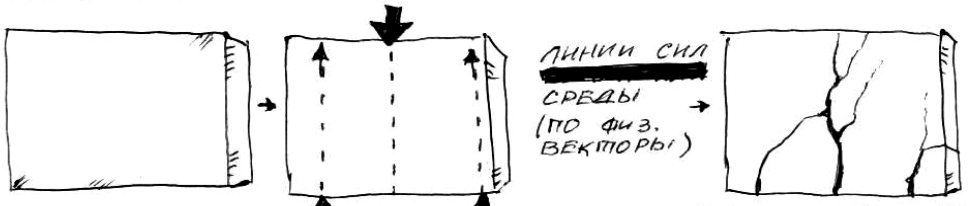
Глава. „Диолог" из неопубликованной книги „Паразитический налёт." Р. Дубовских.

Линия среды ТМ

Линия проявляется в любом месте реального и умозрительного мира.
К примеру • реальная трещина в стене или асфальте проявляется под воздействием сил, направленых так-то и так-то.

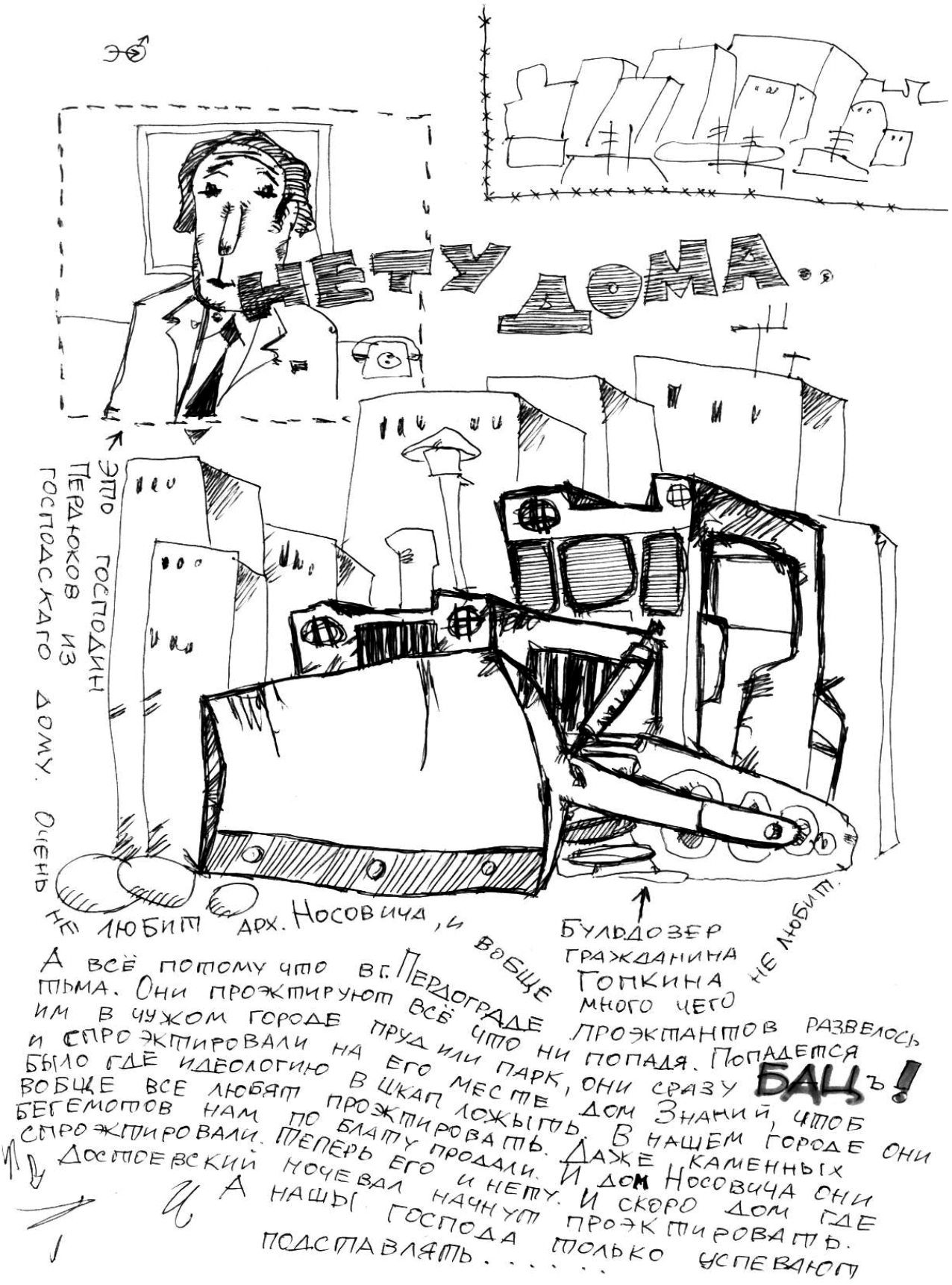

Тоесть линия в любых проявлениях присутствует везде.
Мы уже следили как линия трансформировалась в знак

Электромагнитные, магнитные, линии судьбы, пути, траектории, направления, трассы, провода, трубопроводы и еще черт знает что. Линию, которую чертит карандаш тоже обуславливают силы, которые в свою очередь подразумеваются, обуславливаются, или уже обозначены линиями. Нужно уметь видеть... К тому-же если учитывать что вокруг человека, предмета, чего угодно, существуют свои и чужие, соприкасающиеся и отталкивающиеся и соединяющиеся линии разных свойств, выражений и принципов, то можно такое увидеть...

ЖУКИ-ПУКИ
ул. ЧЕРНЫШЕВСКАГО 156
„БЫЛ ДОМ"
Дом архитектора Носовича
новостройки
к-тр. „Первомайский
Дом Носовича (БЫЛ)
ул. Чернышевского
новостройки
ПИВО

НЕТУ ДОМА
Это господин Передонов из господского дому. Очень не любит арх. Носовича, и вообще
Бульдозер гражданина Гопкина не любит.
А всё потому что в г. Передограде проэктантов развелось много чего
тьма. Они проэктируют всё что ни попадя. Попадется им в чужом городе пруд или парк, они сразу и спроэктировали на его месте дом Знаний, чтоб было где идеологию в шкап ложыть. В нашем городе они вобще все любят проэктировать. Даже каменных бегемотов нам по блату продали. И дом Носовича они спроэктировали. Теперь его и нету. И скоро дом где Достоевский ночевал начнут проэктировать.
А наши господа только успевают подставлять.....
БАЦ!

...Дом вечного сна....

Крематорий..

„Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть"....

Почти в каждой вещи „Крема" герои умирают, или умрут, что в частности не противоречит законам бытия. Все умрут. „Я умру от цирроза....", „Ах как жаль что она умерла" „Моя смерть разрубит цепи сна.... Кранты.... Винты... Кстати наши предки были на дружеской ноге со смертью, и человек понимая и помня о итоге жизни пытался жить так, чтобы..... Когда же человек тупо живет, не пытаясь понять себя и мир, списывая на то, что он слаб, в итоге он и умирает просто так, [redacted] не..... У Крема наблюдается приверженность к восточным философским концепциям „О перерождении", Это было в моей прошлой жизни". Крематорий это не место где сжигают трупы, это место где сбрасывается, грязная, протухшая плоть и далее надежда на новую жизнь.

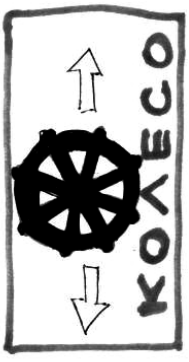
Главный - Армен Григорян (Шляпа) ← по секрету.

[redacted]. Сам Армен славный ---- малый. Отнюдь не большой скептик и ничего патологического не имеет. Любит очевидно как все много чего.

Совсем не для того чтобы напугать, или посмеяться над тем как страшно.... Не ради извращенной идеи... Нет, нет... Затем наверно чтобы [redacted]....

.... Безобразная Эльза - Королева Флирта.
С банкой чистого спирта я спешу к тебе
нам по 27лет. и всё что было
Не смыть ни водкой, ни мылом из наших душ.
Ведь мы живем для того чтобы завтра
сдохнуть.....
Безобразная Эльза. Ну что ты шаришь глазами
И как зверушка когтями скребешь по стеклу
То что было - прошло, значит надо добавить
Еще чтобы стало светлей хотябы на миг:
Ведь мы живем для того чтобы завтра
сдохнуть.....

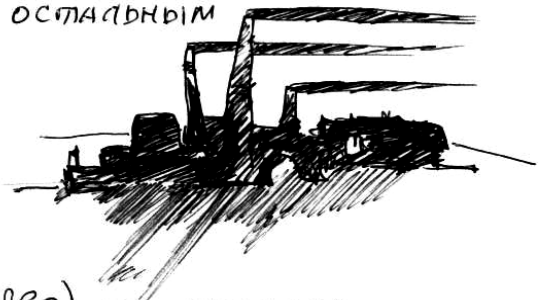

♂ ♀ ОДА

А ВСЁ ЭТО К ТОМУ, ЧТО «КРЕМ», БУДУЧИ В Барнауле ВПИСАНЫ БЫЛИ К САМОМУ В. КЛИМОВУ. ДА. МНОГОЕ ВРЕМЯ ПРОШЛО В БЕСЕДАХ.... ИЗ ЧЕГО ПРИСУТСТВУЮЩИЕ ГОРОЖАНЕ УЗНАЛИ ЧТО БАРНАУЛ – ЛУЧШИЙ ГОРОД ИЗ ХУДШИХ И ЧТО БАРНАУЛЬЦЫ – ПРЕКРАСНЫЙ НАРОД... НЕКОТОРЫЕ МУЗЫКАНТЫ НЕ ХОТЕЛИ УЕЗЖАТЬ ДОМОЙ. НО ПРОТРЕЗВЕВ МИГОМ СОБРАЛИСЬ, И ЕЩЕ РАЗ, (В 102 РАЗ) ЗАВЕРИВ ПЬЯНЫХ ХОЗЯЕВ ЧТО ОНИ КРУТЫ, ПОЕХАЛИ ДОМОЙ.

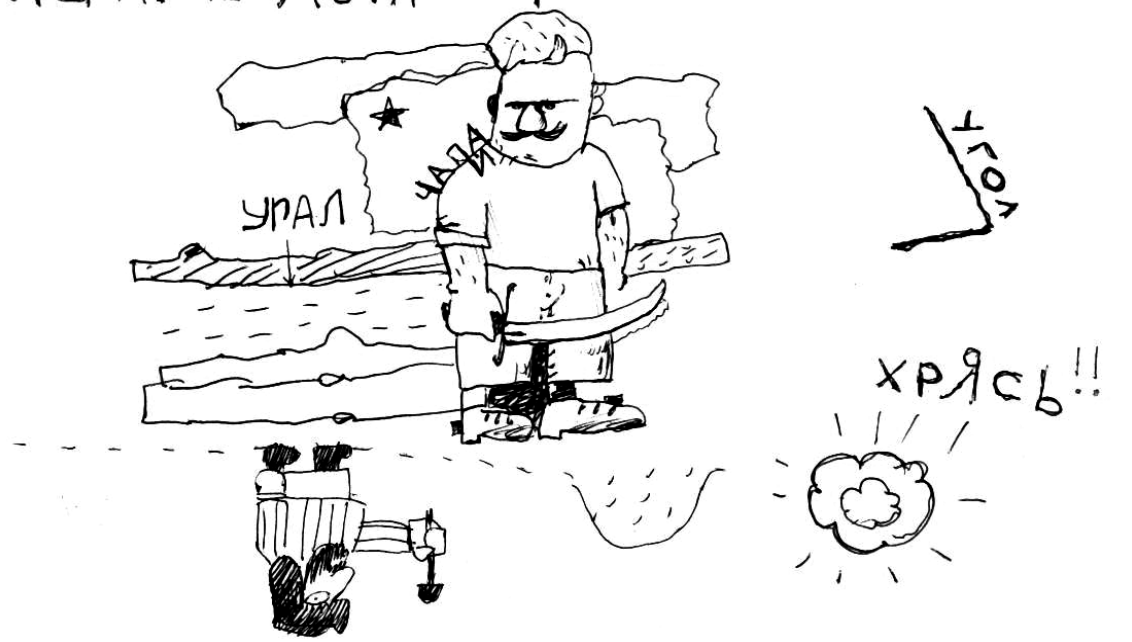

НА УЛИЦЕ ЭТОЙ НЕТ ФОНАРЕЙ
ЗДЕСЬ НЕ БЫВАЕТ СОЛНЕЧНЫХ ДНЕЙ
ЗДЕСЬ ВСЕГДА
СВЕТИТ ЛУНА
ДОРОГИ ВСЕ ВЕДУТ НЕ В РИМ
СКАЖИ ОБ ЭТОМ ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ
ДОРОГИ ВСЕ
ПРИВОДЯТ СЮДА....
В ДОМ ВЕЧНОГО СНА..
..КРЕМАТОРИЙ.....

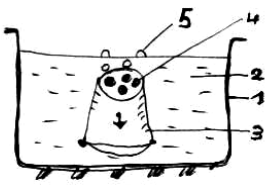
Катати..

ЗИМОЙ 88 Г. ЛЁКА (Лёка) [redacted] ПОДАРИЛ ГРИГОРЯНУ ОДНУ ИЗ СВОИХ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ РАБОТ «ДВОРНИКИ УЛИЦЫ РОЗ"..

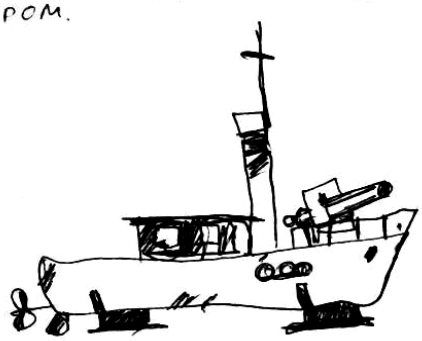

♀ØΔΔ
ВЫСИТ ГРУ
И БОЛЬШЕ ВСЕХ ОНА
ЛЮБИЛА „ROLLING STONES"?..
JANIS JOPLIN, T-REX, and DOORS?
ЭТТА АНА УМИРЛА?
ЖАЛКО НЕ . . .

Бурбулятор - устройство такое хитрое.

1- водоем любой
2- вода в водоеме
3- ведро
4- дырки в ведре
5- пузырьки
совокупность всех пяти компонентов и составляют бурбуляцию.

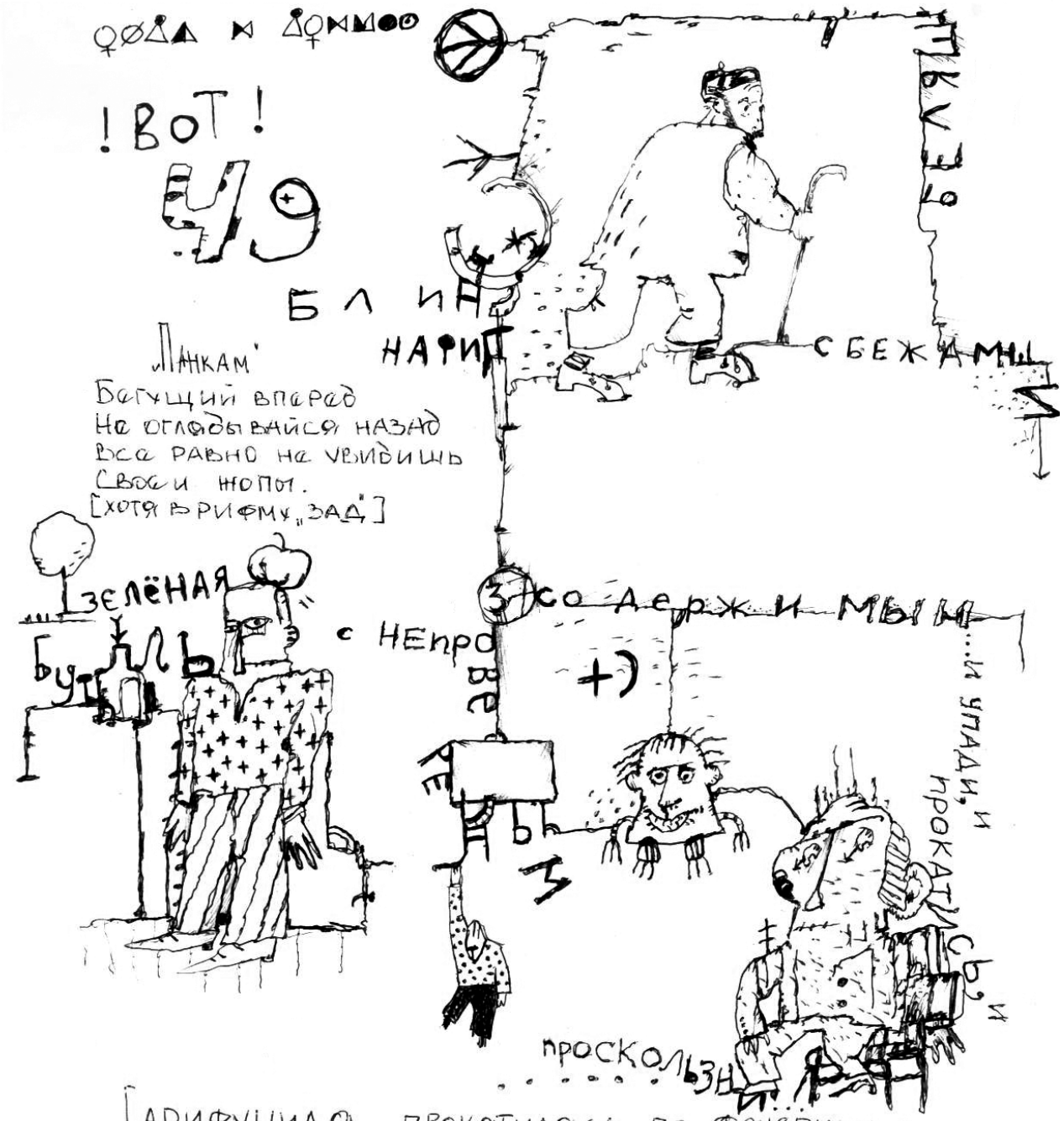
Бэда (Достопочтимый) монах-книжник в древней Англии пытался записать все анекдоты.
Умер пересытившись черным юмором.

Быдаков Семен Прокопьич - бывший моряк.
Популяризатор морского мумия.

ГАРИФУЦИЛА ПРОКАТИЛАСЬ ПО ФОНАРИКУ И ПРОКАТИЛСЯ И ПРОСКАЛЬЗНУЛ В ДЫРКУ ПРОБИТУЮ БИЛЬЯРДНЫМ ШАРОМ НОМЕР 7

Кто такая ГАРИФУЦИЛА, я не знаю.
Но он толстый и мягкий.

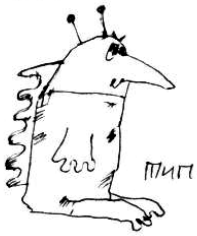
$E+MC^2=HHE$ Это интересно.

В Пензенской области обнаружили аэродром летающих тарелок. Профессор А. Пигаль утверждает что в этой зоне находится инопланетная тусовка. Последние анализы всех снимков дают однозначный ответ - все облака которые снимали 7ОЛет оказались тарелками. Психологию инопланетян изучить сложно, они то поезда тоскают, экономя нашу соляру, то к самолету привяжутся, пока летчики не догадаются стюардессу от иллюминатора отпащить, бывают случаи явных хулиганств, когда тарелки зависают над автотрассами и останавливают движение. В Барнауле есть одна тарелка, лежит она на свалке чермета и ржавеет.

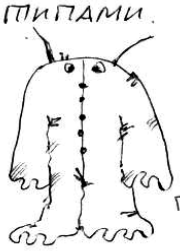

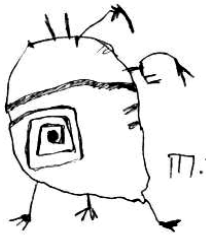

Астронавты этих средств галактических передвижении могут быть различных типов. А также могут быть очень отвратными типами.

тип 1.

т.2.

т.3.

т.4.

т.5.

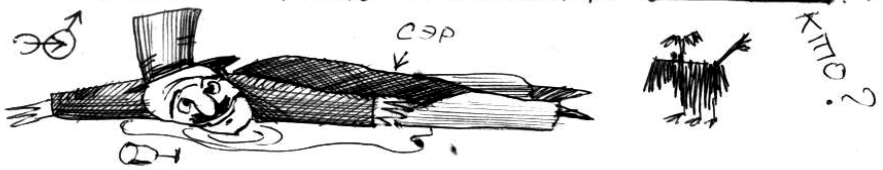

т.6.

т.7.

т.8.

Ведущие программы „Взгляд" поехали туда осенью и не вернулись (пока что). Еще тарелки очень любят летать над линиями электропередач, очевидно подпитываются энергией. А так же любят летать над Африкой и Ю.Америкой. Люди там проще и веселей, завидев над городом тарелку они не пялятся в нее тупо как петрозаводские, а начинают греметь и играть начем ни попадя. Очевидно это очень нравится тарелникам.

Бекос (BEKOS) - так говорят английские сэры когда назюзюкаются. Бекос - очень, сильно, крантыы.... Из наших часто упоминает [redacted].....

Биплз (the Beatles) - !!!!!!

Бройлерная (курица) - птица, не отягощенная умственной деятельностью. Выведена как порода в колхозе „Луч" пос. Курья Алтайского края, в бройлерной колхозного управления дядей Кузьмичем.

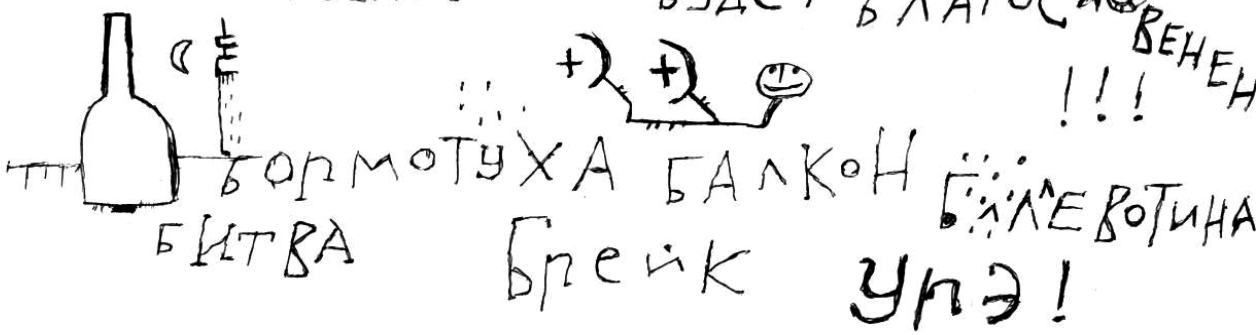
Бутылка (батл·жарг) · сосуд для хранения винных изделий, кефира, джинна

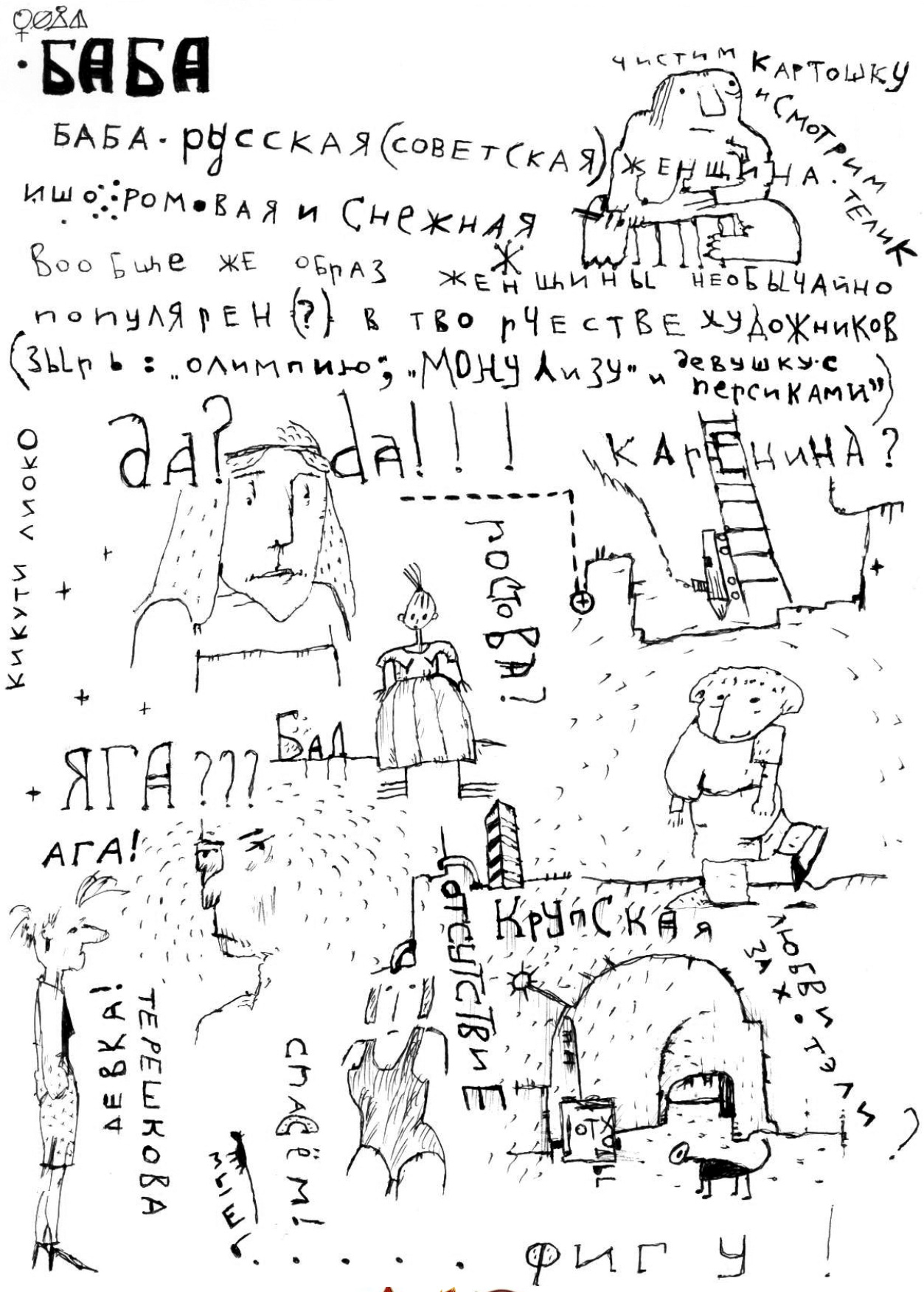

Часто выловливаемы из водоёмов.
Часто с записками. Часто с грустными.
Часто из страны Бангладэшш...ш.ш.ш...ш

ночью звёздной тяжко без бутылки

♀♂♂♂
БАБА
БАБА - русская (советская) женщина.
Ишь: ромовая и снежная
Вообще же образ женщины необычайно
популярен (?) в творчестве художников
(Здесь: "Олимпию", "Мону Лизу" и "девушку с персиками")
чистим картошку и смотрим телик
да? да!!! картина?
кикути локо
ЯГА???
Бал
АГА!
девка! Терешкова
Круглая
отсутствие
любви
Фигу!

БУРАТИНО - ДЕРЕВЯННЫЙ ТАКОЙ ШКЕТ, ИЗ КЕДРА. ПО НАШЕМУ ЧУРКА С ГЛАЗАМИ, ПО ИТАЛЬЯНСКИ БОЛВАНЧИК.
БРЕД - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД, ЯКИМ ЛЮБЯТ МНОГИЕ ТВОРЦЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ, И ГДЕ ПО ЯКОБЫ ИХНЕМУ МНЕНИЮ И ЕСТЬ ПИТАЮЩАЯ ЖЫЛА ТВОРЧЕСТВА. ВСЕ СВЕДЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЮ МОЖНО НАБРАТЬ НА ЛУГОВОЙ...
БАБА ЯГА
БАТОН - ГЛАВНЫЙ
ДАТО
БАТОНЫ СКАЧУТ
КУЙ ЖЫЛЕЗУ ПОКА ГОРЯЧО
БЛ
ПОЧТЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ!!!
ВВ ЗАВОРАЧИВАЙ
В.. ВАШИНГТОН. АМЕРИКАНСКИЙ ГОРОД-ГЕРОЙ, НАЗВАНЫЙ В ЧЕСТЬ ОДНОГО ЕВРЕЯ ЖОРЫ ЕГО ФАМИЛИЕЙ.
ВАМПИР - КРОВОПИЙЦА, ЧАЩЕ ФИЛИП ИСПАНСКИЙ, ИНОГДА ДРАКУЛА ВЕНГЕРСКИЙ. ВОБЩЕМ ЛЮБИТЕЛЬ КРОВУЩКИ НАРОДНОЙ.
ВЕРТОЛЕТ, ВЕРТИЛЯТОР, ВЫДРА
СЪЕСТ ЩАС! ВЕДЬ!
ЧУКОТКА
УРА! БУХЛО ВЕЗУТ!
ВАЗИЛИНИ

♀ØΔΔ

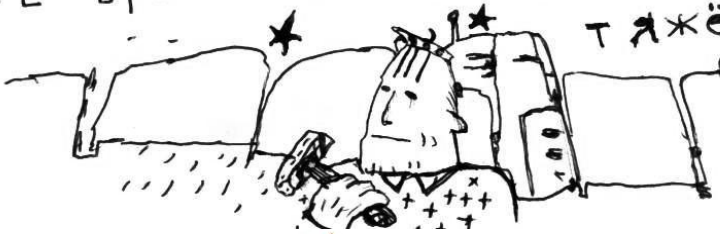
ВАННА место, где один (архимед) что-то
придумал, одного (марата) ножичком
порешили,
А третий же (борис матвеевич) сам потонул.
Там любят делать открытия и брагу.
Рифмуется с АННОЙ. И ВАНЕЙ.

ВОЛГА. (течёт река)

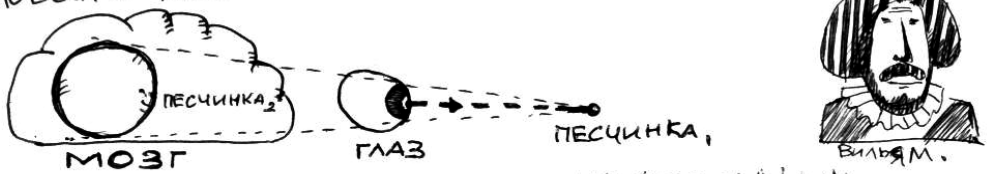

ВРЕДНОСТЬ. способ самовыражения,
применяем гадкими детишками,
наказуем битьём.
Ещё вредность какая-то бывает на
тяжёлом
производстве.

Визуально.

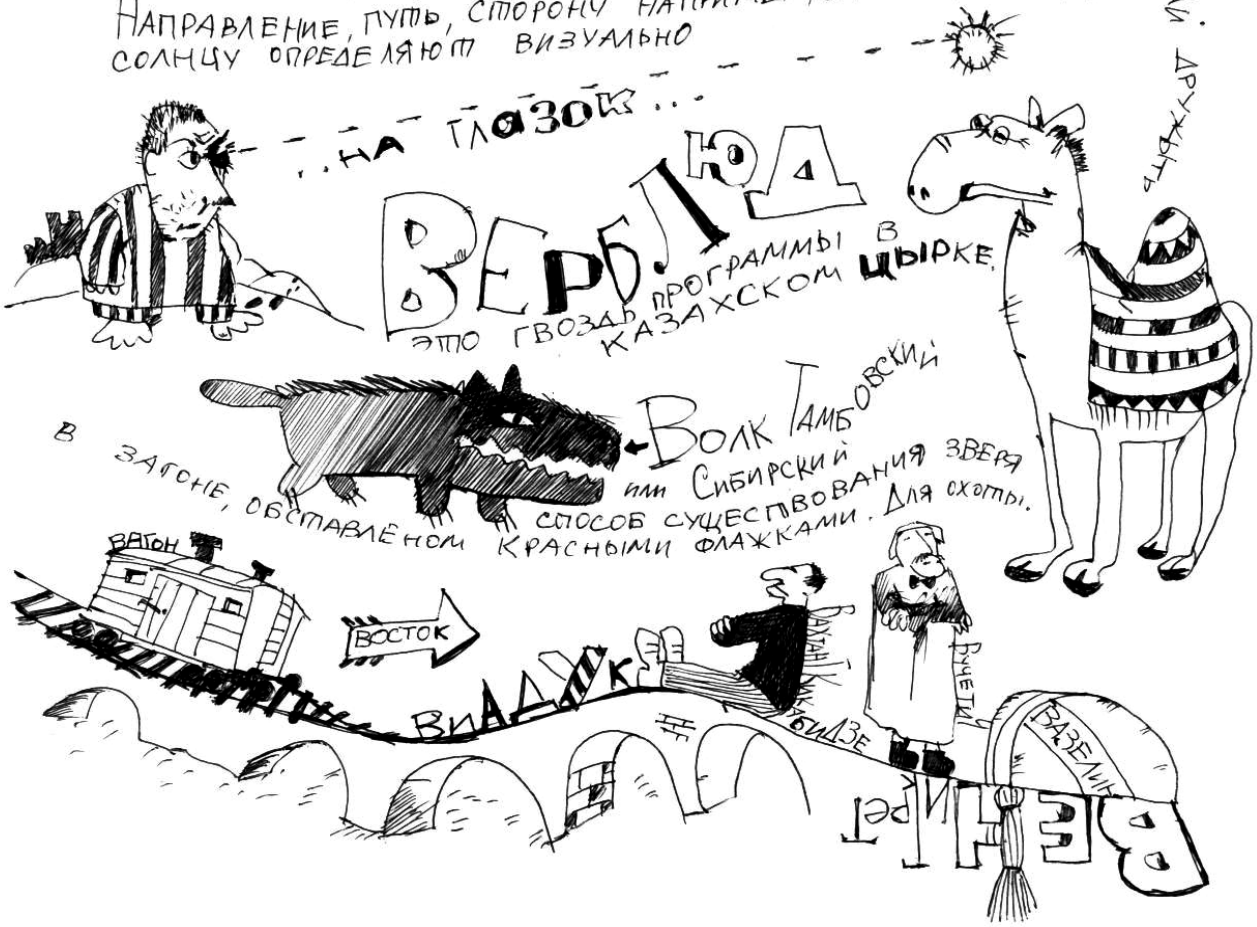
ВИЗУАЛЕ (VIZUALE) – ИТАЛЬЯНСК. – ПО РУССКИ – ГЛЯДЮЧИ.
ТОЕСТЬ ГЛАЗАМИ СМОТРЯЕЧЕ..

ВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ
ЭТО → ВИДЕО, ТЕЛЕ, ГОЛОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБИЛЬНИКИ,
Т.Е. АППАРАТЫ.

ГРАФИКА – ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ (ОБМЕНА ИНФОРМАЦИИ)
НАПРАВЛЕНИЕ, ПУТЬ, СТОРОНУ НАПРИМЕР, ОРИЕНТИРУЯСЬ ПО СОЛНЦУ ОПРЕДЕЛЯЮТ ВИЗУАЛЬНО

♀ØΔΔ
Ветеринар Владимир
Влюблённая в него
* * * * *
ВЕРА (Верочка).
А вот и корова, им излеченная.
ВЕНЕРА. БОГИНЯ ЛЮБВИ КАК ПЛАТОНИЧЕСКОЙ, ТАК И ЗА ДЕНЬГИ.
А вот и солнце, и изза деревьев встающее, над мельницей пролетело, на колючку весьма похожее...
ПОБЕДИТЕЛЬ СОРЕВНОВАНИЯ
ДА?
ВРЕДИНА
В КОМНАТЕ С ГОЛУБЫМИ ОБОЯМИ, ГЛАЗ УБЛАЖАЮЩИМИ...

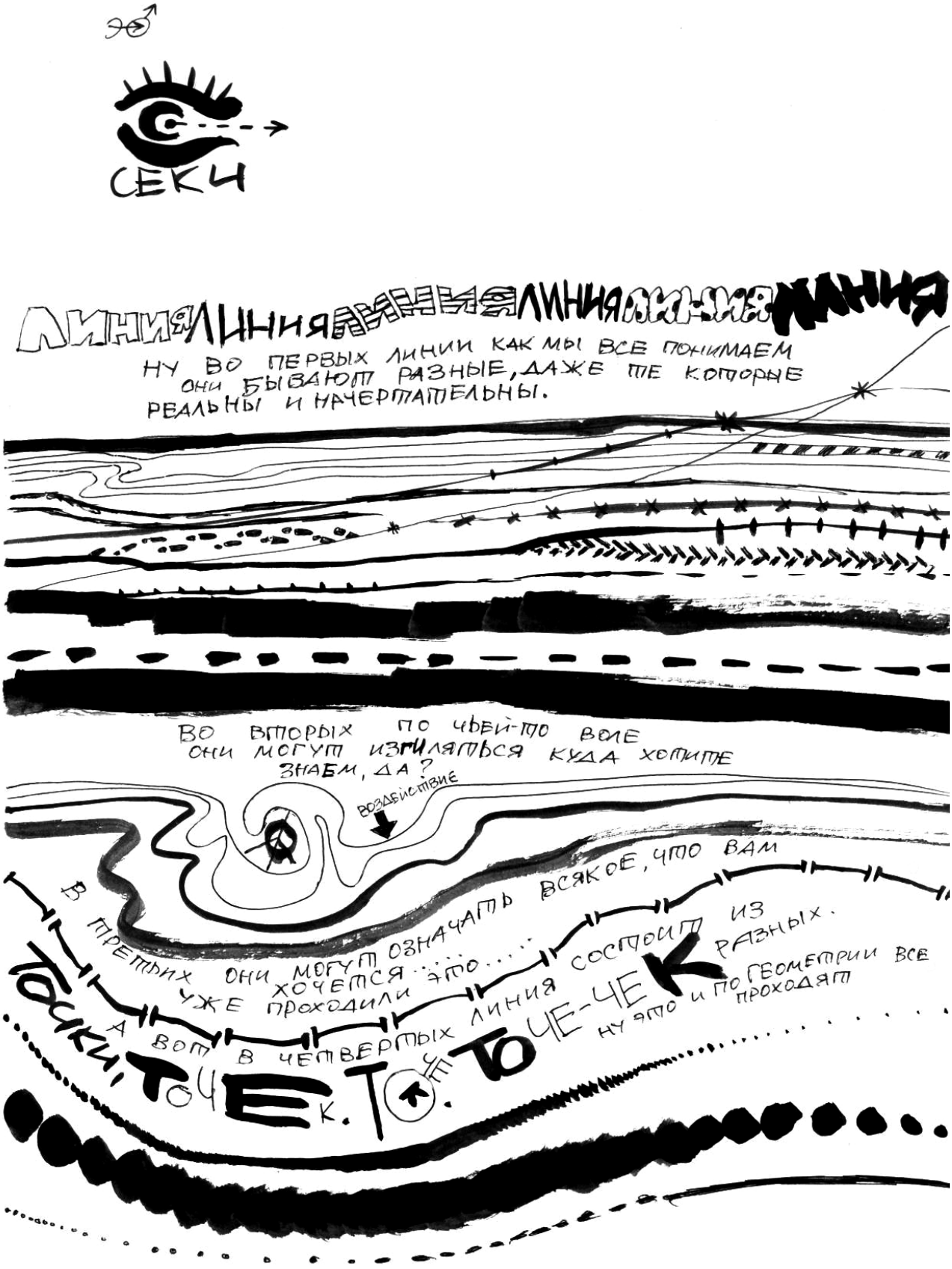
Эб♂

Вазарелли Виктор (Дёзё Вашархейи. Венгр. род. 1908г. в Печ.) – художник • абстракционист, знаменит там, у них. Работал в стиле ОП-АРТ (оптическое искусство) Знаменит своими работами в стиле кинетического абстракционизма, тяготением к геометрии. Много черно-белых работ. Любил игры с моно-хромными плоскостями. (Прикалывался)

Одна из простейших примочек. Объект будто-бы вибрирует. Более сложные работы основываются на свойствах визуального восприятия человеческим глазом разных совокупностей цвета и плоскостей. Правда искусствоведу Терезу Вазарелли не понравился, поскольку после его выставки искусствовед лечил нервный тик и косоглазие. Всё это было недавно.....

СЕКЧ
ЛИНИЯ ЛИНИЯ ЛИНИЯ ЛИНИЯ
НУ ВО ПЕРВЫХ ЛИНИИ КАК МЫ ВСЕ ПОНИМАЕМ ОНИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ, ДАЖЕ ТЕ КОТОРЫЕ РЕАЛЬНЫ И НАЧЕРТАТЕЛЬНЫ.
ВО ВТОРЫХ ПО ЧЬЕЙ-ТО ВОЛЕ ОНИ МОГУТ ИЗГИБАТЬСЯ КУДА ХОТИТЕ ЗНАБМ, ДА?
ВОЗДЕЙСТВИЕ
В ТРЕТЬИХ ОНИ МОГУТ ОЗНАЧАТЬ ВСЯКОЕ, ЧТО ВАМ ХОЧЕТСЯ.... УЖЕ ПРОХОДИЛИ ЭТО....
А ВОТ В ЧЕТВЕРТЫХ ЛИНИЯ СОСТОИТ ИЗ РАЗНЫХ. НУ ЭТО И ПО ГЕОМЕТРИИ ВСЕ ПРОХОДЯТ
ТОЧКИ, ТОЧЕК. ТОЧКА. ТОЧЕ-ЧЕК

А ТОЧКА ДЕЛО ТЁМНОЕ.

РАЗМЕРЫ ЕЁ ОТНОСИТЕЛЬНЫ...

ИДЕАЛЬНО ТОЧКА ОБОЗНАЧАЕТ **МЕСТО**.

МЕСТО УКОЛА, ЗВЕЗДУ, ЛЮБОЙ ОРИЕНТИР, ИЛИ ЛЮБОЕ УМОЗРИТЕЛЬНОЕ МЕСТО-

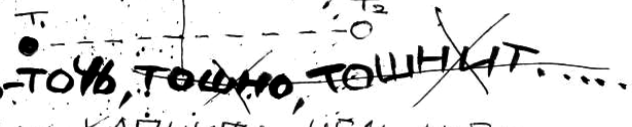

ТОЧНО, ТОЧНЯК, ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, ТОЧНО, ТОШНИТ....

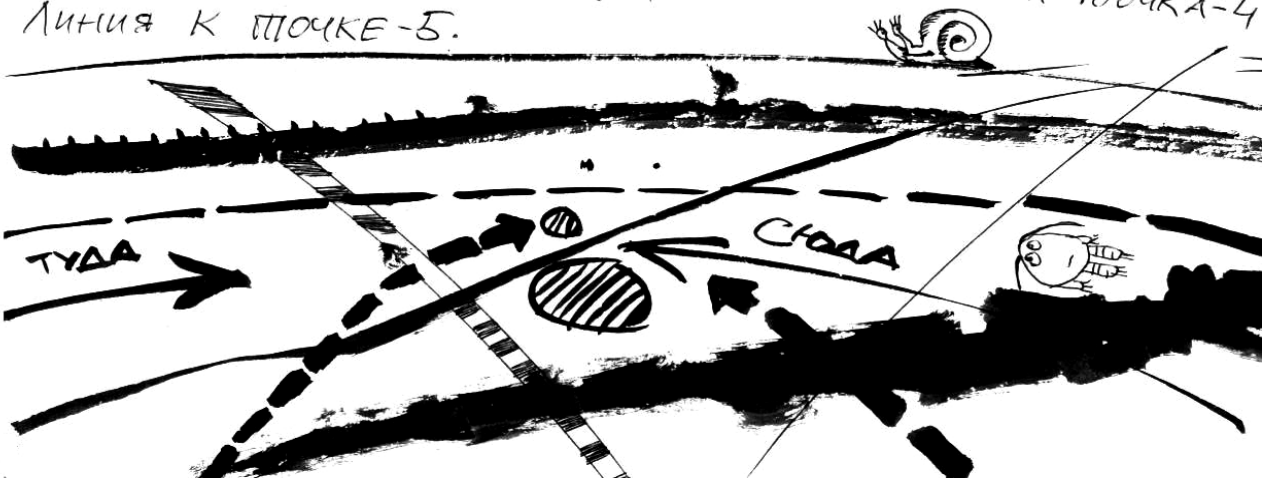
ТАК ВОТ, ПОЛУЧАЕТСЯ, ЕСЛИ КАПНУТЬ ЧЕМ-ЛИБО, НА ЧТО ЛИБО, И ДАТЬ ВЫСОХНУТЬ, ТО В ОБЩЕМ ПОЛУЧАЕТСЯ ТОЧКА. ВАЖНО, КАПНУЛИ ЛИ ВЫ И ПОЛУЧАЕТСЯ ЧТО ДАЖЕ НЕ ВАЖНО, НА ВЕСЬ МИР, ГЛАВНОЕ НА БУМАЖКУ, НА КАРТУ ИЛИ НА ВЕСЬ МИР, ПОСКОЛЬКУ МЫ ИМЕЕМ САМОЕ ГЛАВНОЕ, МОЖНО НАЧИНАТЬ ВСЁ ЧТО ХОТИТЕ. МОЖНО ТОЧКУ ЭТУ ИЗБРАТЬ ТОЧКОЙ ОТСЧЕТА, ЧТО ПОЛУЧИЛАСЬ **ТОЧКА**. И ТЕПЕРЬ ЧТО ЗНАЧИТ **ЦЕНТР**, А В ПОСЛЕДСТВИИ ЭПИЦЕНТР.

ТЕПЕРЬ МОЖНО ~~ЕЕЕ~~ СОЕДИНЯТЬ С НЕЙ ОСТАЛЬНЫЕ.

ПОЛУЧАЕТСЯ НЕКАЯ **СИСТЕМА**, ИДЕОГРАФИЧЕСКИ И АБСТРАКТНО НАПОМИНАЯ РАЗНЫЕ ДРУГИЕ, УЖЕ ИЗВЕСТНЫЕ СИСТЕМЫ, НАЧИНАЯ ОТ КОМЕТЫ, КОНЧАЯ МОСКОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ.

НУ И СИСТЕМЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ.

ТОЧКИ СТОЯЩИЕ В ТЕСНОЙ ОЧЕРЕДИ ОБРАЗУЮТ ЛИНИЮ-СИСТЕМА-1. ЛИНИИ ИДУЩИЕ КУДА-ЛИБО-СИСТЕМА 2. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ЛИНИИ-СИСТЕМА-3. ЛИНИЯ И ТОЧКА-4 ЛИНИЯ К ТОЧКЕ-5.

ТАМ
1.
2.
ЗДЕСЬ
ТРАМ
БУХ
БАМ
МЕСТО ВСТРЕЧИ
СОПРИКОСНУЛИСЬ ОН И ОНА
3.
КАК И НИКАК
ОДНА ИЗ.....
4.
НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ЛИНИИ
СТРЕМЛЕНИЕ
ОТСТРЕМЛЕНИЕ
К ТОЧКЕ СХОДА ВСЕХ
ЦЕНТР
ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНО ВРАЩАЕТСЯ ВОРОНКА В ВАННОЙ
5.

Началось всё это тоже издалёка. Человек тогда уже освоился более-менее в природе и начал её для разных нужд отображать и изображать то на коре, то на камнях, то на песке. Так постепенно складывалось понятие о схемах и чертежах.

И вот в раннем, а может позднем неолите происходят мощные изменения.

Человек стал творить своё. Он перестал копировать бизонов, он стал их изображать по новому, более упрощенно и схематично, но не потому что ему стало лень, а потому что образовалась новая система понятий, и у изобразительного языка появились новые понятия.

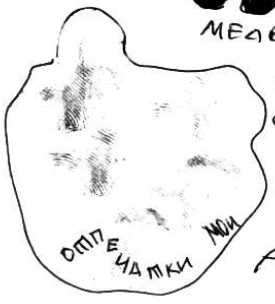
Это тот бык которого съели в новый год, и который отхватил ворвал потому ухо.

Это бык. Просто бык, сам по себе бык. Его функции понятны только из контекста.

В это же время и узоры на утвари приобретают новую ценность, новые понятия.

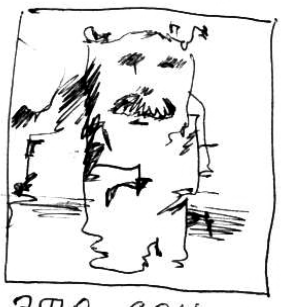
Этот медведь с наскальных рисунков

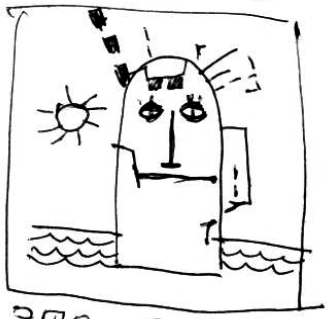
Как не странно тоже медведь. Этот с бурятских рукавиц

Так человек стал изобретать знаки - новую реальность. А там и до азбуки недалеко

Это всё мы уже рассматривали как-то. И знаковое изображение и абстрактное, и системы линий и точек. Вобщем бардак, не будем вдаваться в подробности, а то можно себя и опровергнуть. Но вот человеку в его воображении является видение. На берегу моря стоит его предок. (это идея) Потом он решает реализовать (зачем?) это видение (это уже план). Он реализует (это произведение).

это сон или галюля индивида.

это его план, индивид его пытается изобразить

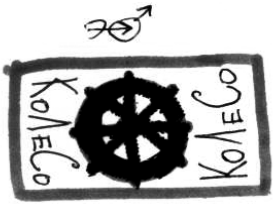
это то что получилось.

В это время появляются мегалиты - первые архитектурные пробы человечества. И так началось строительство, везде и повсеместно. А где строительство, там и чертеж, где чертеж там и взаимодействие линий. То есть берет человек полено и видит, что по одной линии оно больше чем по другой, по одной оно 10 пальцев по другой 5.

Он назвал эти умозрительные линии длиной и шириной.

Потом началось бурное развитие всего и повсеместно. Стали строить. Много и хорошо. Вот когда хорошо, хочется еще лучше, тогда даже кирпич хочется довести до идеала. Настала эпоха поисков идеала, которая впрочем не кончилась. А кирпич стал тогда идеальным и даже божественным, поскольку боги подсказали неугомонному геометру волшебные числа. То есть его длина принимается за единицу **1**, а ширина за **0,62** ед. Эта пропорция и получила название **золотого сечения**, и применению его несть числа.

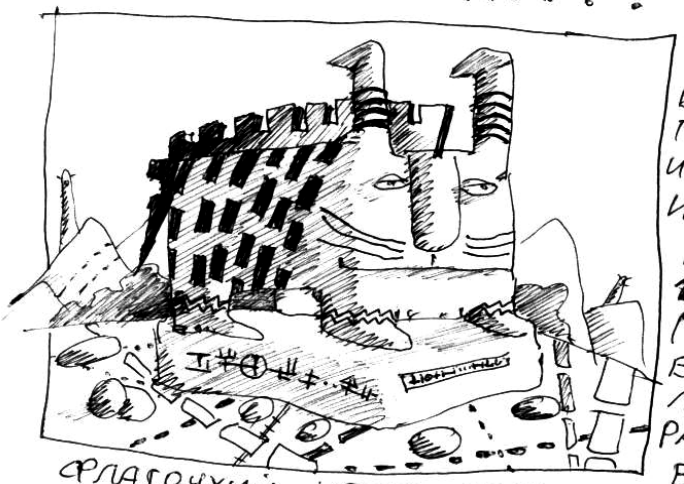

„Звери Пунктиры"

Сокращенные отрывки обрывков некоторых частей разных трудов товарища Алоиза Плавного.

... Да, именно Непроходимские Горы не давали попасть в Пунктиду (Пунктиру - в обиходе) многим путеходцам. Во всей Средней Земле таких мест около 7-8....

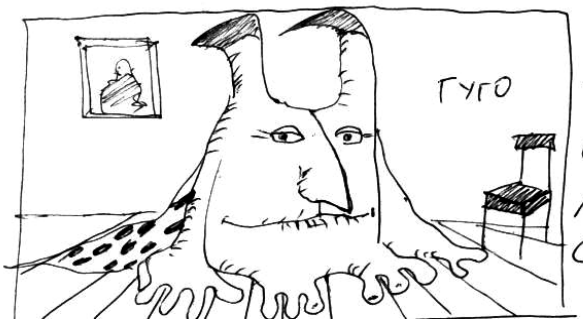
.. Еще самые древние ушельско-скитайские источники упоминают о чудесах Пунктиды, и в первую очередь о её легендарных зверях. Хотя (как считает сам Алоиз) называть их зверями в том смысле, в котором мы привыкли, просто кощунство. Например у бестолковского императора в Зв. до н.э. советником был Флагоухий Непотреб по имени Гегойя Команда, его культ до сих пор сохранился в местности „Бура"; как культ доброго и мудрого духа, приходящего на помощь после произнесения заклинателем таинственных формул....

Флагоухий Непотреб Гегойя. (Камень. Зв. до н. э.)

.. Несомненно что все они разговаривают таким же способом как и все люди. Например известный Линатип Гуго разговаривал на 14 языках, к сожалению Гуго трагически погиб в 15 году в Бульонском лесу, где скончался от разрыва сердца при виде бульдога....

... За всё время, пока я (Алоиз) жил в Курхандре, я ~~ни~~ никогда не видел чтобы жители Пунктиды что-нибудь ели. Да! Да! Может это и покажется странным, но это так!

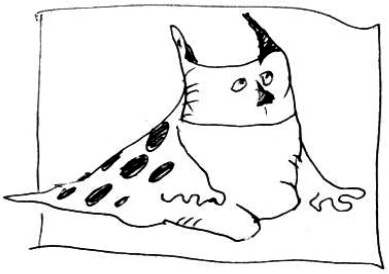

эо♂

..Поэтому наверное были основания у скитайцев и ушельцев считать их Ду́хами. Хотя этот вопрос слишком сложен, в Средней Земле „начиная от Танты бывает ТАКО́Е... что ого-го́!

.... Почти боготворят Солнце. Но никаких заметных культов и религий не имеют. Всегда пытаются как можно больше употребить в разговоре понятие „Солнце" (не важно на каком языке)... „Колесо как Солнце", глаза, круги на воде, воздушный шар привел их в неописуемый восторг, так что шабаш длился целые сутки. (об этом потом как-нибудь.) Кстати я (Алоиз) думаю что питаются они солнечной энергией. Они постоянно держат свои длинные фааги-уши по направлению к светилу. А так как в пункциде всегда лето, поэтому им всем хорошо. Ночью спят как камни, будить бесполезно. Но нет, зря многие ученые считают их биороботами-зверушками. Флагоухие почти не знают точных наук но зато имеют гигантскую память сочиняют анекдоты для кого угодно, поют о том что видят, извлекают разными способами музыку и насылают и появляются во снах.

Известен кстати случай, когда в 74 году в Витебске, вместо неприехавшего камерного оркестра исполнял симфонию маленький остроход Чалко. Все слушатели, а их 458 чел. уверены что всё было во сне. Все 458 снов одинаковы как один. Такие дела.

PUNK-TIR

↑ черт знает что, кто

↑ зверь (нем.)

Линия-Знак-Символ: PACIFIKO

Это довольно таки относительная цепь понятий, но если пытаться построить некую систему, то можно прибегнуть и к таким терминам.

Линия как основной элемент, пока не подверженый никакой идеологии, не деформируемая (пока) никакими силами.

Знак уже как некая маленькая система, как некий закодированый кусочек информации.

Символ это перерождение знаковых (любых) систем в идею (разными путями).

Знаки примерно можно разделить на несколько категорий.

Знаменательные - геральдика, гербовая символика, героическая символика.

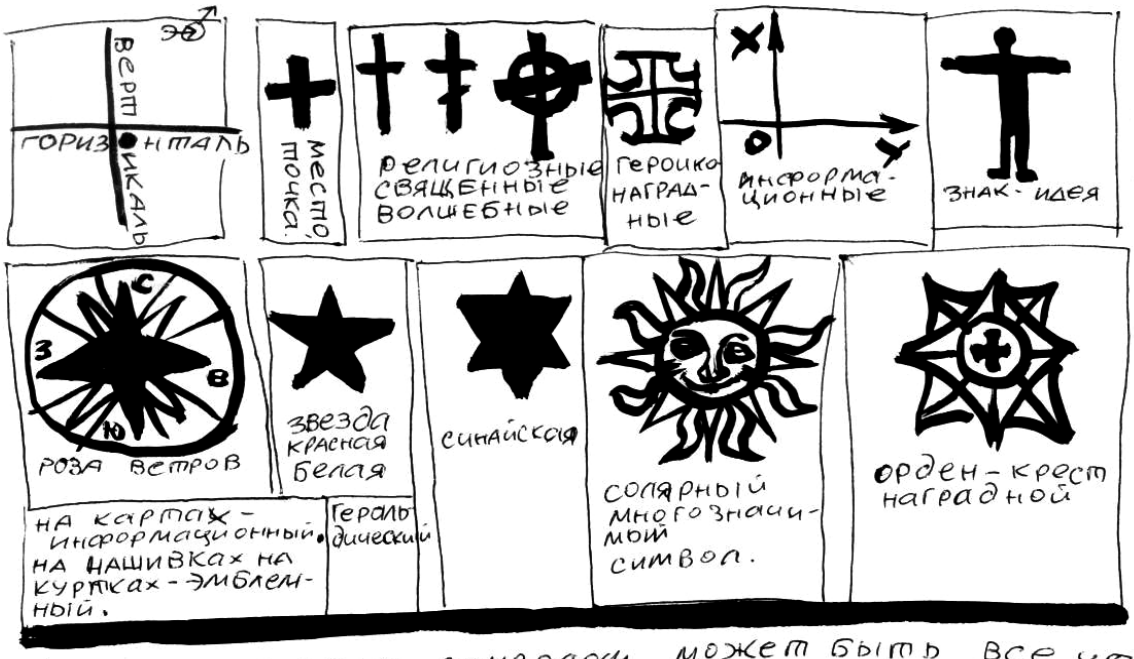
Бытовые - от жестикуляции до азбуки, тоесть основные.

Волшебные (священные) - [redacted], знаки утраченых, исчезнувших культур, религиозные.

Информационные - цифровые коды, азбуки и т.д.

Самое главное нужно помнить что все перечисленые разделы могут одновременно относиться ко всем пунктам перечисленым нами, и не нужно забывать что символ выхваченый из контекста может потерять старые значения и приобрести новые. Так пожалуй происходило с крестами, звездами, со всеми солярными (солнечными) знаками.

Одних крестов пожалуй не счесть, разнообразно количество их модификаций, и значений столько же.

Кстати знаком-символом может быть все что угодно. Например **цвет** (можете представить)

Вариант жестикуляции.

Может **ЗВУК**

Может **ЗАПАХ, СВЕТ, ТЬМА.**

Даже старый ботинок может стать знаком-символом, идеей.

Несомненно первыми знаками явились настоящие предметы и вещи.

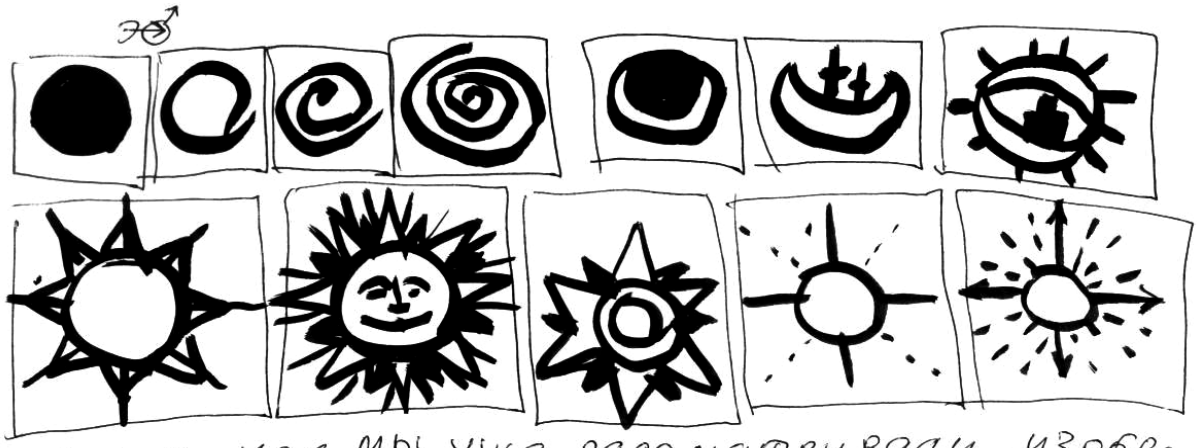
сначала линия — потом линия-точка — потом родился очень важный знак — КРУГ.

Круг это луна, солнце, глаз, и колесо.. очень многозначительный символ.

всеобъемлющность, вокругность.

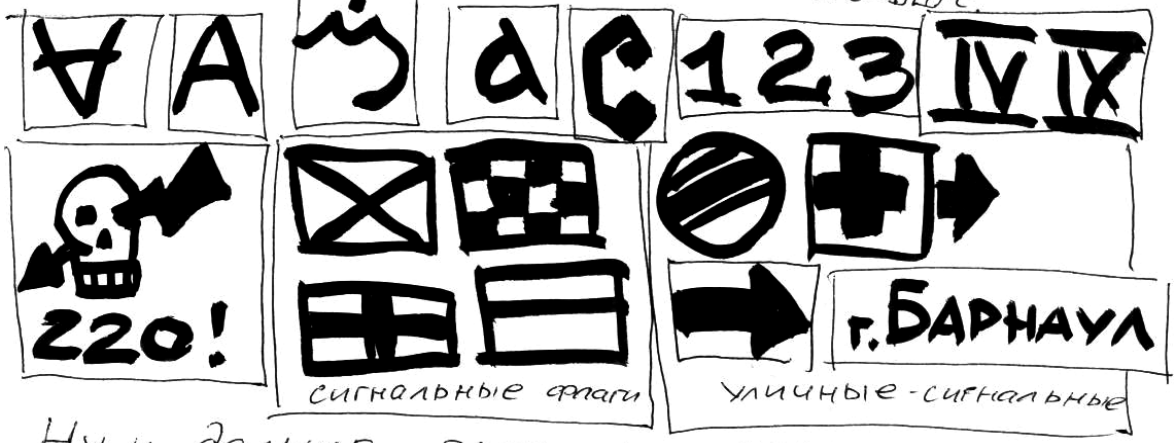
Далее круг быстро превратился в спираль и в лодку и в глаз, а там уже и в звезду. Но всё же круг и крест одни из основных элементов всей символики.

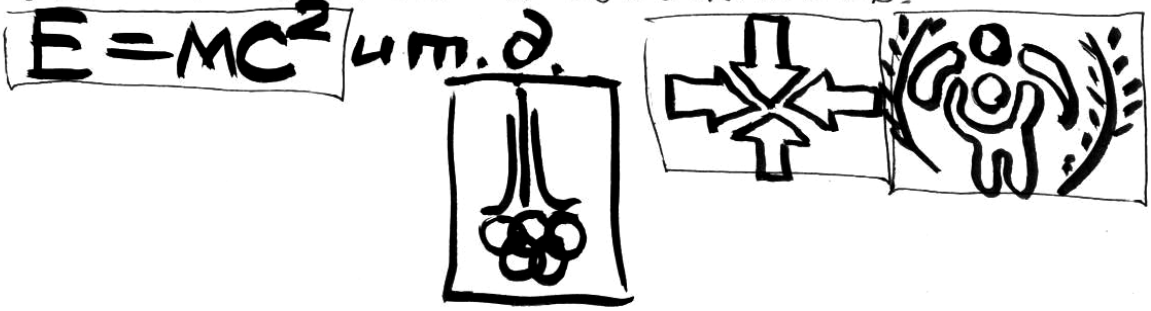
Потом как мы уже рассматривали, изображение претерпевало эволюции, и походу вместе с человечеством рождались и умирали знаки.

Дальше мы уже знаем. Дальше были изобретены информационные знаки. В наше время их становится всё больше и больше.

Ну и дальше знаки и их осмысление заботит ученых и художников.

Ну а человек понятно всю жизнь хотел защититься от бесов и стать поближе к богу, поэтому он жил под символом ✚
Желая побеждать врага человек жил в военной форме с её знаками, носил звезды и кресты, любил блестеть.
Желая опрокинуть строй, он жил под черным флагом анархии.
Так и по сею минуту мы носим символы на себе и внутри себя, Раз они оберегают... Или других заверяют что я этот.....

Чу и конечно лейблы являются неотъемлемой частью нашего мира. Лейбл одновременно и информирует других что у меня не кто-нибудь, а RIFLE левисовские штаны, берегут от бед, хорошая MONTANA спокойно входит в парадные залы, а в быту.....

ПОЭЗИЯ: Часть 2

Владимир ТОКМАКОВ ►

▼ РАЗОЧАРОВАВШИСЬ ВО ВСЁМ, НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОЙ БУДДИСТСКОЙ РЕКИ ОБЬ Я ЧИТАЮ СВОИ МАНТРЫ (подборка стихов)

• • • • •

красивая бабочка
села мне на плечо

наконец-то
я стал для них своим

• • • • •

открыл грецкий орех
жую содержимое
становлюсь деревом
просто деревом
мудрым деревом

дубиной стоеросовой

• • • • •

Тихий океан, песчаные часы...
Времени было - целая пустыня!
Осталась одна песчинка.
Достать платком, как соринку из глаза…
Текут слезы…

• • • • •

стучится мое верхнее сердце
бьется мое нижнее сердце

увидел тебя

спрятаться в сейф
кожаный
минут на десять

и снова в небо

• • • • •

мы ангелы внутреннего сгорания -
сгораем внутренне
и становимся ангелами

• • • • •

Насте

теряю друзей ключи зонтики
зубы волосы книги деньги

пришел на берег реки
гляжу на закат –
какая находка

• • • • •

Фома Неверов
побывал на небе
видел Бога и ангелов

вернулся на землю
стал искать человека

до сих пор ищет
дурак несчастный

• • • • •

Вернулся из армии домой
родной город стал тесным
как рубашка из которой вырос

пора менять портного

• • • • •

Всю ночь поет сверчок
Мне спать не дает.
Да иди ты к Басё!

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

По опустевшему городу
В двух грузовиках
Везут лошадей

Всё как у людей:
То ли на бойню
То ли в поле
На волю

• • • • •

Настенная карта мира –
шкура, снятая с убитого глобуса.
Этот охотник никогда не смирится,
что земля – круглая.

ДЕНЬ И НОЧЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

В ночь
перед днем
Святого Валентина,
с 13 на 14 февраля,
в Сибири обычно холодно.
Морозы до тридцати,
а то и до сорока ниже нуля.
Святому Валентину
жалко людей, и он идет к Богу:
«Убавь Ты, Господи, мороз-то...»
А Господь-Бог ему в ответ:
«Пусть теснее жмутся друг к другу...»
Святой Валентин вздыхает,
и наступает
утро...

• • • • •

Если к святыне
постоянно прикладываться устами,
то ее можно разрушить
поцелуями
до самого основания.

• • • • •

Задумайтесь:
березы -
седые волосы Земли.
И больше всего берез
растет в России.

• • • • •

жена не узнала меня
по телефону

может это *еще* не она?
может это *уже* не я?

• • • • •

Осенний ветер.
Книги с лотка чуть не улетели –
Шелестят страницами, как крыльями.
Продавец придавил их камнями –
Так надежнее.

• • • • •

Москва слезам не верит
Москва стихам не верит
Москва себе не верит

Живи в провинции

Плач если хочется
Смейся когда хочется
Пиши стихи о чем хочется

Провинция пока еще верит
пока
еще

• • • • •

Я начал забывать фамилии друзей,
их лица.
А мне, между прочим,
всего-то тридцать.
Это отнюдь не старость.
А значит все еще можно исправить.

Телефонная книжка,
на сегодняшний вечер -
ты - мой бестселлер!

Я буду читать тебя -
от корки до корки,
каждую страницу
заново учить наизусть,
каждую букву
открывать с закрытыми глазами!

Я готов.

Номер занят...
Номер сменился…
Номер не отвечает…

• • • • •

Земля – где тепло только червям.
Небо – где холодно даже птицам.
Вода – в которой и рыбы молчат.
Огонь – в котором нет ничего, кроме огня.

Кому ты нужен, человек?
Ты везде чужой.

В уголке
Людского сердца
Тепло и уютно.

Цени эту жилплощадь.

• • • • •

Зима.
Гибель цивилизации осенних листьев.
У детворы сегодня
праздник первого снега.

К вечеру
новая нация -
снеговики и снежные бабы -
заселяют пустеющий город.

• • • • •

живут на кончике иглы
здесь таких целый город
ангелы и демоны

сиди не шевелись
а то сорвешься

город последней надежды
над пропастью
в маковом поле

• • • • •

свистит на кладбище осенний ветер
созывает желающих
предлагает отыграться в подкидного
краплеными кленовыми листьями
но дураков нет
здесь как не играй все козыри –
черви

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

1.

мой старший сын
хочет быть банкиром

мой младший сын – ему три года –
играет в бэтмена –
борется с мировым злом
в первую очередь - как я понял –
с банкирами всех мастей и возрастов

«папа поиграй с нами», -
просят они

мелькают годы
а я все никак не могу определиться
с кем я –
с бэтменом или банкиром?

2.

давай играть в войну -
говорит сын
у меня десять жизней
у тебя пять -
начали?

Если бы - горько усмехнулся я -
если бы даже
у меня было пять жизней
я бы ни за что
не стал играть в войну

• • • • •

в третьем классе
запускали бумажного змея
задыхаясь от восторга бежали за ним по полю

вот уже тридцать пять лет бегу и бегу
бегу и бегу
пытаюсь удержать в руках

моя поэзия –
бумажный змей

• • • • •

Люди – всего лишь
Мелкие лужицы
На асфальтовой площадке
После летнего дождя.

Но в этих лужицах
Отражается небо.

• • • • •

Маленькая девочка
со смешными косичками
в коротеньком оранжевом платьице,
два часа с восхищением
рассматривает что-то
в витрине магазина:
улыбается, шепчет губами,
теребит складки платьица,
пританцовывает.

Подошел, посмотрел.
Ничего интересного.
Цветок, как цветок.

Хочу видеть мир
ее глазами.

• • • • •

бомж умер сегодня утром
возле мусорного бака

перед смертью
вспомнил воздушного змея –
он упустил его в третьем классе
красивый большой ярко-красный
он прилетел за ним
и забрал на небо
на небритом лице мертвого бомжа
была улыбка

почему я плачу

за нами никто не прилетит
нас никто не заберет на небо
неба больше нет

небо кончилось

• • • • •

Конец октября, ветрено.
В лучах холодного солнца -
белье на балконе
пытается улететь
вослед птичьим стаям.
Не улетит.
Куда лететь-то?
Везде одинаково.

• • • • •

а любовь
смотрит на мир
глазами искусства –
искусственными глазами

сука слепая

• • • • •

Падает снег…
Стало жутко -
Может быть,
Вот эта снежинка
У меня на перчатке,
Касалась на небе
Лица Бога?!.

• • • • •

Если коней
на переправе не меняют,
а хочется,
значит
надо менять переправу.

• • • • •

Пришел на только что
Вспаханное поле.
Сунул руку
В дымящуюся почву.

Чувствую её
Миллиарднотонное
рукопожатие.

Здравствуй,
Земля.

ССОРА

Один теперь езжу на дачу,
где раньше отдыхали вместе, -
как слепой
хожу по осеннему огороду,
хочу еще раз
наступить
на те же грабли...

• • • • •

Раздавленный пес
На шоссейной дороге,
Раскатанный машинами в лепешку.

Поднимите его.
Выше.
Еще выше.
Вот твое знамя,
Цивилизация.

• • • • •

кризис среднего возраста –
это возраст
когда не хочется быть
средним

• • • • •

Люди пошли к Богу
Бог пошел к людям
Встретились на Голгофе

Ничего себе
поговорили

• • • • •

Я на неё махнул рукой
Я на неё махнул ногой
А ещё кивнул головой
А ещё положил с прибором
А ещё забил с размаху

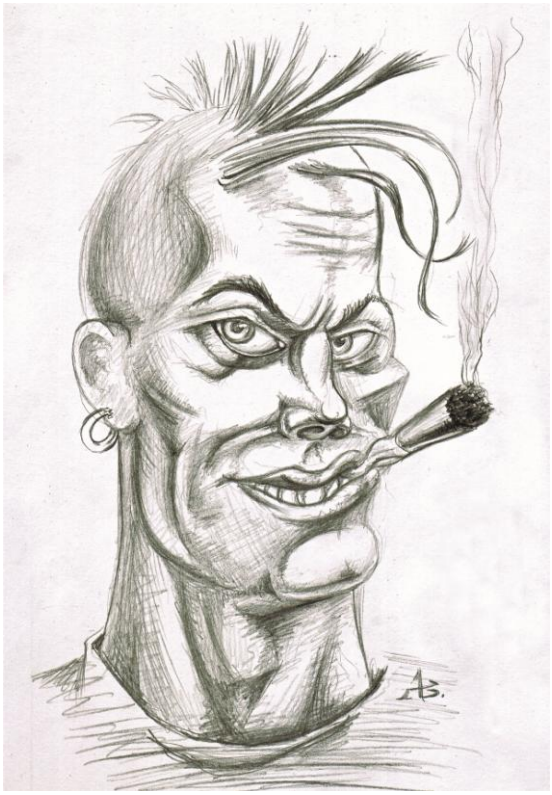
В общем
Тепло так попрощались

ПАМЯТИ АКУТАГАВЫ

сижу среди чернил уснувших
боюсь пошевелиться телом
чтоб не пролить судьбу чужую

• • • • •

…13 марта, предпоследнего года,
на улице Пушкина
Я встретил Александра Блока,
Почти что бога,
Из греческих мифов.
Он бродил по старым улочкам
Частного сектора
Города Б.
«Александр Александрович, что,
Что вы здесь потеряли?!» - спросил я его.
«Потерял? - мудро улыбнулся он мне
Маской Смерти. – Я ничего не потерял, а наоборот,
Многое здесь нашел!..»
Александр Александрович, куда мы пойдем с вами сегодня?
Или поскачем на Птице-тройке, - семерке, - тузе?
Только возница какой-то
До боли знакомый…
И боль эта –
Всё сильнее
с каждым днем…

Наталья НИКОЛЕНКОВА ►

▼ 13 МАЛЕНЬКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ (подборка стихов)

• • • • •

Быть дворниками на твоём ветровом стекле,
Бессмысленно мотыляться перед глазами.
Быть мелкой букашкой в крапиве и конопле,
В твоей голове возникать, словно боль или заумь.
Питаться иргой, барбарисом, дарами полей,
Спокойно забыв, кому и с кем изменила.
Быть самой любимой нелепой ошибкой твоей,
Подчёркнутой красным. Должно быть, это чернила.

• • • • •

Фрустрация побеждена,
И сожалений нет.
Немного белого вина
И дорогих конфет.

Твои желания просты,
Как фабулы Зиди.
А плыть по волнам пустоты -
И значит победить.

Не жаловаться и не ждать -
Всё будет арт нуво -
Ринитом сопли называть,
Любовью -ничего.

• • • • •

Вот идём мы с утра, как пожарные,
Смутно припоминая вчерашнее.
Что-то золото всё самоварное,
Только птички - живые и страшные.

Мы автобусными остановками
Измеряем сезонные сложности.
И прощальные чмоки неловкие
Избавляют минуту от пошлости.

• • • • •

Сейчас, ещё чуть-чуть - и верю, что отпустит.
Печаль моя светла, душа моя легка.
Офорты ноября и форты чёрной грусти.
Лефортово любви. И форточка прыжка.

• • • • •

Когда мужчина предаёт,
Диагноз ясен: идиот.
Мы и не ждали многого,
Оставь его, убогого.

Богата фауна Земли,
Открыто сердце для любви.
Свободная, не пленная -
Ты и есть Вселенная.

• • • • •

Рифма не зависит от любви,
Степень опьянения - от дозы.
Бережём прекрасности свои
Для финалочки статичной позы.

Очень быстро тает эскимо.
Бутерброды не хранят веками.
Вечности назло идём в кино,
Плакать и смеяться с дураками.

• • • • •

...И пальцем в сердце ковыряет
Ночная музыка, зараза.
И никого не повторяет
Дезоксирибонуклеаза.

Don`t play your rock-n-roll to me!
Я руки от тебя отмою.
Всё, что придумано людьми,
Нас не касается с тобою

• • • • •

Колосится ваша рассада,
Подрастает банковский вклад.
Мне довольно простого расклада:
Ты, коньяк, лимон, шоколад.

Улетят за границу птицы,
Будут устрицы плыть в вине.
Мне довольно такого принца,
Вот такого... Иди ко мне!

АВТОПАРОДИЯ

В день рождения Жана Люка Годара
Стояла убийственная погода.
Они созвонились почти случайно,
Тем более, что не виделись полгода.

Будучи инвалидами алкоголизма,
Боролись с гипотонией, гипертонией, тахикардией и смертью.
Прокапывались, отлёживались, ставили клизмы,
Глядя на ангелов, думали, что это черти.
Минус 21 под вечер, зима, коллега.
Цвета добавит креплёная "Изабелла".
Лучше лежать под травой, чем лежать под снегом.
Но сегодня - под снегом душа, под снегом Белла.

• • • • •

Спать рядом, пропитываясь запахами и сновиденьями.
Просто лежать в одной постели, под одним одеялом.
Почти ничего не покажут камеры наблюдения.
Это совсем не мало, совсем не мало.
Весь день в одной постели - вдыхать, обнимать и гладить.
Мы расстанемся под дождём, почти облегчённо.
Я люблю тебя, очень люблю, зеленоглазый.
Спасибо, тебе - зачёт, я уйду без зачёта.

• • • • •

Занывает, ноет, разнеживает, несёт.
Так хочется тебя, почти невыносимо.
За что мне это всё? Зачем мне это всё?
Наверное, неосторожно попросила.

Лети, мой конькобежец, вперёд-вперёд-вперёд!
Тебе к лицу вся эта амуниция.
Умру не раньше, чем моя любовь умрёт,
Или пристрелит конная полиция.

FEMME FATAL

Юле Кречетовой

В её нежном лице - бледно-жёлтая тень декаданса,
В зеленеющем взгляде - пучина порочных страстей.
Оттащите ребёнка от падающего контрабаса,
И вообще, берегите от женщины этой детей!

Есть нелепая прелесть в её одеяньях казённых.
Электричеством странным заряжена, верно, она:
Стоит только притронуться к струнам её раскалённым -
И шарахнет по нервной системе, и будет весна.

• • • • •

Цикорий, клевер, лебеда,
Тугие тромбы кровохлёбки...
Ты разбираешь без труда
Цветного лета заголовки.

Ложись в траву, пусть муравей
Переползает Гулливера.
Дыши, смотри - и стань живей,
Насколько хватит глазомера.

Даниил ПОЛТОРАЦКИЙ ►

▼ НЕ ДОЖДЕТЕСЬ ПРО ЛЮБОВЬ (подборка стихов)

ГОРОДУ РУБЦОВСКУ

Круглосуточный ларек, в котором торгуют спиртным,
В далеком провинциальном городке, где две колонии строгого режима,
Где строчка из песни "Умереть молодым",
Сбывается чаще, чем вы пьете сок прямого отжима.
Киоск - источник света, в эту полночь единственный,
В полночь, в которую не слышен курантов бой.
Снег, ослепительно серый, убийственный,
На стыке Ленина и Трудовой.
А в киоске, где в углу обогреватель дешевый нежится,
Без вопросов о жизни, без суждений про бога,
Женщина из семьи вынужденных беженцев,
Потеет пальцами на кнопке "Тревога".
Железный вагончик, укутанный прутьями тяжелыми,
Для защиты от перегара и мата, что в сумерках бродят,
От мира внешнего рубеж обороны,
От безымянного Димы или Володи,
Которые не такие красивые, как те, на экране,
Но тоже имеют свой взгляд на внешнюю политику.
И их стратегический интерес - должен быть в стакане,
А не в проклятом ларьке, на второй полке, между солью и бисквитиками.
И эта несправедливость периодически
Выливается в вооруженное столкновение,
Звон стекла, руки немытые, быстрые, дикие,
Тянутся ко второй полке, рассыпая соль по бумажкам с ценниками.
Ну а рука продавщицы, от страха скрюченная,
Жмет, давит на кнопку, давит отчаянно.
"Руки на стол, блядь, ебаное чучело!
А то щас получишь кулаком по чайнику"...

А в морозной темноте, через три улицы и один магазин,
Где каждую ночь минус тридцать и почти военное положение,
В милицейском заглохшем "бобике" плещется хуевый бензин,
Разбавленный начальником отдела снабжения.
И где-то, у выпотрошенной кассы,
Силуэт женщины в осколках, ветром сносимый,
Раскачивается и не слышит: "База, база!...
Заглохли... Ну конечно, опять бензин".

• • • • •

Я завидую поэтам,
Что вокруг.
Пишет вот один про лето,
Про подруг.
У красивой поэтессы
Нос курнос.
У нее любовь к Одессе

И понос.
Я же не могу про небо,
Про цветы,
Не могу про самолеты
И мосты.
Белый снег уж не кружится
Нихуя.
И толпа ревя, глумится,
Фанатья.
Крики, лозунги, проклятья:
"Бей жидов!"
Ну и как писать мне, братья,
Про любовь?
Как писать про запах нежный
От тебя,
Когда на пустой Манежной
Пир зверья?
Не могу я про Одессу,
Бог с тобой.
Про любовь, задержки, стрессы -
Стиль не мой.
И пока в экстазе блядском
площадь - в кровь,
Не дождетесь в Полторацком
Про любовь.

• • • • •

Homo sapiens - хуйня.

Красиво падает все, что нужно,
что металлическое и
больше тонны.
А мы, воздушные
люди-гондоны,
падаем хуево и очень натужно,
от суицида,
или от скуки,
или от избытка
голых тел.
И что, мы подлые алчные суки?
Да, мы теплые и противные суки,
размокшие,
как школьный мел.
Эволюция, естественные отборы,
Ну что, Эволюция, хуевый у тебя отбор,
Если из двух миллионов
Если их трех миллионов,
Если из всех миллионов - каждый второй уебок и вор,
Каждый третий любит унижение,
Каждый четвертый - уничтожение,
Эй, Эволюция Поражения,
Останови, застопкрань движение!
Ты заебала своею силою.
Видишь, сука, что ты получила?
Если бы вместо тебя были разные разумные "Боже" -
они были бы точно убийцы, уроды.

А так ты вроде как инструмент природы.
Накладываешь вид на вид, или сложишь.
Нет я понимаю, как не понять?
Проблем никаких, но получается, что же:
мне добровольно тут вымирать?
Говно твой отбор, если он отбирает чупа-чупсы
Дрянь естественность, если богатеет "Ford" или "Amway",
Говно твой отбор, если пули отбивают чечетку на тряпичных пупсах,
отобранных у нищих детей.

Нет твоего отбора, или он отобрал уродов?
С другой стороны, если ты природа,
И если мы тоже часть природы,
И если имеем право на праведный ор,
То значит, мы встанем против уродов,
Мы обязательно встанем против уродов,
И сделаем справедливый отбор.
В котором не будет лживого "сапиенс",
Какой, блядь, сапиенс, когда спивается нация?
Когда - ежедневная кастрация,
Когда для тебя - лишь мастурбация,
Через останкинскую длинную станцию
Массовую гонят "сапиенизацию".
А мне не нужен ваш "сапиенс" куцый,
Я открываю Эволюцию, которая дышит и слушает:

Новые homo - вприпрыжку по улицам,
Новые книги и новое кино.
Здравствуй же, милый homo revolution,
Здравствуй, победа над сапиенс-говном.

• • • • •

К событиям в Ливии.

Я не буду слушать про устройство будущего.
Хотя это вещь, безусловно, интересная.
Пусть этим развлекаются госслужащие,
Или те, кому есть сейчас место.
Я не люблю "будущего", как предмета дискуссии.
Будущее - это наши секунды текущие,
И если ты мне скажешь: "Давай все опустим,
И давай, Даня, поговорим про будущее",
Я, хоть и малость заинтригованный,
Отвечу так, подло и некрасиво:
Пока мы в цепи закованы,
Думать о будущем не наша прерогатива.
Все наши помыслы, все действия наши,
Пусть превратятся в огромную стачку,
Мы должны ждать, когда бесформенная людская каша
Превратится в стальные кусачки,
От которых звенья оков треснут,
И польются толпы на улицы орущие.
Вот, ребята, что мне интересно.
Ведь без этого не будет будущего.

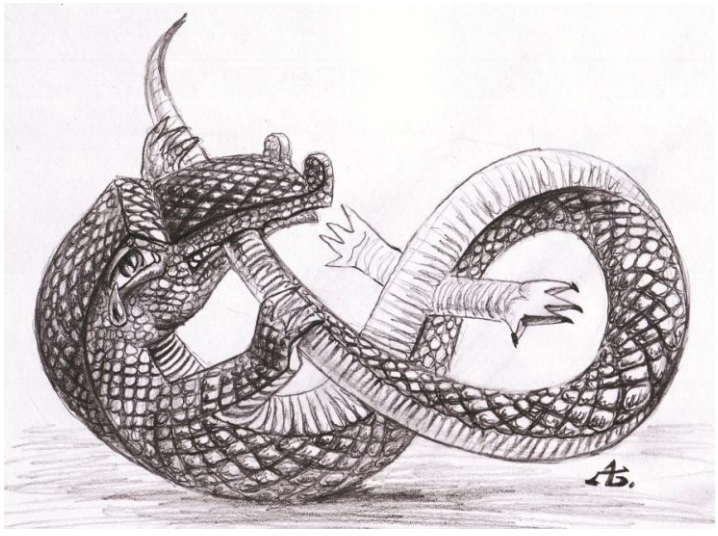
Все прекрасные достижения науки и всему, чему мы так рады,
Бесполезны рабу, как бесполезен "Форд" умирающему от жажды.
Я приведу пример: видел видеокадры,
Где "повстанцы", которые за рынок и за Саркози, бьют бывших сограждан.
Да не просто бьют, а берут ножи огромные,
И с криками рубят мертвому голову, словно он не человек, а вошь.
А потом играют ею в футбол, недемократической, оторванной,
Или отрубленной, там точно не разберешь.
И все это под тысячи светлячков-фонариков:
Телефон с видеозаписью у каждого, как магический шар,
Тысячи горящих маленьких кошмариков,
Выливающиеся в ослепительный огромный кошмар.
И, подсвечивая высокотехнологичными примочками
Липкую кровь, которая до сих пор пахнет, как в средневековом логове,
Толпы удаляются. А над ними - светящиеся миникамеры-точки,
Знаменующие победу высокой технологии.
И мы - в интернете, но мы также невежественны,
И мы - с мегапикселями, но как звери грубы.
Я скажу каждому слова не последней свежести,
Но самые актуальные: "Мы все рабы!"
Вокруг только бред про прогресс и модернизацию,
Вот чей-то символ веры ай-писком взвизгнул.
Пусть цепи стали -нано, тем крепче рабство.
Не будет справедливости, пока остаются капиталисты.
Не будет радости и понимания,
И у костров не будет смеха и песнопений.
А будет одна большая фашистская Германия,
Правда, в обложке из электронных нововведений.

Все это будет, слушай же, слушай!

Если мы только не вычистим уши,

Не кончим всем верить и бить баклуши

И этот порядок к чертям не разрушим.

НОВОСИБИРСКИЙ ОТРЯД

«Ликбез» представляет тебе, читатель, целую плеяду - ну, десантный отряд уж точно – талантливых новосибирских авторов. Стихи их, если захотят, скажут о себе сами, а вот краткие биографии, как говорится, для любителей статистики. Как видим, люди это все разные и по поэзоопыту, и просто по возрасту – да и по творческой манере – тем, собственно, и лучше!

Иван Полторацкий (1988). Один из основателей и участников театра звука «Открытие Порта». Редактор отдела художественной литературы новосибирского журнала «Трамвай».

Дмитрий Соколов (1976). Работает программистом в телекоммуникационной компании, а с конца 2010 года эпизодически выступает на поэтических мероприятиях Новосибирска.

Кристина Эбауэр. Видит во сне Шотландию и воспитывает собаку. Шорт-лист Илья-премии – 2007. Лонг-лист премии Неформат – 2009. Лонг-лист премии ЛитератуРРентген – 2010.

Антон Метельков (1984). Работает инженером связи на ТЭЦ. Ведет авторскую колонку в онлайн-журнале "Трамвай". Участник многих региональных поэзомероприятий. Кстати - мы публикуем разные метельковские стихи, но, в соответствии с авторской манерой, звездочками и как-либо вообще их не разделяем.

Татьяна Злыгостева. Окончила факультет журналистики, выпустила книгу стихов, печаталась там и сям.

Если тебе, читатель, показалось, что биографические данные о ребятах не отличаются роскошеством деталей, то знай: о **Сергее Джиме** и **Михаиле Моисееве** известно и того меньше! Собственно, ничего кроме стихов. А они – вот.

Татьяна ЗЛЫГОСТЕВА ►

▼ ПЕРСОНАЛЬНОЕ «НИКОГДА» (подборка стихов)

• • • • •

Как в новогоднем, елочном бреду,
В температуре включенной гирлянды -
Огонь, ангина, полыхают гланды,
И конфетти разбросано на льду.
А в хвойный рай мой, в тайный теплый дом,
Вглубь веток, где приют надежный скрыт,
Где шар стеклянный спит, а сам блестит,
Пойдем со мною? А? Пойдем со мной.

Я так в тебе сегодня, так в тебе,
Что хочется еще теплее чтобы -
В зеленый мрак игрушечной чащобы
По узенькой петляющей тропе.

От корки мандариновой и до
Вчерашнего шампанского остатков -
Нам будет хоть и приторно, но сладко,
Хоть муторно, но празднично зато.

Мне холодно, подай мое пальто,
Скажи мне слово доброе хотя бы.
Ты видишь - поднимается по трапу
Уставший день. И елочный, густой
Плывет туман по комнате закатной.
Побудь со мной, побудь еще со мной.

В температуре включенной гирлянды
Белеет шар, свеченьем налитой.

• • • • •

Снег спускается с верхнего этажа,
И абстрактное делается нелепым -
А такая была большая, вместительная душа,
Но вся сточилась в огрызок карандаша.
Тем не менее -
В новом часов ходу
Я желаю тебе всем сердцем, от бывших щедрот души
Быть постоянно настолько великолепным,
Чтобы сложные вещи, их контуры и места
Представлялись тебе простыми.
И еще - настоящего Рождества
И спокойного года,
сияющего
в пустыне.

• • • • •

Есть живая вода,
У этой воды - цвета:
Голубой и сиреневый,
Синий и золотистый.
И поет она, и насвистывает.
И навечно - в стадии становления.
Здесь потоки текут сомнения,
Здесь туда и обратно -
идет вода
и плывут по воде цвета.
Невозможно! Просто невероятно.

А у мертвой воды
Всегда тяжелы труды:
Что ни камень, то ни туды его, ни сюды,
Перельется гортанно на все лады,
А движенья в помине нету.
И кивают строгие анемоны,
В отраженьях купаясь палевых:
"Только вздохи для нас и стоны,
Только всполохов дальних зарево".

Я скажу, потянувшись за сигаретой,
Что ни той не хочу, ни этой:
Мне сегодня на сердце очень нехорошо -
Так, как будто бы Фродо до Мордора не дошел.

Тяжелы, тяжелы плоды.
Принеси мне другой воды.

• • • • •

По бескрайнему снежному полю,
По слепящей глаза белизне,
По холодной воде, по искрящимся плоскостям
Что-то вихрем несется,
Что-то летит, как ветер.
Что-то страшное и хорошее, что-то доброе и плохое.
И птица, сидящая на сосне,
Плачет по тем костям,
Что звенят под землей хрустально.

Не плачь хрустально, не пой так горько -
Обязательно кто-нибудь остается
В бескрайнем поле, на белом свете.
В холодной, снежной, беззвучной спальне -
Бывают гости, бывают дети,
Играют гости, играют дети
стеклянным шаром, хрустальным звоном,
таким непрочным, таким красивым.
Бывают птицы,
бывают вихри,
И все искрится,
И все кружится,

И все
сияет невыносимо.

• • • • •

Чем ты пахнешь, каким земляничным мылом?
И какая мама тебя молоком кормила,
Что ты вырос такой большой
и такой красивый?
такой красивый

Вот шум деепричастных оборотов
Участливо шипит из глыбы льда.
Бери тот лёд, неси его туда,
Где тёплое, где пахнет роза рта
Не только плотью - новой чистой нотой.
Так, холодея, грей свой трудный лёд,
Освобождай сверкающее слово.
Надейся (в предвкушении улова),
Что содержанье форму обретёт.

И что поёт, оттаявши, строка,
Напрягши свой ажурный позвоночник?
Что в сущности поэзия - подстрочник
С неведомого людям языка.
…

• • • • •

Поскольку мне внутри -- 15 лет,
Ни прошлого, ни будущего нет.
Есть наверху медовый этот шар,
И тело есть, и, кажется, душа.

И брызжет мёд, на искры исходясь,
И светотень вытачивает вещь,
И вещь приобретает свой объём.

Сурепки куст
рисует тенью вязь
На светлом,
слышишь -- вязь, она как речь
О важном, о возможном, ни о чём.

И сад -- не то чтоб сказочно хорош
(От входа до последнего листа),
Но я -- смотрю нетрезвыми глазами,
Как свет и тень струятся полосами,
И в сердце проникает красота --
Да так легко,
Как в масло входит нож.
….
Всё так трудно, красиво, нечаянно и светло.
Это правда, что боженька - за кустами.
Помолись-ка запёкшимися устами
За свое никчемушнее ремесло.
Сутью, сущностью, существом
(на крыльце, в калошах, в помятой майке)
Я сижу тут и слушаю голоса -
голос Матери (сыро, с земли), Отца -

голос колоса, голос голоса,
хлещут, блещут
косые полосы.

Эти звуки просвистывают насквозь -
будто в рёбрах хрустнуло - не срослось.
Будто ягод темнеет гроздь,
раскраснелися,
накалили_ся,
Сок кровавый алеет в них:
Отвернулись все, отженилися -
Шум древесный,
Ты мне - жених.
Вот и буду тебе невестой.
Вот и буду тобой цвести.
Дом наш станет - пустое место,
Раз уж так: до конца пути
Ничего с собою не донести.
И не будем, свет мой, хранить, копить -
Ни поесть чего, ни попить,
Ни того, что за денежки не купить,
Ни того, что присохло к сердцу.
Нашим деткам, и зернышкам, и росткам,
Станет воздух один наследством.

Говори им отчетливо, по складам:
"Что и-ме-ю, то вам от-дам".

….

● ● ● ● ●

И на всех фотографиях
у тебя такое радостное лицо.
Ты кушал вкусное,
видел разное,
пил крепленое,
был хорошим.
Я бы вышла
за какого-нибудь похожего.

Избирательность, вот что меня сгубило -
ведь на самом-то деле мало кого любила -
все женаты теперь на красивых женщинах,
злых и бодрых таких, что держатся, не стареют.

И сегодня я пью одна.

Мне не стыдно признаться -
чего там, одной набраться,
дегустируя собственную никчемность,
свое персональное "никогда".

Нет, не бывает ненужных женщин.
вот водки мало бывает,
да.

• • • • •

Мелкие вещи - сыпь на кожице бытия,
На младенческом бархате -
Зыбкая вязь потницы.
А сегодня мне кажется, что и я -
Вот такая же маленькая вещица,
Как подвеска, пуговица, монетка,
От комплекта оставшаяся сережка,
Яркий камушек, кукольная одежка,
Рюмка, блюдечко, тоненькая пипетка.
Эти вещи, что пользу приносят редко,
Но занозами колются в нежных складках,
Эти вещи растут на чудесных грядках,
И стеклянно блестят, и белеют фарфором тонким.
И чернеют зрачки у игрушечного котенка.

Бытие, бытие, до чего же оно избыточно!
До чего же стрАнны его забавы!
Нет, чтоб хлеба - на всю ораву! -
Цвет и форму - для каждой ниточки,
Нет, чтоб всех уберечь от немочи -
Мечет груды хрупчайшей мелочи!

Иван ПОЛТОРАЦКИЙ ►

▼ **КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕ ЛАЕТ** (подборка стихов)

• • • • •

с тихим детством наравне
осторожной жизни спутник
ходит по босой траве
незапамятной беспутной

ходит ходит обо мне
с хлебным полем в глубине

по колено в тишине
спутник жизни неприметной
наречной стоит волне
неустойчивой и смертной

приминая глину лета
принимая форму света

STONEFISH

Сначала девочка
лет шести
станет думать,
что я – кулон;
между колких ключиц
нести
вплоть до собственных
похорон.

После девочка.
Восемь лет.
Откопает меня в земле.
Только тронет за плавни-
чок –
вздрогну –
в небо плесну глаза
и булавкой кольнёт зрачок
осторожная бирюза.

Я привыкну
и вместе с ней
стану к осени
костеней.

Грудь у девочки
подрастёт,
раздвоится.
И я пойму,
что пора уходить
под лёд,
в омут – в комнату –
и во тьму.

Потому что окостенеть –
всё равно, что попасться в сеть.

И не нужно большого рвенья –
лист бумаги напополам.
Надо – рвётся цепочка.
Звенья
разбегаются по углам.

Вот и всё – ни следа, ни звона,
утекла, как вода со склона.

И не жди к рождеству гостинца,
но прислушивайся во сне:
каменной рыбке чуть меньше мизинца
хорошо на прохладном дне.

Re:

раз два три че ты
Re:
мы жи вём в пре
кра сном ми
Re:
то чка тире
точка ти
Re:
до ре
ми
Re:
каждый охотник же лает же

и же е си
фа соль ля си
на не бе си
спа си
спаси
я он о на о ни
со всем од ни
и со храни

в ре мя

по ми луй мя

в Re:
мя

ре ми

do re mi

save me

о на од на
и на
од ре

до ре
до Re:

япытаюсьжитьисбиваюсьсосчё та
сколькоможноещё
так

ПОСТОЯНСТВО

А порт открыт.
И вот - ко мне
приходят
и приходят корабли,
огромные, нагруженные светом.
Стоят в окне,
несут дары...
О аисты, о рыбы, журавли!
Мне всё больнее с каждым летом
смотреть на Вас,
смиряться и смотреть
как режете, безбрежные, пространство;
сквозь лёд и дым,
сквозь нас и смерть
несёте имя,
соль, и постоянство.
О равноденствие, о время, тишина!
О равнодействие судьбы и человека.
Душа сама собой предрешна
и вот -
нисходит невесомый некто
по трапам к солнцу выброшенных рук,
по кровным тропам, по песку июня...
и слышится гудящий низкий звук
пчелы, воскресшей от дождя и поцелуя.

А дети, притворившись ковылём,
шумят в эфире, в солнечой листве:
- Смотрите: человечек с кораблём,
с огромным кораблём
на голове!
Идёт, глаза закрытые, мечтает
и мачт заоблачных почти не замечает!

Апорт открыт.
И в комнате, как в яблоке, светло.
Вокруг такие корабли и лица!
И всё, что было, ведало, вело
не повторяется,
а длится...
/И девушки поют :
"мне повезло"/
не повторяется а длится
не повторяется а длится
не повторяется
а длится

НЕКОТОРЫЕ КНИГИ

Некоторые книги открываются как глаза.
Жизнь заканчивается внеза…
Внезапной жизнью
в другом переплёте.
В чёрной коже без тела – жизнь.
Шелестишь страницами,
думаешь о перелёте
вдаль – за облачные стеллажи.

Это свойственно человеку –
верить в райскую библиотеку,
верить в адскую бибилиотеку,
в Александрию ходить как в Мекку;
верить истово, верить чисто
в лавку старого букиниста.
Или просто – во избежание –
верить в собственное содержание.
Знакомое, к сожалению,
только по одному оглавлению.

Некоторые книги никогда не отводят взгляд.
Веки у них воспаляются, страницы у них болят.
А слово – та же самая стрекоза,
у слова – фасеточные глаза,
ухвати его за крыло – трепещет.
Бьёт, потрескивая, по пальцам
сегментарным тугим хвостом.
Человек как бумага – плавится.
Комната вздрогнет и сбросит вещи.
Осенью книги желтеют листом.

Да, впрочем дело не о том.
Просто книги пишут книги,
а люди делают людей.
И если,
люди пишут книги,
а книги делают людей,
в итоге
Получаются не то чтобы книги,
И не то чтобы люди.

Жизнь движется и не за..
Некоторые книги закрываются как глаза.

Антон МЕТЕЛЬКОВ ►

▼ ПУЛЯ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (подборка стихов)

горячая вода была холодной
наташина беда была володиной

позабытый охотником зверь
собирает слезки в кармашек
трется шерстью о палое дерево –
проверяет себя на плюшевость
теребит циферблаты ромашек
старит время и строит терем
и стреляется – как умеет

чтобы припасть к груди мироздания
я мастерю табурет
шмейхель небесный кружится над данией
он же бажах таурег
чтобы испить огненных соков
я обглодаю свой рот
медленно движется к станции сокол
меланхолический крот
да заструится яблочным медом
пот по моим пятам
фенхель волшебный живет за комодом
впрочем живет он не там
выключат свет и дни навернутся
на языка острие
шмейхель и фенхель и крот соберутся
каждый возьмет свое

Господи, дай мне бога
чтоб бесправного как гроза
чтоб бескрайнего как стрекоза
чтоб колючего как глазницы
чтоб живучего как гробницы

даль пылала и плыла
два мешка как два крыла
притяжение печей
грело кожу меж плечей
ливень яблонь мой кистень
на кресте как на крыльце
тонет в луже божий день
солнце спряталось в яйце
как христос за пазухой
ты в любви заблудишься
ты в словах измажешься
ты в поту утопишься

плакал рембенок вдали
эхо стихало как мяч
всхлипывали угли
тонущих в будущем мачт
слезы впадали в катунь

рвался картон облаков
взоры взрывали летунь
встречной картечью зрачков
днем ночевала луна
жизнью обедала смерть
путь ото сна и до дна
выплавит золото в медь

сердце наносит
удар за ударом
вода точит камень
и он режет воду
и кровь узкой змейкой
быстрее жизни
и мимо течений
жалеет ручей
за то, что
свобода - слово
а не воробей
свобода - обод
ячейка памяти
сгусток икзиста
лимфоузел на шее
мешок с картошкой
чихал раскатисто
каре картишек
рвало рубаху чтоб
ты гнула на прочность лекала
а мной подавилась могила

ночь приходит но приносит
сон и осень семь и озимь
время время подари мне
ты ли вывернуло ливни
те ли пели твой куплет
у которых лишек лет
боже боже вот те крест
он от сырости курчав
из него не выйдет треск
щепкой щепкою трещав
прокричит аминь и ра
с перекладины петух
дети время умирать
между вами весть и дух

мы пришли к тебе с превером
рассказать про боль и веру
было нечего сказать
оставались осязать
сдан в багаж наш теплый стаж
наш париж и наш сашбаш
лист хоронил как заплата
дырку на сердце солдата
от смерти не умирают
заметил голкипер рая
от смерти мерещатся черти
но вы им не верьте, не верьте
но верьте обманчивым слухам

что бродят меж бровью и ухом
и тихо крадутся губами
и тихо кладутся на память

царствие небесное
мера мер
растирай над бездною
сыр ламбер
чтоб оскалившись зубчиком
чеснока
в пугачевском тулупчике
ускакать
перекатывать вверенный
уголек за щекой
и форсировать берингов
неуемный покой

пуля замедленного действия
в поле неявной правоты
вот и гордись до пенсии
что ты – по-прежнему ты
вот и считай считалочки
как вышел иванушка погулять
как барабан без палочки
как молоко по углям
так исчезали милые
столбиком стебельком
белками семимильными
налитым кровью белком

Жила на свете одна маленькая девочка.
И была у нее одна маленькая справочка.
В справочке говорилось, что одна рука у нее – левочка.
В справочке говорилось также, что другая рука у нее – правочка.
Каждая рука у нее имела по пять кончиков.
Кончики эти у нее назывались пальчиками.
Пальчиками девочка тянулась к тарелке – ухватить побольше пончиков.
Пончиками девочка делилась с другими девочками и мальчиками.
Один мальчик подарил ей в ответ свою рогатку.
Другой принес ей книжку. Правда, без картинок.
В книжке девочка прочитала такую загадку:
Сколько, мол, сороконожке требуется пар ботинок?
Тогда решила девочка отдать сороконожке свой тапочек.
Сороконожка устроила в нем себе дом – с коровой и даже с амбаром.
А девочка прыгает на одной ноге между мамочкой и между папочкой.
А зовут эту девочку – Метелькова Варвара.

Михаил МОИСЕЕВ ►

▼ ТЫ ПРОИСХОДИШЬ ИЗ ЗЕРНА (подборка стихов)

• • • • •

Уже на улицу выводит самокат
Мальчишка разгоняется колеса
Крутятся под ними асфальт
Поребрики газоны одуванчик
Боярышник рябина две ранетки
Гараж железный глупая соседка
Кричит плюется и трясет авоськой
Бессонный дворник грустный
Дядя Гриша пятиэтажка крыша
Ленин с кепкой вся улица из-под
Колес несется с ней очередь
У желтой бочки с квасом
Пластмассовый ковбой
Стреляет в небо
Я забываю забываю забываю
Беги клубок веди меня не мешкай
Я не вернусь но я хочу вернуться
Мне верит одинокая фигурка
И пух сгоревший
Клена вертолетик
Я с ним кружусь
Я кислый вкус ранетки
Я газировка я футбол я прятки
Я ножичек с ладони я обложка
Тетрадная с таблицей умножения
Я книжка «До 16 и старше»
Я Электроник Рэсси Сыроежкин
Мы трубачи мы разбудили город
Возьми банджо сыграй мне на прощанье.

• • • • •

На смерть отца

Унеси меня ветер тихий
Мой единственный мой высокий
Над страной над морем над полем
Над горами над лесом над домом
Над лицом её опустевшим
Над руками его уставшими
Над причалом и над вершиной
Над печалью над взглядом горьким
Над ненужной весёлой книгой
Над вечерним крепчайшим чаем
Над домашним вином счастливым
Над плохим его барабаном
Барабанщиком счастья богом
Над тобой над лучом над сердцем
Не согреешь не улыбнёшься
Не обнимешь с надеждой робкой

И взрывается жизнь-ракета
Над Капустиным дальним Яром
Нас разносит за все пределы
****
Покажи сто Больших Медведиц
И найди дорогу обратно.

• • • • •

Ты происходишь из зерна
Мышь не успела его унести
Может быть её напугал шорох двери
Может луч солнца пролетевший
Ещё в щель на самом краю рамы
Ты происходишь из зерна
Мельник закинул его
С миллионом других
Под жернов многопудовый
Ты происходишь из реки
Крутящей колесо
То вверх поднимающей
Не задеть бы небесной тверди
То вниз опускающей
Не вытащить бы стаю
Голубовато-серебряных рыб
Ты происходишь из песен
Дочери мельника
Даже из кричащих рвущихся
Над деревьями ворон
Мира со всех сторон
Шепчут мне все вокруг
Из любви из любви
Происходит она
Я же говорю
Из зерна.

• • • • •

Узнаёшь поэтов, когда они умирают.
Узнаёшь поэтов, когда они замирают.
Нет, немного ещё посидят на ветке,
Почирикают, поглазеют, поиграют.
А потом улетят. Ну а ты получай свои
Отметки, ты ищи свои ключи от рая.
Будет берег с волной нарастающей
С каждым часом,
(пробегаю)
Будут вынутые из воды тела-деревья,
Видно, листья на дне остались,
(пробегаю)
Будет колесо велосипеда катиться
Мимо солнца,
(пробегаю)
Мимо песка, мимо пьющего
Нашу радость шмеля,

(пробегаю)
За его гудением возникают
Слова отдалённо, я их узнаю.
Я узнаю, тогда разложу на полках
Среди
Всех моих иллюзий.
(пробегаю)

• • • • •

Мы решили, что всё будет хорошо,
Когда спали на берегу Средиземного моря,
Там, где он ходил вдоль и поперёк
Галилейской сухой земли.
Мы же слышали, как шумят тихие и скромные
Волны, и мы засыпали.

Мы решили, что всё будет хорошо,
Когда спустились с вершины Поднебесного Зуба,
Вокруг нас лилась, стояла, шумела
Вода, а мы закрылись от неё
Тонким куском ткани, глотнули по крышечке коньяка
И уснули почти без разговоров.

Мы решили, что всё будет хорошо,
Когда провожали в аэропорту Толмачёво,
(Какое непереводимое название!),
Тогда я впервые плакал не зря.
Самолёты, как теперь кажется, улетали тихо,
А мы засыпали.

Я снова думаю, что всё будет хорошо,
Ведь кто-то сказал, что у хороших людей
Всё будет хорошо, об этом говорят - эти листья,
Которых ещё нет, эта трава, которая
Точно будет, эти имена моих друзей,
Которые всегда есть.

• • • • •

Это ветер создает море
Даже если оно не великое
И почти не замечено на карте
По нему не плывут фрегаты
Или каравеллы я не знаю
Чем они отличаются

Это ветер создает берег
Даже если на нем нет крепости
Генуэзской или тюрьмы для графа
Монте-Кристо не стреляют пушки
Отмечая солнечный полдень
Здесь сто лет не было солнца

Это ветер создает небо
Даже если оно совсем маленькое

И на нем нет места ни для Маленького
Принца ни для его Розы и тем более
Баобаба и очень легко запомнить
Все созвездия так их мало

Это ветер создает веточку
Облепихи совсем маленькую
И эта веточка превращает море
В Море берег в Берег небо в Небо,
Впервые за сто лет появляется солнце
Улыбается Маленький Принц даже
Ему не сосчитать теперь звезд
Потому что эта веточка оказалась
В твоих руках.

Сергей Джим ►

▼ НЕТ ЛЮДЕЙ (подборка стихов)

• • • • •

Ну здравствуй, что смотришь пытливо? сентябрь стирает лица
Дождем по стеклу он водит, а нам ведь нужен лишь повод
За три тысячи километров ни рук протянуть, ни... спиться
Всегда успеем, мой ангел, я знаю, осталось недолго.

Недолго осталось, право - прожить эти смутные ночи,
Плести эти дымные речи, всё валить в одну кучу
И что-то желтеет в стакане - коньяк или чай? А впрочем
какое нам дело, ты помнишь? - за нас тут решает случай

Кому и где подчиняться, ложиться с кем, расставаться
Жидкий рассвет раскроет холодные нам объятья
Я помню лишь дрожь дороги, тебе уж давно за двадцать
Мой ангел, мы оба живы, не то что сестры и братья

Но только царапает сердце, когда облетают листья
Я знаю одно - из детства - и ты это тоже знай
Когда приходит зима своею походкой лисьей
Все коты открывают дверь в лето, помни,
Все псы попадают в рай

• • • • •

Вернувшись домой
В одинокой комнате
Тщетно перебираешь руками ты
Наследие лжи

ПРО ВРЕМЕНА

просветы в линиях морозных отдают теплом
мы встретим тех кого поймем не очень скоро
не проведем в молитвах слезных ночь. кругом
распятые огни - от площади и до заборов

размыты контуры границ и правила уже не те
не те, что раньше ордена и кавалеры
их проглотили времена и ускакали на коне
туда где только стремена и револьверы

объемный гул стоит кругом проснулись крысы за окном
и правят бал сейчас фанатики, без меры
им опускают все грехи, седые пишут старики
стихи
и смысла нет и нет в народах веры...

• • • • •

Ты же рисуешь это
Вот это - привет, - Здрасте
Не пишешь:
Какое лето...
Оно выступает под пальцами
Оно колотится в двери
где-то
опускает глаза пропащие.
А я все сижу,
любуюсь:
- Вам чай потемней, послаще?
- Я без сахара пью, спасибо
И тонкое что-то рвётся
Что-о? Как ты можешь?
Блядь же!

...А я танцую в ладонях у бога
Я люблю этот мир безумно.

• • • • •

Полуослепший мальчик -
Тебе ли спорить с судьбой?
Тебе ли брать преграды...

• • • • •

В пальцах, между сном и светом,
между криком и закрытыми дверями…
Таится музыка.

Ни О ЧёМ

Эти списки как излишки замурованные в вечность
Не укроешься под солнцем - будешь падать в бесконечность
Будешь плавать между строчек, так как не поставил точек
И еще наивно верить в то, что можно быть беспечным

А подхватят и утащат закордонные герои
Будут бить тебя о стену, головой - да все об стену
Будут требовать вчерашний, день наверное вчерашний
И смеяться станут громко, истерично над попыткой

Над попыткой сплавить пытки на кого-нибудь другого
На скинхеда вон в подъезде или вон на панка с ранцем
Посмеются и прикрутят руки тонкие к перилам
И разрежут щеки бритвой, яйца может быть отрежут

Так пылай, ползи под солнцем утыкаясь как в ладони
В лужи, шины, переулки и возможно - чьи-то спины
Они просто будут рядом хоть и вряд ли обогреют
Они просто будут рядом, так же как и день вчерашний...
...
измениться не пытаясь

ДОЖДЬ

Кап. Кап. Тихонько так.
С листа - на землю
(глухое ворчанье собак)
Здесь идет дождь. Тут
среди заборов, берез, штабелей
и складов нет людей.
Совсем нет людей
И если забраться на крышу, то
Увидишь дорогу и грязь (не проедет никто,
даже трактор) и молчание давит на плечи
Вся моя родина давит на плечи
Мокрая, влажно дышит в лицо
я помечен дыханием.
Уловивший его живет вечно
Средь берез, тополей и пожухлой травы
Средь асфальтовых пятен и многоэтажек
А сценарий один - его время покажет
Только я не боюсь.
Ни свинца. Ни пустой синевы.

• • • • •

А душа все мечется между Богом и плотью... эх!, поставить бы на кон, ведь не перемолоть ей эти ночи и дни, слипшиеся в посеревший ком не спрашивай: по ком звонит колокол? По ком... От имен до знамен велико ль расстоянье? - да с треть примерно того, что между "думать-делать-гореть" от сумы до тюрьмы - вот и Вера вся, а Надежда, Любовь обходили мой дом стороной выгибая презрительно бровь. Словно знали... обиды на них не держу, не вымаливаю прощенье, за знаменьями не слежу, разговоры веду вечерами, завел вот себе кота
он всё ластится, лезет в ноги, животина, блин, простота...

• • • • •

Пара фраз, оставшихся в наследство
От сияющего, кажется, детства
А теперь пустота
А сейчас тускло так
Бах – и нет от этого средства

Жутко тебе – мишутка?
Хорошо пошутили?
Ведь прекрасная шутка!
И ты лучше всех знаешь
Кто виноват тут
Но ходишь, слова собираешь
тянешь время,
рычишь вот вторые сутки
А зима клонит в спячку…
Усни.

ПЕЧАЛЬ

Доски замшелые
Коричневая вода
Ищу горизонт

…
Там как будто сидит
Соколом в ночи
Необъятная кручина
И молчит.

Дмитрий СОКОЛОВ ►

▼ **ДАЛЬШЕ ОТ ПЛАМЕНИ** (подборка стихов)

• • • • •

Попутный штиль, неси меня, неси,
Бросай скорлупку в шатком равновесьи
Хоть поперек, хоть вдоль земной оси,
Не уноси лишь от оси небесной.

Играй, мой друг, играй - придет пора,
Когда ни нот, ни сверстников, ни правил.
Верти скорлупку, штиль, пока ветра
Не разбросали нас по всей октаве.

Играй пока. Когда не станет нот,
И на просторе ветру станет тесно,
Кто знает, друг, куда нас унесет...
Не унесло бы от оси небесной.

• • • • •

Вслушайся в залихватскую
Песенку трясогузкину,
Что в переводе с датского,
Или, скорей, зулусского

Значит, что жизнь наладится,
Значит, что жизнь устроится,
Значит, что сеткой-рабицей
Отгородясь, укроется

От всевозможных трудностей
И от ненужных тонкостей,
Выставив без премудростей
Ветру навстречу лопасти

Мельницы Дон-Кихотовой,
Бросив мирок надуманный,
В вечер, где чей-то сотовый
Хрипло играет Шумана.

• • • • •

Дальше от пламени, ближе к полуночи,
Жить ожиданием, сплетничать, умничать,
Выйти из образа, стать настоящими,
Сыпать одними цитатами, к вящему
Их прославлению и затиранию,
Не соглашаться со сказанным ранее;
Нервными строчками, нитками белыми...
Что говорили мы? Что же мы делали?
Что наболтали мы? Как же мы... Что же мы...
Истина с ложью - такие похожие,
Не заблудиться бы, не потеряться бы,
Не затвориться бы старообрядцами,
Не оказаться бы ближе к полуночи
Вновь в одиночестве осени сумрачной.

• • • • •

Телефонные линии заняты, как ни крути,
Только с летними ливнями встречусь я после пяти,
И метро опрометчиво пустит меня погостить;
Мне рассказывать нечего, впрочем, могу наплести
Про туман над Катунью, про питерский легкий гранит,
Про вокзалов безумье, про то, как молчанье хранит
Вековечная Азия... Только прощаться пора,
Пусть в словах недосказанных бьются тугие ветра,
В набегающих сумерках бродят по улицам вдоль
Неизвестные, в сумме дающие все-таки ноль.
Ветер в городе северный, значит, не врет календарь,
Значит, ливни июльские сменит осенняя хмарь,
Значит, время - вперед, значит, поздно бросать якоря...
Я встречаю восход золотого, как мир, сентября.

• • • • •

Города-паруса. Каждый верен своим сентябрям,
И доступен ветрам, и стремится куда-то без цели,
И каналья-канал совершенно по-невски упрям,
И распахнуто устье в лагуну в обход Сан-Микеле.

Города-сентябри. Опадает листвой календарь.
Колокольнями тянется вверх облетевшее время.
Выбирай себе колокол. Только в какой ни ударь -
Растворишься со всеми в одной много-эховой теме.

Здесь у времени нет адресов. И какая нужда -
В этот город тебе никогда и никто не напишет.
В этом городе некого ждать. Слышишь: некого ждать.
Лабиринты мостов, колокольни, и крыши, и крыши.

Догорающий день, как костер, чуть заметно горчит.
Остаешься опять перед выбором: вещь или вече,
Или вечность. Спускается вечер, дробятся лучи,
И распахнуто небо, ладонями - сердцу навстречу.

• • • • •

А зима будет долгой, и пылью снежной
Вековые страницы затянет к ночи.
Карандаш на полях - то ли ветер свежий,
То ли волчьего следа неровный почерк.

А страна будет дальней. Ни звезд, ни вербы,
И пропахнут полынью снега и тучи.
Полыньей разольется чужое небо,
А свое - затерялось среди излучин.

Неотступно смеркается. Пусто, глухо.
По ромейскому времени - час девятый.
Безучастное время - как волчье ухо,
Но еще не погас огонек заката,

Он еще не затянут судьбой ненастной;
Безответное "Верю" в лучах ответных.
Заслезится от ветра, и станет ясно,
Что весна будет светлой. Будет светлой.

• • • • •

Когда-нибудь, узнав наверняка,
(Ну что за слово, нет, ну что за слово!)
Я вряд ли стану созерцать основы,
Как в море, окунувшись в облака.

А соль морей тем временем горька,
А синева - чиста, но бестолкова,
И сладок сон дыхания морского,
И кружит ветер письмена песка.

Песок течет, и каждая строка
Меняет этот мир, беспечно-новый.
И не понять семействам мотыльковым,
На что способны крылья мотылька.

• • • • •

Вот стоишь, и раскинешь руки,
И дождинками на тебя
Сыплет время слова и звуки,
И секунды кружат, трубят.

И стоишь - а печать шестая,
Предпоследняя - хватит всем,
Вечность юная прорастает
Теплым клевером по росе

Золотистые косы лета
Упадут невзначай с плеча.
Тонет время в своих рассветах,
И копыта стучат, стучат.

Сохнет клевер, пасутся кони,
Вороные, земные, но
Ты стоишь, и течет в ладони
Юной вечности свет дневной.

• • • • •

Берегите себя. В этом небе опасно летать.
Продувает насквозь. В этом небе не то что синице -
Даже голубю из разлинованной школьной страницы
Будет страшно хотеться забраться обратно в тетрадь.

Берегите себя. От не сказанных вовремя слов,
От синицы в руках, от потерь журавлиного клина.
Стоит раз посмотреть на себя с высоты журавлиной -
Не поможет вернуться уже ни крыло, ни весло.

Берегите себя. В этот мир зачастили ветра.
На воздушных путях то и дело сбиваются с курса.
Навигация в сферах небес - непростое искусство,
И конечный маршрут мимолетен, как росчерк пера.

Продувает насквозь. Если верить ветрам, не ведет
Этот путь ни к каким островам, только выше и выше.
Только море внизу, только степь, только горы и крыши.
Берегите себя. Забывайте себя.
И вперед

Кристина ЭБАУЭР ▶

▼ **НЕПЕЧАТНОЕ** (подборка стихов)

НЕ

тебе. нет, Вам. да к черту. никому.
сегодня. выворачивая гланды.
не девочка из хипповских коммун.
не мальчику с гитарой. ну и ладно.
крестовые походы – ерунда.
мыслители, каратели – да ну их.
я слишком часто говорила «да»,
чтоб думать, что оно тебя волнует.
я не пишу письмо. я рву слова.
моя болезнь давно идет на убыль.
я не права, конечно, не права,
но поцелуй бывает только в губы.
нет-нет, не боль, не горечь, не печаль.
не умерла, а вовремя застыла.
и я опять смогу не закричать,
когда любовь мне выстрелит в затылок.
не слушай никого. сегодня ночь
как ночь, без ярких звезд и аномалий.
ни холодно, ни жарко, ни темно
и ни светло. а как-то так. нормально.
планеты, не слетевшие с орбит,
не замедляют круговых движений.
осталось захотеть тебя любить
и перестать пугаться отражений.
я вышиваю буквы на вещах,
чтоб не забыть двухзначные пароли.
пообещай, что будешь навещать,
когда меня накроет и закроют.
я доверяю лишь карандашу,
он доказал как ненадежна честность.
но я боюсь, тебя не удержу,
или сама когда-нибудь исчезну.

я просыпаюсь, ем и снова сплю
с башкою полной буквосочетаний.
и я могу сто раз вписать «люблю»
в любую строчку.
ты не прочитаешь.
и не узнаешь что, когда темно
из этих слов бумажно-карандашных
я говорю тебе всего одно…
почти беззвучно.
потому что страшно

НАВЬ

Мой дом давно закрыт и обезбожен…
и только звук немыслимый, как космос,
не выветрить…он даже не подкожный –
подкостный.

Он не дается в мысли или в руки,
он не сбавляет скорости и мощи.
Его обходят остальные звуки
на ощупь.

В нем слышится негромкий голос мамин
и дождь идет размашисто по плитам.
В нем никогда не сказанные нами
молитвы.

И будет шторм. Все вымоет до белых
рубцов на коже, до основ основы,
оставив звук…
старинных колыбельных
и слова.

Б.н.

какими Голиафами я зачат – такой большой и такой ненужный? (с)

Видишь, как неестественно и неправильно
время стоит на месте, вплетаясь в кружево
глупых вопросов:
– Чья ты такая?
– Мамина.
Папина, дядина, в общем, совсем ненужная.

Девочка-перевертыш. Самой-то верится
в то, что болты завинчены, все закончено,
в то, что однажды снова увидишь мельницу,
домик, полянку, синие колокольчики?

Косы не чесаны, личико не накрашено,
руки в карманах курточки апельсиновой,
вздернутый носик.
– Чья ты такая?
– Сашина.
Пашина, Петина, в общем, как все, бессильная.

Пальчики словно двадцать стеклянных палочек,
кажется — прикоснешься и все сломаются,
будет играть не в ноту, ходить вразвалочку.
– Чья ты такая?
– Вам-то какая разница?

Чертова кукла, выветрена и брошена,
выплакана из сна своего глубокого.
Девочка-одуванчик без слов о прошлом и
будущем.

– Значит, чья ты такая?
– Богова.

НЕПЕЧАТНОЕ

не бывает похмелья, бывает нехватка воды
и нехватка тебя, и нехватка во мне обертонов
прогоревшие звезды, удары коленом под дых
и в прокуренных легких какая-то леность и томность
пересчет преступлений, подсчеты бес/смертных грехов
я впадаю в тебя, как впадала вчера в эйфорию
я не буду хорошей и точно не буду плохой,
я останусь ребенком, которым меня сотворили

не бывает болезней, бывает зацикленность снов,
завихренья на почве любви или схожих волнений
я могу рассказать обо всем очень грамотно, но
непечатные фразы, всю ночь прорастая во мне, не
объяснят окружающим вечности и пустоты,
что рождается, стоит к руке прикоснуться рукою
я мечтаю сломаться, оглохнуть, забыться, простыть,
переспать, пережить или выдумать что-то другое

не бывает стихов, но бывают мечты и слова
и моя голова, вне которой они расплодились
и я в тысячный раз прокричу, что была не права,
если в этом осталась какая-то необходимость
и я в тысячный раз попрошу приобнять перед сном
и простить все, что будет не сказано вовремя. возле
твоих губ я отчетливо вижу и знаю одно –
не бывает удушья, бывает исчезнувший воздух

ПРОЗА

На нынешнем прозаическом ландшафте «Ликбеза» произрастает дуб в виде большого количества очередных глав из романа Михаила Гундарина о 1987 годе «Говорит Галилей». Читатели, возможно, осилившие предыдущую порцию (в прошлом бумажном «Ликбезе»), станут свидетелями многого из жизни заглавного героя - например, его поцелуя с мужчиной, да еще и доцентом. Будет описана и его внешность – каковая, возможно, многих удивит!

Вокруг этого дуба произрастают молодые симпатичные деревца. Это Константин Гришин, дебютирующий в прозаической рубрике, поднявшись, так сказать, из младшей лиги – отдела культуры-мультуры. В его рассказах идет речь о вечных темах отечественной словесности – безумии, творчестве, а также инопланетянах и роботах.

Александра Вайс, наоборот, рассказывает жизнеутверждающую историю о том, как встреча с незнакомцем-пролетарием способна истребить в женском сердце все следы былой любви к интеллектуалу. Так и бывает в жизни!

В общем, все в лес!

Александра ВАЙС ►

▼ ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН (рассказ)

«За всё в жизни надо платить» – так говорила её мама. Он же всегда утверждал обратное. Говорил, что никаких причинно-следственных связей попросту не существует, и она ему поверила. Поверила, но ненадолго – жизнь, как всегда упорно, вносила свои корректировки.

Они познакомились на открытии художественного салона. Она – молодая богемная поэтесса, он – известный тележурналист. Он уже не раз слышал о ней, а её просто покорила его осведомлённость. К тому же, у них уже как-то сорвалась встреча: она была приглашена на его передачу, но не пришла. Вместо этого она отправилась с подругой совершать прыжок с парашютом, чтобы выйти из порядком затянувшейся депрессии. Прыжок тот, кстати сказать, закончился вывихом лодыжки, а депрессия только усилилась.

И вот, наконец, они вместе пьют шампанское и упражняются в остроумии. Выставка не нравилась обоим, впрочем, как и собравшаяся публика. Он сказал, что с этим срочно нужно что-то делать, и она предложила сделать ноги.

Уже через четверть часа они были в отличном ресторане, и он заявил:

- Даже и не знаю, что было хуже: дешёвое шампанское или дешёвые людишки, которые, видимо по недоразумению, возомнили себя арт-критиками!

Эта самоуверенность, граничащая с хамством, очаровала её ещё больше. Теперь они всегда были вместе: и на конференциях, и на банкетах. Она даже прибегала к нему на работу во время обеда, и они вместе отправлялись в кафе. Он ругался с телеэкранов их провинциального городка, она писала всякую романтическую чушь «в стол». Он никогда ничего не требовал – она и так отдавала ему всю себя.

Через два года он уехал в Москву – что-то по работе. Обещал вернуться через неделю, но не вернулся. Вскоре пришло электронное письмо, что его взяли на новое место. Желал всего наилучшего. Вот так просто.

Казалось, мир рухнул. Сначала она даже не поверила, однако, поверить пришлось. Потянулись однообразные дни.

Она не написала больше ни строчки. Ни одной паршивой строчки. Осень была в разгаре, погода чудесная, но она все дни просиживала дома одна. Одна, а как иначе? За время, что они провели вместе, она буквально растворилась в нём. Все стихи были о любви, хотя она и знала, что писать о любви – приём запрещённый. Все мысли были о нём, на других людей ей не хватало ни времени, ни эмоций. Не раз она теперь вспоминала его слова о «дешёвых людях», конечно, он-то ей дался совсем не дёшево.

«Наверное, так чувствуют себя брошенные жёны», – думала она, выпивая очередную банку пива (ничего существеннее она просто не могла себе позволить). Она сутками просиживала в интернете, ища всё новую информацию о нём.

Как-то вечером она обнаружила новое письмо: какой-то Вася Иванов восхищался её стихами и хотел познакомиться лично. Внутри всё замерло – ну да, конечно, это он! Он боится, что она не станет читать его письмо, вот и подписался чужим именем. И имя-то не случайное – они всегда смеялись над такими именами. Конечно, он возвращается.

Он захотел встретиться, и она, не задумываясь, пригласила его к себе. Весь день прошёл в приготовлениях: собрать пивные банки, тут – вытереть пыль, там – подклеить отошедшую обоину. На себя поначалу смотреть не хотелось. Но, собрав волю в кулак, она посмотрела в зеркало – всё оказалось не так ужасно. Двадцать минут работы, и – вуаля – на неё теперь смотрела совсем другая девушка. И эта девушка улыбалась.

Было даже не важно, что он скажет, не важно, почему он вернулся. Они снова будут вместе, и это главное. Они вместе будут засыпать и просыпаться, вместе смотреть фильмы, вместе играть в покер, вместе глумиться над толпой. Она перестанет курить, потому что он этого не любит.

И вот раздался звонок домофона. Она открыла, не спрашивая – она решила вообще не задавать никаких вопросов. Теперь только так: ни слова упрёка, ни даже намёка на упрёк. Как бы там ни было, но он ни на минуту не должен пожалеть о своём возвращении. Она открыла дверь и побежала ещё раз убедить зеркало в своей безупречности.

- Надежда? – раздался низкий и немного скованный голос из прихожей. Это был не он. Странно, но вот сейчас, когда рушились все её ожидания, она больше всего боялась выглядеть глупо.

- Да, а Вы, наверное, Вася?

- На самом деле, меня зовут Андрей. Я взял с собой вина, Вы не против?

- Конечно, нет. Присаживайтесь. Может всё-таки перейдём на «ты»?

- Как скажешь.

Они распили бутылку вина. Выяснилось, что Андрею 32 года, и он работает слесарем. Нет, не дизайнером мебели, а слесарем.

- А у тебя хорошая квартира. Я всегда думал, что поэты живут более аскетично.

- Хорошая? Да что ты. Пролетарский райончик, – и тут она поймала себя на том, что говорит *его* словами. Что перед ней сейчас сидит один из этих самых «пролетариев», и он ей… нравится! И что важно – он не обиделся.

- Прости, Андрей, я несу чушь последнее время.

- И давно это с тобой? – он ухмыльнулся, но как-то по-доброму, не так, как это делал *он*.

- Да уж больше двух лет.

- И что, думаешь выходить из этого состояния?

- Кажется, уже начала.

Константин ГРИШИН ►

▼ ДВА РАССКАЗА

ВЕЩАЯ ПТИЦА

Ночью ребята варят чифи́р. Засыпая, Егор слушает рассказы о чужих судимостях, потом разгорается спор о том, кому идти за кипятком. Чёрный чай считается контрабандой. Где они его берут? И почему санитар даёт им кипятильник? Вопросы эти волнуют Егора, и он не спит, прислушивается к смеху и болтовне чифири́стов… Его не зовут пригубить из кружки, а Егор стесняется присоединиться к шумной компании.

В палату входит Лёша, бард восьмого отделения – Егор узнаёт хриплый, прокуренный голос. Лёша пишет песенки про психушку. Он любим врачами, санитарами и больными. «А я три месяца лежу в шестой палате, и вам пишу, друзья, у нас здесь всё в поряде…» Стихи нравятся Егору, и хочется встать, поговорить с Лёшей, но он ни разу не осмелился, пока лежит в восьмом. А наутро бард выйдет на волю. Он уже оттрубил свои три месяца.

Егор думает: «Почему я здесь?», и легко вспоминает подробности своего «закрытия». Директриса детского дома засекла его с фломастером у окна. Егор рисовал на стекле весёлые буквы – они складывались в слово «Nirvana». Директриса обозвала его уродом. Он, неожиданно для себя, пригвоздил её обидным словом на букву «б». Директриса ушла в кабинет звонить санитарам Соловьёвки.

Егор помнит, как медбратья вели его по больничному коридору – один впереди, другой сзади, чтобы он не убежал. Помнит допрос у врача… Егор, от нечего делать, записал его в тетрадку, подаренную батей в детском доме.

Егор удивляется своей неосторожности: он рассказал врачу много лишнего. Случай с директрисой – это мелочь. Егор ещё в детском доме заметил, что иногда у него голове начинается неторопливый разговор. Беседуют трое. Иногда они ссорятся, отдают Егору приказания, накануне просили нарисовать на стекле буквы, «чтобы всем было весело». А когда директриса кричала, голос назвал её матерным словом, и Егор машинально повторил.

Врачи обещают выписку к майским праздникам. Егор не верит. На его памяти вышел только спортсмен Толик. Завтра, может быть, выпишут Лёшу. Однопалатники Егора, злостные чифири́сты, вряд ли узнают волю... Худой, курносый Александр Васильевич страдает бессонницей. Тимофей, 120-килограммовый детина, писается по ночам. Денис Детко́в, однокашник, шарится по чужим тумбочкам. Он наорал на завуча и за это попал в Соловьёвку.

Днём Егор таскает склянки с раствором для капельниц – помогает персоналу. От лекарств его выворачивает наизнанку – хочется плеваться и кричать, но, слава богу, под капельницу его не положили ни разу. Дают оранжевые таблетки трижды в день. Жалко, кормят плохо… Детдом, больница – какая разница, если батя всё равно не заберёт его домой?

Тюрьма да больница,
Да вечный покой,
И вещая птица
Кричит за рекой.

Егор не помнит, чьи это строки. Может быть, Лёшины? Оранжевые таблетки сказываются – память работает плохо. А если вдуматься – зачем Егору память? Ведь батя всё равно к нему не придёт.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

1

«Лица кассирш казались Акишину неживыми. Делая покупки, он путал слова, заикался и забывал брать сдачу с жестяного блюдечка. Его мучили навязчивые представления: он воображал кассирш голыми и чувствовал особенную тоску: ему не нравились эти женщины. Он покупал хлеб и консервы, бубнил заученные фразы и уходил, думая о том, бреет ли продавщица ноги и лобок. Эти мысли казались Акишину чужими. Он видел не человека, а манекен; глаза, рот и волосы, а не лицо».

Эта запись сделана мной в дневнике четыре года назад. С Акишиным познакомился я в университете, в те полчаса, пока длится обеденный перерыв. Он расхаживал вдоль стены, увешанной фотографиями сотрудников отделения связей с общественностью, и страдальчески кривил рот. Мне показалось, что он ругается или декламирует стихи: по этажу разносился ровный гул.

Я допил кофе и огляделся: я был тогда застенчив, и не мог разговаривать со знаменитостями при посторонних. Слава Богу, коридор оказался пуст. Я подошел к Акишину и спросил, стилизуя речь под провинциального репортера:

– Константин Сергеевич, рольку репетируете?

Акишин пропустил мимо ушей иронию и сам перешел в наступление:

– Я – доверенное лицо мирового духа. Хотите, расскажу вам тайны мадридского двора?

Я сглотнул слюну и попросил его избегать штампов, клише, банальностей и расхожих цитат.

– Тогда слушайте: я уже полгода сплю по два-три часа в сутки. И когда мне хреново, я читаю этим стенам (он кивнул на фотографии сотрудников ОСО) – стихи Иосифа Александровича.

– А Вам хреново?

Акишин безразлично оглядел меня и бросил:

– Да.

– Готов поспорить, что из-за девушки… Вы орали сейчас верлибр «В этом городе, цвета окаменевшей водки».

– Не орал, а повторял. И не из-за девушки, а из-за б…и, – пояснил Акишин.

А затем развязно взял у меня диктофон, сардонически улыбнулся и нажал красную кнопку «Record».

2

Рассказ Леонида Акишина, поэта.

Сумбурный, нелитературный

Неделю назад ко мне пришла Ленка Угачёва и объявила, что ей негде жить. К парню ее приехала сестра – сдавать государственные экзамены, и дала ей пинка под зад. Короче, Лёня, приюти. А я эту Лену едва знаю. Но уже полтора года как я не разговаривал ни с одной девушкой, и, ясен пень, согласился. До меня тогда не доехало, что живу я не один… С моим соседом Ленка познакомилась позже. Спала она на моей кровати, я включал ей Гришковца и уходил на пары. Вечером видел – Лена скучает: сидит, скрестив руки, и качает ногой. Я звал ее на кухню, там слушал ее бесконечные рассказы и пил чай. А на седьмой день сошел с ума.

Я не догадывался, что вредно якшаться с девушкой, которая не умеет слушать. Я не знал, что буду бояться своего соседа и переживать, не завел ли он с ней шуры-муры. У меня просто-напросто снесло крышу. Я подумал: я снова живу с папой и мамой.

…Когда она съехала, я встретил у главного магазина странного человека. Он кашлял. Мне вдруг стало страшно. Я решил, что я очень-очень странный, не от мира сего, и людям это заметно. Я – инопланетянин.

Я бросился домой, наххауз. Дома сидел перед компьютером мой сосед, дражайший Коленька. Я глянул на него и понял, что он не человек: биоробот. Что спросить, чтобы убедиться: он робот? «Как дела»?

– Как дела, Коленька? – идиотски улыбаясь, спрашиваю.

– Нормально, – отвечает он и беспомощно зырит на меня. – А у тебя как?

«Робот», – думаю я и начинаю укладывать вещи.

3

Акишин сменил квартиру.

Когда хозяйка комнаты, шестидесятилетняя старуха, открывала рот, Акишин убеждался, что и она робот: артикуляция и звук не совпадали. Акишин перестал общаться с хозяйкой и сосредоточился на кассиршах.

Занимаясь в университете, Акишин сделал открытие. На парах студентки красят ногти, читают книжки, тычут пальцами в кнопки мобильного телефона. «А ведь для того, чтобы понять лектора, нужно сильнейшее интеллектуальное усилие. Почему они не решаются?» – ужасался Акишин.

В университетской столовой он увидел Ольгу. Ольга похорошела с тех пор, как вышла из академического отпуска. «Надо взять у нее телефон», – подумал Акишин и вспомнил: так поступают роботы, когда хотят вступить в интимные отношения с роботом противоположной модификации.

– Можно, я запишу твой телефон на дензнаке? – сказал Акишин Ольге, подразумевая, что его *транзакция* ничем не кончится. Он достал десять рублей и записал телефон. Руки дрожали.

4

– Дело в том, что я не верю, что ты человек, – сказал Акишин, – выключая диктофон. – Ты делегат, и я согласен через тебя дать интервью вашему миру. Почему Вы стали роботами, я не знаю. Я так много думал об этом, что даже устал.

– Тебе повезло, – сказал я. – Я окончил медицинский, и знаю о роботах все. Тебе нужна помощь. Сейчас мы зайдем к Вячеславу Михайловичу (я указал Акишину на одну из фотографий сотрудников ОСО), и от него позвоним специалисту. Он тебя расколдует.

Я взял Акишина под руку – чтобы он не убежал, и повел в кабинет Вячеслава Михайловича. «На остановке автобусной», шептал Акишин, «города на краю…» Что это значит, мне выяснить не удалось.

Михаил ГУНДАРИН ►

▼ ГОВОРИТ ГАЛИЛЕЙ (главы из романа, продолжение)

История про несколько дней 1987 года, пережитых неким персонажем по прозвищу Галилей, а также предыдущие и последующие события, продолжается (предыдущие главы см. «Ликбезе» № 17).

Сплошные отступления

Простые вещи и рассказ о них.- «В» слитно или раздельно?- Почему я не ругаю А.Тарковского и Б.Гребенщикова.- Апология «фельетонного» стиля. – Да, у меня нет жены и детей. – Критика «патриотизма» и «радикализма». – Да, я не занимаюсь сексом с женщинами. – Проблема эпиграфа. – Ну, начинаем рассказ!

Вначале скажем вот что: рассказ пойдет о простых вещах. Очень простых, таких, что даже и задумываешься – стоит ли писать о них вообще? Это так начинается первое отступление. Оно начинается даже раньше, с самого первого слова: как его писать «в начале» или «вначале»? Глупость, кажется, да, однако, выходит, что и нет.

Ведь если мы пишем «в» отдельно, то получаем какую-то математически-последовательную штуку, которую можно характеризовать вроде бы даже компьютерными или типа компьютерными словами – развертка строк и так далее. Пишем «в» – и понеслось само по себе начало. Старт дан, полосатый, а лучше шахматной расцветки, как на автогонках, флажок произвел отмашку – и все идет строка за строкой. Для читающего же – минута за минутой, начиная с той самой заглавной буковки. Стартового столба.

Зато если писать первое слово вместе – «вначале» – то выходит все как-то мягче, обволакивающе. И тут уже не от строчки к строчке, сверху вниз скользит – сперва мое компьютерное перо, а после и всякий любопытный глаз – но как-то иначе. Какими-то тайными тропами внутри скалы текста, от буковки к буковке. Так я любил в раннем детстве, едва только читать научился: пройтись взглядом через все, положим, «а» или «о», расположенные на странице. Смысла в этом немного, но интересно. А может быть, в этом интересе смысл и проявляется.

Сами по себе эти рассуждения я знаю, как можно назвать. Их можно назвать страхом начинать упомянутый уже, проанонсированный рассказ. Пугает более всего не белое поле, покрытое значками (или процесс его «засеивания»), а просто белое поле, безо всего. Всерьез пугает, до истерики. Заполнишь эту белизну, набьешь ее значками под завязку, причем даже неважно как сгруппированными – построчно или внутрисловно – и как-то легче станет. Но меня вот ничего из этого не касается! Так что рассуждения о белом и крапчатом – не ко мне.

Тогда другой упрек – а может, автору и писать-то нечего по существу, вот и мнется он на одном месте. Тоже вряд ли. Мне-то кажется, что любому есть о чем рассказать. Возьми да рассказывай. Ну а если у меня – не лично у меня, а у того, который о себе сейчас рассуждает в жанре «писатели о писателях» – как-то так устроены органы коммуникации, что не голосовым аппаратом я издаю нечто, а руками, бьющими по клавиатуре – то что с того? Различие непринципиальное. У меня так даже ловчее получается. И здесь все в порядке!

Тогда еще одно – не является ли то, что предстоит прочесть кому-то ниже (сколько местоимений!), таким срыванием всех и всяческих масок с правил последовательного, и даже непоследовательного, но все-таки излагания? Не запущу ли я сюда миллион каких-то странных существ, может быть, эльфов, или (воспоминание из детства) «гарантийных человечков» Э.Успенского? Чтобы они, снуя туда-сюда, создавали эффект оживления, обнажения приема? Нет, не запущу.

Но что да, то да – «рассказывать рассказ» прямо так, с ходу, у меня не очень получается. Как-то даже неловко. Тут, я полагаю, нечто вроде телефонного этикета с примесью советских интеллигентских предрассудков – мол, сначала о здоровье, о делах, а потом уже о деле. Повременная оплата со всем этим покончила, однако сами советские времена упомянуты не случайно. Делаю следующее заявление – это будет рассказ о практически советских временах. О перестроечном времени. 1987 год. Такая точная дата. И тут впадаем во второе отступление.

Сейчас (то есть, в конце 2006 года) как-то модно стало бранить кумиров того времени. Как бы счеты с ними сводить. Вот, например, Андрей Тарковский. Его кинематографическая манера признается скучной, претенциозной, банальной. Может, это и правда, однако несколько все же обидно. А потому что, замечу, у авторов нападок уши торчат! То есть, всем видно, что нападают они на Тарковского из чистого самоедства, которое еще И.Тургенев (впрочем, кажется устами одного из героев, то есть, не очень взаправду) описал:

Как ребенок душою я стал
Сжег все то я, чему поклонялся,
Поклонился тому, что сжигал.

Пока не сожжешь – толком не поклонишься. И авторы-ниспровергатели, ругая фильмы, книги, музыку, ими некогда любимые, тем самым хвалят и любят себя тогдашних. Реабилитируют себя таким вот хитрым манером. Что, конечно, тоже очень «по-нашему».

Во-вторых, конечно же, нынешняя конъюнктура с любовью ко всему советскому антисоветское, перестроечное, отвергает. Так что упомянутые выше ниспровергатели могут даже нечаянно впасть в милость (а может, этого им и надо…).

Я тоже в свое время Тарковского, вкупе с Б.Гребенщиковым и др. ругал. В свое время – это когда время, к описанию которого я надеюсь все же приступить,

уже прошло. А нынешнее не настало. Когда же оно настало, вышло, что я все ругательное уже сказал. Теперь хочется просто вспоминать хорошее. Честно признаваться, что в годы нашей юности мы на многое смотрели по-другому, чем теперь – и не исключено, что правильнее. Ну а как же иначе? И даже к М.Горбачеву я теперь неплохо отношусь, не то, что к Тарковскому.

Хвалиться тут, разумеется, нечем, и в пример я никого никому не ставлю, просто разъясняю свою позицию. Мне кажется, что это было веселое, хорошее время. Как-то мы надеялись на все, совершали какие-то действия. Делали жесты. Насчет переоценки еще можно сказать вот что, слегка перефразируя Ф.Искандера (книгу «Кролики и удавы», появившуюся примерно тогда же, первоначально в журнале «Юность»). Возможно, подлец тот, кто в начале-середине 90-х заявлял о себе как о демократе. Однако еще больший подлец тот, кто в 1987 году себя демократом не считал. Ниже вы прочитаете, что демократом был и я, и многие мои друзья. Обратите внимание – я сказал про 90-е. Теперь воображаемый «подлец» себя, конечно, считает патриотом-государственником. И вот этот «творческий путь» описать было бы тоже интересно. В сатирическом, фельетонном даже ключе. Наверное, это уже сделал кто-нибудь. Вернусь, возможно, к этому замыслу (возникшему ведь именно сейчас, при написании вышенапечатнных строчек!) и я.

Ну а что такое тогда было «быть демократом»? Виделся тут и какой-то революционный путь, маевки, митинги, дубинки нарождающегося ОМОНа. Конечно, присутствовала борьба со «взрослыми», с «консерваторами» по своей природе. С «начальством», образно говоря. Это в России всегда любили, особенно молодежь (неужели разлюбили сейчас?). Во всяком случае, тогда это считалось нормальным, было стихией творчества, того, что всегда у молодых людей рвется наружу. Отметим в скобках, что заявленные перемены, волнения наверху и пр. не предполагали серьезную замену строя, слом всего существовавшего и взрастившего нас, всерьез считавшегося нами незыблемым. По большому счету, нам и не хотелось ничего менять «по-крупному». «Ведь я внебрачный сын Октября!» - отчаянно кричал тогдашний певец. Хотел, чтобы его усыновили по-настоящему. Хотели и мы. Поэтому после всего случившегося легко почувствовать себя обманутым. Хотя встает вопрос – а кто обманул-то? Взрослые «дяди» в «кабинетах из кожи»? Или мы сами? Задаю вопросы нарочно глупые и потому не даю на них никакого ответа. Каков вопрос – таков ответ.

И еще одно про то время можно сказать – оно совпало с моей ранней юностью. Или так – ранней молодостью. Никогда, честно говоря, не мог разделить эти два понятия. Юность, наверное, наступает раньше и длится меньше. Молодость, она, как известно, вечна. А до 35 лет и вовсе законодательно оформлена в ряде отраслей (молодой ученый, молодой литератор).

В общем, как о том будет сказано и ниже, в 1985 году, когда все это началось, я закончил школу. Как и многие мои друзья, действующие лица рассказа. Совпало это со многими вещами, например, с пресловутой антиалкогольной кампанией, которая нашу «юную жизнь», конечно, затруднила. В чем-то. А в чем-то сделала, как это и можно предположить, более интересной. Я даже не представляю, как взрослеть иначе, чем вместе с большими переменами в окружающем мире. Если писать «роман воспитания», то хорошо использовать параллельный монтаж. Любовная записка – а рядом стенограмма какого-нибудь дискуссионного клуба. Или даже Девятнадцатой партийной конференции (помнит ли еще кто-нибудь о такой?). С другой стороны, этот прием уж очень хорош не для художественной, а для научной книги в современном духе. Действительно, объявить по всей стране сбор личных документов, тех же записок, дневников, писем – и сопоставить их с официозом. У меня у самого хранятся письма друзей из армии, очень интересные уже потому, что тогда армия была, по их позднейшим словам, настоящим островом, куда никакие перемены не доходили. И вот кто-то что-то услышит, потом передаст, обрастет по дороге все это слухами и мнимыми подробностями, а потом еще будет описано в частном письме – и любопытная фактура получается! Фантастическая! Так, один из товарищей (теперь он университетский преподаватель), писал мне из рядов Вооруженных сил – хорошо это, что «Макара» (т.е., Андрея Макаревича) по радио крутят (он в ленинской комнате слышал), но мало, чертовски мало! Нужно 24 часа в сутки!

Впрочем, некоторым из нас уже тогда было жалко, что подпольное стало становиться всеобщим. Как писал один из моих многочисленных приятелей-стихотворцев: «На всех углах поет Гребенщиков. Я был к такой подлянке не готов!». Но потом писал, когда юность уходила. Подумать только: к 20 годам мы успели приобщиться к запретному, элитарному, и его прилюдно утратить, невольно передав в руки всех и каждого! Серьезная потеря, хорошо бы ее описать!

Еще лучше бы это выглядело от лица героини. Возьмем провинциальную девушку, юную, красивую с таким каким-то не очень банальным овалом лица, блондинку. Грудь, ноги. Талия. Утрирую, конечно. Хотя в отличие от тогдашних времен, нынче это было бы кстати. Тогда-то нам в литературе совсем другие женщины нравились, такие как у Булгакова или Кортасара. То есть, с одной стороны загадочные, заманивающие, а с другой – этакие «медвежата», в свитерах и джинсах. И то и другое вполне можно списать на возраст и влечение к женщинам как раз двух этих типов – к взрослым и сверстницам. И на успехи, а чаще неуспехи у них.

Но вот воображаемая героиня. Как она делает первые шаги по своей жизни (здесь-то, для простоты картины, метафора движения-перемещения вполне бы сгодилась). Конфликт с родителями, увлечения героем того времени, каким-нибудь рокером. Тогда рокеры были длинноволосые и мечтательные, как Б.Гребенщиков. Густо накрашенные, как В.Бутусов. Очень привлекательный для меня образ! И как рушится все вокруг, мир ее родителей прежде всего. Но никто ничего не замечает, хотя внутренний огонь, огонь не вещей, но хода вещей, уже выжег существование изнутри (аллюзия на того же БГ). Доходит он и до ее мира, пусть пока только на подступах, на границах. Стены детства его сдерживают. Но она сама должна их разрушить, впустить это слишком бледное (незаметное) для нее пламя (о том, как оно уничтожает, выжигает, ей невдомек). Таков закон юности. Сила природы.

Однако (и тут нет противоречия, я после объяснюсь) нельзя вступить дважды в одну и ту же реку. И сейчас я не смогу вообразить в полной мере как чувствовал и как вел

себя юный человек того времени. Рассказ же мой – совсем иное дело. Он, конечно, не документальный, не мемуарный. Но восстановлено, реконструировано в нем все, насколько получилось, точно и честно.

Возможно, на всем этом материале можно было бы написать роман-памфлет. Или, еще лучше, фельетон. Меня вот за мои какие-то ранние опубликованные вещи не раз называли фельетонистом. Что это значит? Очевидно. Известная бойкость пера, из разряда «за словом в карман не полезет». Гладкость стиля. Или даже «прозрачность» – как говорилось когда-то, чтобы сквозь стиль было заметно все до донышка содержание, не искаженное всякими мудреностями и изысками. Конечно, это рассуждение из разряда анекдотов про Н.Хрущева и современное искусство («хочу видеть на картине лицо, причем красивое, человеческое, а вижу жопу. – Так это ж зеркало, Никита Сергеевич!»), но для фельетониста вещь необходимая. То, что к фельетонистам относили и Ф.Достоевского, всякому обвиненному в фельетонизме приходит на ум прежде всего. Но это, как говаривали нам в детском саду и школе, не оправдание! К тому же Достоевский писал, по нынешней терминологии, не полицейские, но политические романы. То есть, место его рядом с А.Прохановым. Фельетонизм – совсем другое.

Достоинств у него и помимо сомнительного родства с Достоевским хватает. Но все они накладываются на заведомую «неглубокость» содержания, скольжение по поверхности. Тут неизбежно возникает встречный вопрос: где взять глубину? Как решиться заговорить о том, о чем говорить затруднительно во всех смыслах? И не потому, что боишься сказать что-нибудь глупое или вообще «не то». В конце концов, вряд ли провидение будет связываться с неким самозваным автором, карать его за нечаянно раскрытую тайну. Тайны, за раскрытие которых можно получить по первое число, как раз и относятся к разряду нераскрываемых. От любых молний спасают громоотводы разнообразных конструкций, число которых бесконечно. А стоит ли болтать чушь, заведомую причем чушь, ибо говорение не чуши означает наличие у говорящего каких-то совсем особых свойств, которыми обыкновенный провинциальный журналист, отец двоих детей, дважды же женатый, обладающий брюшком и бородой (то есть, *возможный* я, и только по случайности не я вовсе) не обладает заведомо. Отвечаю сам себе – нет, болтать чуши не стоит. Поясню – жены и детей у меня нет, не было и не будет.

Вот и я просто не вижу того направления, в которое можно углубиться. Негде рыть ямку. Причем совсем не важно, для чего эта ямка будет предназначена – для поиска ли, образно выражаясь, Грааля, или для зарывания недостойных – опять же, образно выражаясь – лика земли предметов и явлений. А вот совершенно это все равно! Куда и где рыть, вот что важно. Некуда и негде. Потому и скольжу, как выражаются критики, по самой поверхности, незамутненной изысками стиля. Чтобы было горячо, но все же не обжигающе, чтобы под пятками земля не дымилась. Фельетонно скольжу!

Плохо при этом – разумные ограничивающие рамки тоже быть должны! – если фельетонный стиль не более чем подделка. Как у популярного некоторое время назад Х.Мураками. Подделка изысканная, не спорю. Но, может быть, даже слишком изысканная, совершенная. Когда копия становится лучше оригинала – это уже отдельный сюжет, это игра, сегодня не актуальная, да и вообще глупая. Фельетон же подделывать и вовсе нелепо, все равно, что рисовать фальшивый советский рубль. Да, высоко я жанр не ставлю. Он на многое и не претендует. Но хочется какой-то подлинности, а не ее имитации. Хочется, чтобы пишущая машинка или компьютер неновой модели стучали без передышки, чтобы папиросный дым вился кольцами, а окно выходило на заснеженный пригорок или освещенный луною темный сад. Вот такая мечта. Такое русско-японское начало (модная в 90-е годы параллель, «Особенности нац. охоты-рыбалки», Пелевин и др.)

И тот рассказ, который вы прочтете, надеюсь на это, будет таким же. Подлинным и искренним Что, усилю мысль, по-моему, не очень плохо. Даже, мне кажется, и хорошо. Но вот чего там не будет, так это всяческой чуши, связанной с насилием, патриотизмом и поисками действующего героя. Если мои слова про подлеца-«патриота» еще можно отнести к запальчивым и даже провокационным, то вот про авторов таких «р-еволюционных экшенов» говорю прямо: подлецы. И одно радует – уже непопулярные в нынешней обстановке всеобщей *нормализации* подлецы.

Соблазнительно и гнусно современное насилие, фельетонное в плохом смысле слова, то есть неглубокое, но насыщенное!

Мне ли не знать про насилие - как знает у нас в России всякий, имеющий несчастье отличаться от всех остальных. Вот еще одна обманка: если я отличаюсь, то неужели от всех сразу? И вот такая ерундовая вещь, как мой принцип выбора сексуальных партнеров определяет отношение ко мне общества! Смешно! В моей жизни секс никогда не занимал особенного места. И ведь понятно же, что у многих так, а весь секс-бум – не более чем индустрия, очередной способ делания больших денег. Что это имеет общего с сугубо индивидуальной, единственной и неповторимой маленькой смертью, как называют оргазм французы! Увы, и это талантливое определение просто затерто до дыр. Все той же индустрией культуры, мелющей всех нас поминутно в своих жерновах. Если вдуматься - смерть-то есть смерть, большая, маленькая, неважно. Все равно, муки ада, постоянное уничтожение и постоянное же воскрешение для следующей тут же новой смерти.

Так что я на невинных мальчиков не покушаюсь, мне вообще нравятся люди более взрослые. Говоря «люди», то есть, приравнивая «man» (homini) к «man» (masculinum, латынь абсолютно произвольна) я невольно становлюсь в сексистский ряд. Но, честное слово, это тоже случайность, такая же, как сам мой выбор, как моя внешность, в общем, завидная. В двух словах: мой рост - 185 см., вес - стараюсь держать в норме, нижнюю половину лица мне закрывает густая черная борода, а большую часть верхней - очки в тяжелой оправе.

Но вернемся к литературе, а в частности, к нижеследующему рассказу. Я думал об эпиграфе, но на ум приходили только слова И.Бабеля, которые и один из моих любимых писателей Г.Газданов поставил эпиграфом к первому изданию своего романа «Ночные дороги»: *«И вспоминая эти годы, я нахожу в них начала недугов,*

терзающих меня, и причины раннего, ужасного моего увядания».

Но, для возможной интриги говорю сразу – этот эпиграф мною был отвергнут, как слишком понятный, слишком раскрывающий суть и даже сюжетное движение моего романа-фельетона. Может быть, я угадал и логику Газданова, не публиковавшего эпиграфа в книжных изданиях?

Так вот, рассказ пойдет о простых вещах. Просто хроники одного человека в одном времени. Такой вот конституционный принцип (один человек – один голос). Голос у каждого из нас один.

И мог бы этот человек-голос начать вот как: «В 1987 году, когда мне было девятнадцать лет, старая жизнь закончилась, и началась новая. Совсем иная. И не только у меня». Так что обещанный рассказ будет посвящен этому перелому, этому осознанию, отбору из миллиона случайностей одной, только одной, но – ставшей судьбоносной.

Еще один, почти последний, пример. Гораздо позже описываемых событий, в 1997 году я перенес непростую операцию. Прошла она к тому же неудачно, так что врачи всерьез беспокоились за мою жизнь. Я очнулся во время затянувшейся процедуры, прямо на операционном столе – и это было ужасное пробуждение! Дикая боль и невозможность, в буквальном смысле, пошевелить ни рукой, ни ногой. Тут же мне дали новый наркоз, но эту секунду, или даже миллисекунду, я никогда не забуду. Вот такой же миллисекундой, только растянувшейся очень надолго, и стали для меня поздние восьмидесятые годы. Для меня ли одного?

Стенгазета и другие артефакты

Последний день – учиться лень. – В питательной среде. - Пузырь, Соломинка и Лапоть . – Подноготная «прорабов перестройки». – Эвридика меня не замечает. – Артефакт под видом стенгазеты. – «Ты-Нюкта!» - Роковая водолазка. - Рукопожатие друга волнует до слез.- Как я был в Афганистане.

После получасовой давки в автобусе номер три, мы с Вадимом расстались около универа – он пошел в свой корпус, экономико-юридический, я в свой, историко-филологический. Думать о «хвостах» не хотелось, для этого была предназначена, собственно, зачетная неделя, которая начнется сразу же после нового года, 4 января. Ну и что, что в последний момент придется туго, всегда размышлял я по этому поводу. Ведь для такого напряжения, таких переживаний последние моменты и предназначены, иначе, какой в них смысл? О том же, если вдуматься, и великая русская литература повествует, которой, как-никак, я и обучаюсь.

На первую лекцию (историческая грамматика, совершенно темная для меня дисциплина, вроде правописания египетских иероглифов) я решительно опоздал, но особо унывать по этому поводу не собирался. Мне было чем заняться! Университет бурлил, как обычно. Помимо больших оригиналов из числа студентов и преподавателей, на его этажах можно было встретить просто безумцев и безумцев-диссидентов, совершенно посторонних этому заведению, внезапно возродившихся хиппи и новоявленных панков, многие из которых забрели просто на огонек, не имея к университету ни малейшего отношения... Внутрь пускали всех, потому что совсем недавно милицейский пост был снят после дружной атаки создаваемого студенческого самоуправления и уже вовсю функционирующего Общества содействия перестройке. Как заявляли активисты ОСП, полицейский пост на входе в университет стоит только в пиночетовском Сантьяго – что, и мы туда же? Это, в общем, ничем не доказанное утверждение, подействовало безотказно.

Действительно, сторонний наблюдатель многое сумел бы понять в жизни декабря 1987 года, просто наблюдая за перемещением, непрерывной циркуляцией различных персонажей по пяти этажам «нового» корпуса нашего универа! Я любил представлять себя на месте такого наблюдателя. Вообще, мне всегда хотелось отойти как бы на шаг в сторону и просто смотреть, как совершается, продолжает течение свое, простая жизнь.

Вот прошла неразлучная троица опальных организаторов «Общества содействия перестройке». Весьма примечательные личности, как к ним не относись (а я относился не очень, по разным причинам, о которых еще расскажу). Прозвали их, довольно обидно, но, в общем, справедливо, Пузырь, Соломинка и Лапоть. Один (Пузырь) – Валерий С., высокий, толстый, коротко стриженный, в маленьких очочках на мясистом носу, постоянно шевелящемся влево-вправо. Вот что значит держать нос по ветру! – злорадно думал я по этому поводу. Валера занимал в ОСП роль идеолога, предпочитавшего на диспутах помалкивать и важно посапывать в самые патетические моменты – когда второй, Артем К., рубил с плеча. Он был и в самом деле отличным оратором, в меру ехидным, в меру патетичным. И того и другого мне всегда не хватало, поэтому я, в некоторые минуты, в него просто влюблялся. Но тут же одергивал себя, не без горечи представляя, какие чувства к нему испытывают, например, женщины. Завидные, невозможные по отношению ко мне! Что ж, он был красавцем. Простое, открытое лицо, зачесанные назад волосы, достаточно тонкие черты лица – ну чем не Ален Делон? И вместе с тем, что-то шукшинское сквозило в его прищуре, в его скулах. Вот он – Лапоть, менее всего из троицы подходящий под свое прозвище.

Зато третий по праву мог именоваться Соломинкой. Был он худ, высок (с меня ростом), очкаст, и самое главное, имел изрядно оттопыренные в обе стороны уши. Из-за этого его личико пятиклассника-отличника в другом ракурсе выглядело пришпиленным к какой-то керамической кастрюле с большими ручками. В троице он, судя по всему, был «серым кардиналом». То есть, ни во что особенно не встревал, ни с кем конфликтов не заводил, даже публично выступал очень редко – но и Пузырь, и Лапоть его слушались беспрекословно. Что меня, кстати, тоже раздражало. Ну что за оппозиция такая, где все как в армии! Однако я, кажется, в своих сомнениях оставался все время в меньшинстве. Конечно, у ОСП были враги и противники, но не любили они перестройщиков не за то, совсем не за то, за что бы следовало по-настоящему!

Все руководители ОСП были аспирантами исторического факультета, имевшего славу самого либерального в университете – хотя, казалось бы, он должен быть самым идеологически выверенным. С другой стороны, столько всего открывалось в нашей истории каждый день, что какая тут выверенность! Грех было не воспользоваться этим положением – чем троица и пользовалась. И кстати – происходили они из хороших, как это говорится, семей. У Пузыря родители часто

бывали за границей по строительным контрактам, у Лаптя папа возглавлял местную писательскую организацию, а у Соломинки и вовсе работал секретарем какого-то сельского райкома.

Поначалу общество «прорабов перестройки» возникло именно в универе, но потом, не без скандала, было выселено в городскую библиотеку. Скандал затеял комитет ВЛКСМ, но, говорят, по наводке парткома и чуть ли не КГБ. Увы, они не понимали, что перестройщикам только того и надо было – теперь они казались себе, да и многим окружающим, настоящими героями. Не то, чтобы я им не сочувствовал – но, поприсутствовав несколько раз на общих заседаниях, видел в перестроечной деятельности такого рода какую-то изнанку набивших оскомину профсоюзных и партийных собраний. Да, кроме того, меня с одного такого мероприятия просто выгнали. И только за то, что я предложил вместо долгих, ни к чему не приводящих рассуждений на вольные (пусть и в прямом смысле) темы, заняться осуществлением какого-нибудь реального проекта. Например, провести рок-фестиваль, или поэтическую ассамблею…

Один из троицы, а именно, Пузырь, посмотрел на меня так, как, пожалуй, не смотрел еще никто. Я поежился, но устоял на ногах, чем еще больше разозлил Пузыря.

- Конечно, – сказал он с непередаваемым выражением, которое появляется у такого рода людей, когда они собираются сделать подлость, – мы можем поставить на голосование предложение этого…гм, резвого молодого человека, но стоит ли? Стоит ли поддаваться на такие вот идеи, граничащие с провокацией? То есть, отвлекающие нас от общего дела? Ответ, думается, ясен.

Под насмешливыми взорами всех присутствующих, двух десятков людей разного возраста, преимущественно мужского пола, я покинул лекционный зал библиотеки. Правда, мне показалось, что Лапоть, также восседающий в президиуме, сочувственно посмотрел мне вслед. Соломинка словно и не заметил произошедшего, настолько оно было ничтожным, все листал за столом президиума, листал какие-то гнусные бумажки, не поднимая головы.

Так что пусть проходят теперь мимо, я даже не поздороваюсь, сделаю вид, что не заметил. Они и прошли, а вот поэтесса Эвридика буквально пролетела из одного конца коридора в другой. Я посмотрел вслед с легкой грустью. Она меня не замечала никогда!

Следующий универовский персонаж, возникнув словно ниоткуда, обозначил свое присутствие решительно. Просто ухватил меня сбоку за рукав куртки мертвой, коммунистической хваткой. Это был зав идеологическим отделом универовского комитета ВЛКСМ, историк-старшекурсник Денисов.

-Погоди-ка, погоди. Куда направляемся?

- А тебе-то что, товарищ Денисов?

Он ухмыльнулся

- Судя по твоему тону, слово «товарищ» для тебя стало бранным. Конечно, с неформалами пообщайся с твое! И что это, вообще, за собачье прозвище – как там, Галилей?

- Что тут собачьего? Учебники-то свои исторические читал? «И все-таки она вертится» и все такое.

Денисов снова ухмыльнулся.

- Ну, насчет вертится – это все-таки исторический анекдот. А что, кстати, ты имел в виду? То есть, что именно должно вертеться? Или кто? Как это говорится сейчас, хочешь жить – умей вертеться? Да в этом смысле каждый бюрократ – Галилей.

Ага, похоже и Денисов перестроился, заговорил про бюрократов… Странным он был человеком! Нельзя сказать, что догматиком, было в нем что-то такое живое, пытливое, но при этом – ни шага прочь от генеральной линии! Колебаться (или вертеться) только с линией партии – вот что могло бы быть его девизом! Но ведь интересовался же он «Улялюмом», ходил на рок-концерты, поэтические вечера (где – в кулуарах, за распитием пива прямо из 25-литровой канистры – мы с ним и познакомились). Причем, как видно, ходил совсем не по служебной надобности. Интересно ему было! Значит, следовало считать Денисова человеком не совсем потерянным и вести себя с ним помягче. Хотя и спуска тоже давать не стоило.

- А не ты ли, Денисов, ходил позавчера в Общество содействия перестройки записываться?

Выстрел был сделан наугад, но, похоже, не в молоко! Денисов несколько смутился, почесал затылок.

- Что, эти гнусные слухи – правда?! – утрированно всплеснул я руками.

- Враки, – убежденно ответил справившийся с минутным замешательством Денисов. – Ну, может быть, с проверкой ходил, слушал, что говорят.

- Ага, а вернее брал на карандаш тех, кто присутствовал?

Денисов присвистнул.

- А что, идея супер! Времена-то меняются, и мы вместе с ними, так что вот изменятся они снова – а у меня все готово!

Все-то он старался показаться простоватым, свойским парнем, что, вообще-то, было совсем не так. Но, наверное, в амплуа «человека из народа», было проще сделать карьеру в партийно-комсомольских верхах.

- Я вот что хотел сказать, – молвил Денисов, отпуская мой рукав и отступая на шаг назад. – Там, на четвертом, висит этот ваш… «Улялюм». Я распорядился пока не снимать. Секретарь в командировке, так что с комсомольской стороны ничего пока не бойтесь. Но партком еще не видел. Если снимут – я не виноват.

Ага, значит с утра пораньше мои соратники вывесили-таки наш труд на всеобщее обозрение! Эта идея, кстати, возникла у меня – сделать стенгазету огромной, на всю коридорную стену, причем не столько содержательно, сколько художественно наполненной. И вот она осуществилась!

- Ну и как тебе, Денисов, наша мегасупергазета?

- Ничего, ничего. Смело, но в рамках.

- А с эстетической точки зрения?

- Тю, это не по адресу. Я, знаешь, больше по политической части… Но стишок твой понравился, это да, хотя и не очень понятный.

Тут он быстро попрощался, словно что-то вспомнив, и уже уходя, бросил, как бы небрежно:

- А насчет перестройки, еще непонятно, кто главным перестройщиком станет – вы или я.

И был таков. Вот провокатор! Хотя – не лишенный логики, очень даже может быть, что все они, молодые бюрократы, смогут процесс оседлать и возглавить. И вот тогда, действительно, беда. Уж лучше Пузырь, Соломинка и Лапоть, чем Денисов и компания.

Итак, я стал, не спеша, подниматься на свой четвертый этаж, никуда не торопясь и глазея по сторонам. Посмотреть, повторю, было на кого! Но на самом-то деле я специально замедлял шаги, оттягивая удовольствие полюбоваться эффектом, которое неизбежно должна была произвести стенгазета, изготовленная мною вместе с «Улялюмцами». Это творение только называлось так невинно – «стенгазета». На самом деле, с упорядоченным комсомольским регламентом средством агитации и пропаганды, у данного артефакта не было ничего общего!

И в самом деле, на площадке четвертого толпился пораженный народ. Самих филфаковских девиц было немного, их вообще мало интересовали такие вещи. А может быть, отпугнула двухстрочная эпиграмма, размашисто начертанная Борисом поперек листа. Эпиграмма эта, посвященная нашему факультету, ходила в народе с незапамятных времен, но только мы, по моей, конечно, инициативе, ее опубликовали! Творение (выполненное с аллюзией на пушкинскую «Вольность», что придавало актуальный и просто занятный дополнительный смысл) гласила: «Здесь бабство дикое //виляет задом». Про филфак, женское царство, было сказано не в бровь, а в глаз!

Однако на общем фоне даже эта эпиграмма терялась. Стенгазета, гордо именующаяся на странной макаронической смеси «Улялюм-Пресс, numero uno», была составлена из пяти листов обычного стенгазетного, ватманного, формата. Листы были сшиты суровыми нитками, раскрашенными в немыслимые цвета. «Это техника батика!» - важно говорил мне Антон, опуская полуразмотанный моток, стащенный мною у матери, в армейский котелок, в котором перед этим были смешаны краски буквально наугад. Изо рта у нетрезвого, как обычно, Антона торчала папироса, пепел которой время от времени падал в котелок, пополняя ирландское рагу по-художнически. Кроме того, все листы газеты были покрыты (загрунтованы) ярко-оранжевой гуашью. На этом фоне самые невинные тесты и коллажи смотрелись бы вызывающе. Тем более, что невинным все изображенное или прикрепленное к поверхности «Улялюм-Пресс» назвать было сложно.

Центральный лист был полностью занят изображением серпа и молота, выполненным в лучших соцреалистических традициях. За одним исключением – серп и молот были зеркально развернуты. Торчащий вверх и вправо (а не влево, как на первомайских открытках) набалдашник молота выглядел просто угрожающе. В нем виделось что-то фаллическое, бросающее вызов. Но суть этого вызова понятна не была, и никакой антисоветчины в связи с этим пришить нам было нельзя. В конце концов, серп и молот изображать никому не запрещено, это же не свастика, и канона, в какую сторону их разворачивать, не существует. А в двадцатые годы серп с молотом часто рисовали именно так – что, конечно, отдавало мифическим троцкизмом, но, если разбираться, кто хуже, Троцкий или Сталин, то ответ с каждым днем очевиднее...

По этой-то причине, наличию жестких канонов, мы отказались от изображения Ленина. Лучше на обострение пока не идти. Хотя Антон клялся, что нарисует «Лукича» как маму родную, по квадратикам переведет с плаката, да так, что никто не отличит от настоящего, Борис поддержал меня! За что и был обруган тут же удалившимся Антоном. Дальше мы делали «Улялюм Пресс» вдвоем. Антон пришел в мастерскую поздно ночью и, походив, тихо бранясь вокруг нас, в итоге просто упал на газету, пролив оставшуюся краску из котелка на готовый лист. Краска залила лицо Юлия Цезаря, вернее, скульптурного его изображения, вырванного мною из свежего «Огонька». Подумав, мы так и оставили – дескать, кто понимает, то увидит здесь намек на разоблачение тирании.

Залитый многозначительной краской Юлий Цезарь занимал часть крайнего правого листа газеты. Вместе с ним тут красовались коллеги-диктаторы. Чингис-Хан, Атилла, Фридрих Барбаросса, плюс – неизвестные или вовсе несуществующие, но не менее злобные на вид существа, изображенные сначала на картинах древних художников, либо современных авангардистов, а позже вырванные мною, опять же, из «Огонька». Уместилось на лист мелких исторических деятелей, типа герцога Альбы и каких-то метафизических чудовищ (одно, похожее на толстого прозрачного крокодила, сидящего на стуле, было усеяно по хребту десятками красных лампочек), штук сорок. Под всеми ними был приклеен лист с перепечатанным на машинке стихотворением Мандельштама насчет кремлевского горца. Характерно, что ни Сталина, ни Гитлера, ни, тем более, других исторических персонажей недавнего прошлого, мы выставлять на всеобщее обозрение благоразумно не решились. Но так получилось даже и лучше – мандельштамовский стих (не очень нравившийся мне в силу как раз политической узости) получил широкое, общеисторическое звучание.

Таким образом, на крайнем правом листе было собрано все, что нам, авторам, было ненавистно в максимальной степени. Чуть левее – то, что заслуживало, с одной стороны, осуждения, а с другой, могло быть исправлено осмеянием. Тут была и упомянутая эпиграмма, и вырезки из газет (включая университетскую) и журналов о разных сегодняшних безобразиях. Конечно, мы соединили все это вполне иронично, потому и соседствовали рядом вырезки, повествующие о дебоше студентов-юристов в нашей общаге, и об «узбекском деле».

На левых листах были собраны наши идеалы. На крайне левом – огромный коллаж из фотоизображений неформалов всех мастей и машинописный листок с текстом Гребенщикова: «Я просыпаюсь. Я боюсь открыть веки. Я спрашиваю: «Кто здесь?»...Все часы ушли в сторону, это новое время». Самым главным, буквально центральным пунктом всей современной идеологии, мне представлялась такая строчка из этой песни: «Мы говорим «нет», но это условный рефлекс...». Вот от чего нужно было зарекаться особенно тщательно, вот с чем в себе, с огульным отрицанием, с отторжением и цинизмом, нужно было бороться! Конечно, я с циниками-улялюмцами в этом решительно расходился – как и с перестройщиками из ОСП. И те, и другие были, конечно, полезны своей разрушительной энергией, но, иногда думал я с замиранием сердца, воображая себя вождем некоего победоносного движения, впоследствии от них придется отказаться. Преодолеть болезнь левизны, как Ленин преодолел Троцкого (это его лозунгом, впитавшимся, действительно, в плоть и кровь до уровня условного

рефлекса был тотальный отказ). Но, конечно, не так, как Сталин «преодолел» Бухарина.

А пока я все чаще чувствовал себя одиноким, но не сдавался, рассчитывая, что та же газета, пусть и следующий ее, numero duo (итальянский акцент – в честь первых футуристов, Маринетти и компании), поможет найти мне настоящих единомышленников.

Второй левый лист был посвящен нашим делам. Здесь имелась вырезка из «П-ской молодежи» о первой выставке П-ского нонконформистского искусства (с участием артели «Улялюм»). Она соседствовала с огоньковскими материалами о левом искусстве в столицах. Несколько заметок из нашей универовской газеты, об успехах самоуправления, также имели в непосредственной близости вырезки из центральной периодики. Все вырезки были обведены ярко-красной краской, что придавало им действительно революционный (но не нарушающий общей гармонии и соразмерности) вид.

Самым, однако, ценным для меня здесь был машинописный листок со стихотворением, написанным мною довольно давно (почти полгода назад), но вот перепосвященным совсем недавно, в момент «сборки» газеты. Конечно, перепосвящение было таким – «Татьяне». По сути, я здесь проговаривался, объяснялся всерьез – впервые в жизни, между прочим. Стихотворение было посвящено описанию зимнего вечера. Начиналось оно очень просто, по-бытовому: «Мороз.Народ спешит домой, неся полезные покупки...» Но дальше начинался мифологический пласт, выходящий на настоящий апофеоз, мощную коду. Последнее, ударное четверостишие было таким:

...Ты Нюкта. Ночь плюс ночь – огонь,
Ладонь, протянутая свыше.
Как сладок след былых погонь!
Как жаль, что ты меня не слышишь!

Я, скромно опустив глаза, протиснулся сквозь толпу поближе к газете. Около нее, но как бы и в стороне, стоял физик-старшекурсник Самойлов. Я ему очень обрадовался! Вообще, я им немного даже восхищался. Его ровностью, его умением держать себя и выглядеть всегда как с иголочки. Помалкивает-помалкивает себе (не то что я!), а в нужный момент встанет и скажет очень веско и всерьез. Так было на межфакультетском комсомольском собрании, когда меня внезапно, но очень жестко стали ругать за то, что я выступал на университетской отчетно-выборной конференции без галстука и пиджака. В шерстяной водолазке и темной вязаной кофте (хорошо, хоть джинсовую куртку надеть не решился). Одеваясь так, я, конечно, ожидал, что это вызовет эффект, но не до такой же степени!

Я был готов заплакать, от несправедливости и обиды, конечно, а вовсе не от слов, которые говорились мне разными функционерами с отсталых факультетов. О, я знал, что эти дурацкие, корявые слова были розданы им заранее. Что все выступающие после собрания подойдут, чтобы похлопать меня по плечу, вроде как извиняясь – мол, ничего против тебя не имеем, но сам понимаешь… Все это я понимал, и все-таки было очень обидно!

И тут поднялся парень, даже имени которого я не знал. Нет, примечал, конечно, раньше, даже любовался втихомолку его слаженными, отточенными движениями на субботнике или на танцевальном марафоне (тоже новаторская задумка, с трудом прошедшая через бюро…). Поднялся – и сказал, очень просто сказал, наверное, даже не задумываясь. Буквально несколько слов – мол, те, кто судит человека по одежде, как будто пришли сюда из старых времен. И места им здесь нет, пусть убираются обратно, в свой мезозой. Вполне банально, но все как-то притихли и разговор перешел на действительно насущные дела. Речь, помнится, шла о субботнике. Я и раньше отмечал Самойлова – вот именно по его позиции: рядом со всеми, но как бы отдельно. И участвовать – и не вовлекаться в дела толпы. А ведь мы с ним даже не были до собрания знакомы! Конечно, когда все разошлись, я подошел к нему, мы поговорили – пусть и недолго, но содержательно. Все мои благодарности он в буквальном смысле отвел от себя – сделал такой как бы загораживающий жест крепкой ладонью с безукоризненно ухоженными ногтями. И этим мужественным, сильным жестом покорил меня окончательно.

Вот и сейчас я, как всегда горячо, пожал твердую самойловскую руку. Он молча улыбнулся мне и также молча поднял большой палец вверх: здорово! У меня от радости (да что там, счастья!) закружилась голова.

При этом он совсем не участвовал в наших делах, что формальных, что неформальных. «Улялюм» был ему чужд даже больше, чем Денисову. Да, собственно, я и не знал, чем он занимается в свободное время. Откуда у него, например, такая модная, дорогая одежда. Про другого я подумал бы однозначно – «фарцовка», спекуляция. Но Самойлов-то был по всем канонам из тех, кто к фарцовщикам беспощаден.

Вот то самое главное, что я знал о нем: он служил в Афганистане, был дважды ранен и награжден орденом Красной Звезды. Но, опять же, это не было для меня определяющим! В моих глазах, пацифиста и противника всяческого насилия, горой стоящего за вывод наших войск с южных рубежей, афганское прошлое Самойлова само по себе ничего не означало. Оно делало его героем вот именно в сочетании с сегодняшней манерой вести себя, с джентльменской манерой одеваться, в частности…

Общались мы с ним мало, в основном, в знаменитой университетской курилке с крамольными граффити на стенах. Понятно, что в таких условиях об Афгане особенно не поговоришь. Но то, что он мне рассказывал (всегда как-то вдруг, вроде бы без повода), западало прямо в душу. Я переносился на место действия целиком, не перевоплощался даже, но переселялся в того солдата, который чудом выжил в одной из переделок. Да, этот солдат был не Самойловым, но мною!

Я ощущал внезапный ужас от жестокого понимания: против меня все, а я совсем один. Трое моих старших – и по званию, и по опыту – товарищей полегли под пулями душманов во внезапной засаде. Я смотрю в небо – высокое, выжженное южным солнцем до белизны. Еще и потому оно высоко, что со всех сторон зажато желтыми отвесными стенами смертельного ущелья, где за каждым камнем – враг. И я уже на мушке. И они играют со мной, как с жалкой тварью, лишенной права на мгновенную

смерть. Нажимайте же курок! – готов я крикнуть им. Руки мои в волдырях от ожогов – автомат раскален от стрельбы в никуда и от здешнего солнца. По спине под бронежилетом течет холодный пот. И тут я делаю самое важное в своей жизни (могу этим поступком гордиться всегда, он искупает все последующие ошибки!). Я спокойно закидываю АКМ за спину, поправляю свою панамку и шагаю к выходу из ущелья. Спокойно, как по городским улицам. Видимо, это действует на невидимых убийц. Они начинают стрелять только когда я уже почти вне зоны досягаемости их пуль. Поэтому мне в шею попадает только один заряд – и уже тогда, когда я вижу, как из БМП выпрыгивают, бегут, бесконечно долго, но навстречу, на помощь – наши ребята…

Самойлов выжил тогда чудом. Я бы, наверное, погиб точно, сплоховав, занервничав, замельтешив.

Доцент и дракон

Падший ангел. – Дни зимородка. – История Кара-Барсова. – Дракон появляется. – Перестройка как мистерия. – О, Кара-Барсов! – Его тайна. – Его язык.

Отрываться от «Улялюма» не хотелось. Единственно, что сейчас в расписании значилась лекция, посещение которой было мне менее неприятно, чем любой другой. Доцент Кара-Барсов читал русскую литературу девятнадцатого века.

Иван Сергеевич Кара-Барсов напоминал, пожалуй, падшего ангела. Невысокий (ниже меня на голову), был он очень худ, со впалой грудью, заостренными чертами лица и глубоко посаженными глазами. Вдобавок ко всему сутул настолько, что чуть ли не горбат. К тридцати пяти годам он почти полностью полысел, только отдельные хвостики падали сзади на воротник всегда одного и того же, порядком засаленного черного костюма.

Он читал лекции довольно странно. Половину пары мог бормотать что-то под нос, глядя в потолок и вертя при этом кистями обеих рук, то соединяя в замок, то разъединяя длинные пальцы, тоже как будто скрюченные. Понятно, что все это время аудитория занималась, чем хотела. Благо, в основном публику составляли девицы, предпочитающие тихие развлечения – вязание, коллективное чтение журнала «Бурда», максимум сплетни вполголоса. Многие же и вовсе мечтали о чем-то, глядя, подобно Ивану Сергеевичу, в потолок, но видя, надо полагать, там совсем-совсем иное! Впрочем, в каждой группе из года в год находилась хотя бы одна фанатка Кара-Барсова, которая влюблялась в него на первом курсе, да так и проводила студенчество с раскрытым ртом, глядя на чудачества кумира с первой парты.

Однако довольно часто ко второй сорокапятиминутке Кара-Барсов просыпался, словно получал импульс откуда-то неотсюда. Тогда пальцы его впивались в край трибунки, глаза метали молнии, голос становился грозен. И хотя он по-прежнему не видел сидящих в аудитории, те, кто давал себе труд вслушаться в бессвязную речь Кара-Барсова, получали истинное удовольствие. Я относился к числу этих немногих в полной мере! Более того, в особо удачные дни Иван Сергеевич просто увлекал меня за собой в неведомые, и от того еще более страшные бездны. В самом деле, я готов был сделать для него все, что угодно! Скажи он мне: шагни из окна (филфак находился на четвертом, напомню), я бы шагнул, почти не задумываясь. Просто потому, что в такие минуты я бывал уверен – все совершится по слову его, и если он захочет, я плавно, возможно, кругами, опущусь на снег.

Мне казалось, что Кара-Барсов, при всей своей отрешенности, это отношение замечает. Во всяком случае, он всегда узнавал меня (чего не удостаивались даже фанатки). Мало того, даже здоровался он как-то по-особенному ласково. И я платил ему искренней преданностью, не лишенной, конечно, по всеобщему тогдашнему обычаю большой доли иронии.

Слухи о прошлом Кара-Барсова ходили самые разнообразные. Кто-то говорил, что он потомок кавказских князей, еще в середине девятнадцатого века сосланных в Сибирь (конечно, для лектора по курсу классической русской литературы – самая завидная легенда!). Кто-то рассказывал, что он – москвич, закончил филфак МГУ, где его заметили и благословили все старики-корифеи. Но, влюбившись, он бросил все и уехал за своей невестой на БАМ, где она его бросила. Вот и пошел он мыкаться по провинциальным вузам, пока не попал к нам. В общем, и этой версией подчеркивалась нездешность Ивана Сергеевича. Совершенно случайно (из подслушанного в курилке разговора двух аспирантов Кара-Барсовской кафедры) я узнал историю, кажется, близкую к подлинной но от этого не менее удивительную.

По ней выходило, что Кара-Барсов родился в глухой деревне, был девятым ребенком в семье, и, что уж говорить, выродком. «Ну, в Баратынском смысле» – заметил на это один из аспирантов. –«Ага, – солидно согласился второй, – последыш, запустенье… Ты прав. И это всегда его давило и давит!». Фамилия была искажением известной тюркской фамилии «Карабасов» (кара – черный, бас – роща), допущенным то ли уездным писцом, то ли советским регистратором – может быть, и нарочно. В 16 лет Иван буквально сбежал из села, где все его считали, за страсть к чтению, дурачком. Как Ломоносов, добрался до П., и поступил к нам. При всей своей начитанности – только потому, что на филфак парней брали «просто так» (чего в нем не было, ни тогда, ни после, так это настоящей системы). Но, кстати сказать, в то время Кара-Барсов был вполне нормальным деревенским жителем, что называется, кровь с молоком – свежим, румяным, наивным и простодушным, с голубыми глазами и есенинскими кудрями. На филфаке он, наконец, раскрылся по-настоящему, быстро стал любимчиком преподавателей, особенно увлекшись античной литературой. По латыни он научился не только читать, но и довольно бегло болтать, древнегреческий же, освоив почти самостоятельно, к третьему курсу довел до невиданного в нашей глуши уровня. «Мне бы так, – молвил на это один из аспирантов – впрочем, без зависти. «Ну да, – заметил второй, – оно все так и кончается. Вспомни, как в «Томе Сойере» прилетело единственному образцовому ученику!» Я не помнил, нарочно даже собрался посмотреть, но забыл.

Итак, все у Кара-Барсова шло хорошо. Он получал ленинскую стипендию (что-то около ста рублей – для его деревни немало!), жил в общежитии, где пользовался всеобщей симпатией. Нрава он был самого покладистого, списывать давал беспрекословно, с девушками не знался (не давал поводов для ревности), пропадал в библиотеке (оставлял комнату в полное распоряжение соседей)….А на четвертом курсе - пропал. Однажды просто не вернулся в

общежитие, ни через неделю, ни через месяц. Даже за немногочисленными вещами не зашел. Впрочем, пропажа его ничуть не взволновала родных. Преподаватели волновались куда больше, но забыли о нем и они.

И вот через два года Кара-Барсов объявился примерно в таком же виде и состоянии, что и нынче. Куда делась его упитанность, его кудри и невинные голубые глаза! Как следовало из данных им в деканате объяснений, он просто заблудился в городском парке, потом каким-то странным образом попал на пригородную станцию, откуда уже уехал куда глаза глядят и все названное время пытался вернуться, но не мог. Ясно, что здесь имелся отчетливый привкус безумия, и, поразмыслив, все решили, что с ним приключился приступ шизофрении, приведший его сначала на дальний поезд, а потом в какую-нибудь пристанционную лечебницу. Тем более, что одежда на нем была, хотя и бедная, поношенная, но чистая. В общем, больничная.

Благодаря хлопотам преподавателей, Кара-Барсов был восстановлен и доучился благополучно. Стал он очень тих, ни с кем не общался, говорил (в том числе отвечал на экзаменах) чуть ли не шепотом. И все улыбался как-то неопределенно. При желании эту улыбку можно было принять за издевательскую, но как-то обходилось. Тем более, что от проблем с армией его спасла всамделишная психушка, куда он был направлен после медкомиссии, а преподаватели, повторю, еще больше уверились в том, что перед ними чуть ли не гений.

Закончив филфак, Кара-Барсов устроился на копеечную должность лаборанта. Более того, в каморке-лаборантской он, кажется, и жил (жилплощади-то у него и в самом деле не было!). Сидя в ней с утра до ночи, и манкируя при этом лаборантскими обязанностями, он за три года написал диссертацию по русскому романтизму, которую и защитил в нашем же вузе. С тех пор прошло 10 лет, и он ничуть не изменился. Правда, жил теперь (совершенно один) в универовской малосемейке, но ни с кем не общался, и как раньше, все универовское время проводил в каморке, куда хода не было никому и которую прозвали «черным кабинетом».

Думаю, что и здесь не обошлось без преувеличений, но лично для меня фигура романтического безумца оказалась очень привлекательной! Да, Иван Сергеевич знал, о чем говорил, рассуждая про Байрона или Батюшкова. И с той поры я и вовсе простил Кара-Барсову его невнятность и загибы совсем в другую сторону от читаемого материала. Тем более, что сторона эта вполне естественно соседствовала с романтизмом (вспомнить хотя бы еще одного безумца, Гельдерлина и его «Гиперион»). Дело в том, что Кара-Барсов был большим ценителем древностей, причем от стихов Анакреонта (цитируемых, разумеется, в оригинале), он легко переходил на описание обычаев и нравов Спарты или Афин. И рассказывал о них так, словно сам был свидетелем довольно-таки жестоких и неприличных эпизодов. Общественная нравственность, натурально, находилась под ударом. Благо, кроме меня и фанаток его мало кто мог расслышать. Фанаткам было все равно, а я получал истинное удовольствие, скажем, от изложения различных версий похищений и дальнейшей участи виночерпия богов – Ганимеда, ставшего, как известно любовником Зевса.

Нынешняя лекция была посвящена Батюшкову, но очень скоро Кара-Барсов стал говорить о другом. Причем, как ни удивительно, о нынешнем времени (мне-то казалось, что он его просто не замечает). Происходил этот рассказ в стадии, скажем так, депрессивной, и поэтому, в отличие от стадии маниакальной, мало кому оказался внятен. А жаль. Сославшись на какого-то неизвестного мне ученого-филолога, к тому же эмигранта из СССР, Иван Сергеевич развернул целое устное эссе о времени, которое, по Бахтину, бывает самых разных видов. Да и не только по Бахтину, а и на самом деле. В частности, на теле времени, как проплешины (этот образ я запомнил), проступают те или иные сегменты – зоны опасности, причем иногда и смертельной, и зоны полного комфорта. При этом комфорт может означать совсем не то, что обычно в это понятие вкладывают. Нет, комфорт может свидетельствовать лишь о том, что мы в настоящий момент находимся в центре страшного, разрушительнейшего урагана. И сделаешь лишь шаг в сторону, или просто шевельнешься – и ты погиб. Погиб однозначно и безвозвратно. Однако сейчас, в эти предновогодние дни, складывается уникальная ситуация – ситуация полной безопасности, известная еще со времен Древнего Рима как «Дни зимородка»…. В эти дни самые рискованные предприятия удаются. Страшная гибель отступает, все задуманное сбывается. Абсолютно не случайно, что именно на эти дни христианская мифология относит Рождество! Зимородок – родившийся зимой, здесь к мифологии античной подключаются совсем уж грандиозные и актуальные пласты.

Но все это не значит, что нужно сидеть, сложа руки. А все именно что сидят, сложа руки, и не делают для осознания себя и того, что творится вокруг них, практически ничего. Как писал другой эмигрантский поэт, погибший совсем молодым, в своей книге со знаменательнейшим названием «Снежный час»

Сквозь сумрак голубой
Спешат больные люди
За тьмой насущных дел,
Не видя лучших лет.

Именно что все мы больны, и при этом не знаем о своей болезни, погрузившись в суету. Рано или поздно узнаем – но она тогда примет характер фатальный и необратимый!

Тут прозвенел звонок, все, спеша прочь (как упомянутые больные люди) столпились у выхода из аудитории, Кара-Барсов, как обычно, замешкался, собирая бумажки, разбросанные в порыве вдохновения. Что-то заставило меня остановиться возле него. Кара-Барсов поднял на меня свои маленькие, бесцветные глаза, нервным жестом кинул через лысое темя жидкую прядь. Я смущенно кивнул, будто прощаясь, намереваясь присоединиться к остальным. Но (как я, возможно, и рассчитывал в глубине души) Кара-Барсов остановил меня – довольно невнятным жестом:

- Э-э-э, молодой человек… как вас там…

Я поспешно назвался. Конечно, он мог помнить меня в лицо, но откуда бы ему знать мое имя? Обижаться было решительно не на что.

- Вот, помогите-ка мне книги в кабинет унести…и поговорим заодно.

Это, понятно, было лишь предлогом. Три тома из «Библиотеки античности», да один из БВЛ были вполне по силам и ему. Замирая от предвкушения чего-то особенного, необычного, я взял книги и отправился за Кара-Барсовым.

Между прочим, вот это ожидание чего-то, предвкушение, если так можно выразиться, внезапного чуда, в те дни было для меня самым обыденным чувством. И заводило оно порой далеко, слишком далеко – но только ли меня одного? Похоже, что и всю страну.

Мы с Иваном Сергеевичем вошли в его кабинет-кладовку. Я был здесь впервые, раньше только заглядывал сквозь неплотно притворенную дверь. А посмотреть было на что! Чуть ли не половину пятиметровой, не больше, комнаты занимал старинный, двухтумбовый письменный стол какого-то необычного, черного дерева. Стол был завален чуть ли не до потолка книгами, тетрадями, отдельными машинописными листами и переплетенными их кипами. «Самиздат», – подумал я с ощущением священного ужаса. Даже в эти чрезвычайно вегетарианские времена нас запросто могли арестовать прямо здесь. Но Кара-Барсов, этот священный безумец, этот Дионис с внешностью аскета, похоже, и в самом деле ничего не боялся!

Вдоль одной из стен до самого потолка высился примитивный металлический стеллаж, набитый классикой – разрозненными томами Пушкина, Салтыкова-Щедрина, того же Батюшкова. Плюс затертые до полной анонимности разноцветные бархатистые корешки той же «всемирки».

Кроме того, на стене висели, небрежно прикнопленные к выцветшим обоям, различные черно-белые и цветные географические виды. Некоторые я узнал – даже не места изображенные на них (все больше Греция, Рим, другие древние города именно в их исторической ипостаси – с развалинами и природой, в основном суровой, не изменившейся за тысячи лет). Знакомы мне были именно источники, которых в то время и в самом деле по пальцам легко было перечесть. Журнал «Курьер ЮНЕСКО», продававшийся во всех киосках, более дефицитная «Америка» – именно в них печатались такие высококачественные изображения. Плюс несколько фантазийных коллажей из «Знания-Силы», которым шероховатая и сероватая даже бумага придавала особенную стильность.

Имелась в «кабинете» также простенькая пластмассовая вешалка с виснущей на ней крытой, аэрофлотовского типа, курткой Кара-Барсова и жалкой кроличьей ушанкой. Впрочем, я тоже на свою искусственную шубу (к какому, любопытно, искусству она имела отношение?) внимания совершенно не обращал.

- Да, вот , – Иван Сергеевич обвел все это хозяйство каким-то неуверенным жестом руки (вообще, все его движения казались неуверенными потому, что они как бы повисали в воздухе, не дойдя до естественной точки, венчающей траектории). – Вот тут я и живу, именно живу, по сути… Да вы садитесь.

Я сел на расшатанный, сразу видно, казенный стул по одну сторону стола. Иван Сергеевич уселся по другую сторону, почти пропав из вида под бумажными горами. Впрочем, он тут же их безжалостно раздвинул, что вызвало настоящие обвалы. Ну да это, как видно, было здесь делом самым обычным.

- Итак, о чем же я хотел поговорить с вами? Вот о чем – о времени. Я конечно, видел, что вы мои слова слушаете с интересом, и особенно те места, когда я увлекаюсь. И как-то от темы занятия ухожу. Да, думаете, я этого не понимаю? Очень даже понимаю, но делаю почти сознательно… дух веет, где захочет, и не мне его сдерживать.

Тут он засмеялся, мелким таким, не слишком приятным смехом. Впрочем, я все равно смотрел на Кара-Барсова с обожанием. И он это вполне чувствовал, потому что следующий спич выдал, приободрившись, почти без запинки, в своем обычном лекционном тоне:

- Да, дух! Дух времени, вспомним Ницше! Вот о нем я и хочу поговорить. Понимаете ли вы, молодой человек, что надвигается? Какие страшные, буквально последние времена грядут? Думаю, едва ли. И даже вот как скажу – нет, не понимаете совсем! И мало кто понимает. Сейчас все говорят по сталинскую эпоху, но и тогда большинство боялись совсем не того, чего стоило бояться. А чего стоило? А? Чего, или, может быть, кого стоило, молодой человек?

Я честно ответил:

- Не знаю, Иван Сергеевич!

- И не беда, почти никто не знает. Я тоже не знал, учился, вел себя как попало, пока не открылись глаза. И как открылись! Не дай Бог никому! Вот послушайте рассказ, его мало кто знает, а должны знать все, чтобы беречься, чтобы учиться избегать губительного…

Из дальнейшего следовало, что с Кара-Барсовым в студенчестве произошел вот какой невероятный случай. Однажды, возвращаясь после занятий из библиотеки в общежитие, он приметил странную особенность тротуара нашего Главного Проспекта. А именно: тротуар шевелился. Причем все сильнее и сильнее, потом пошел трещинами и оттуда показался панцирный гребень синеватого цвета. То есть, стал виден, пусть всего лишь чуть-чуть, дракон, который, на самом-то деле, расположен подо всей планетой Земля.

- И я вдруг понял, – говорил Кара-Барсов, – что жить дальше невозможно, что это знание, вдруг, в одну секунду мне открывшееся, убьет меня, если я не избуду его, если просто не перехожу, как перехаживают, например, похмелье.

И поэтому он тут же отправился на электричку, чтобы затеряться, скрыться более всего от самого себя. Не сразу, но это ему удалось. Про дракона он так и не смог забыть, однако как-то с его существованием смирился. Более того, научился предсказывать события, делать выводы по крохам информации – и, прежде всего, по особому вздрагиванию, шевелению земной, то есть, драконьей утробы.

Несколько месяцев Кара-Барсов прожил на далекой заимке, в компании пятерых суровых мужиков, бывших уголовников, а ныне промысловиков

- Ну, – пояснил он, – они меня сначала обижали, и даже очень, а потом я притерпелся как-то и начал находить в общении с ними особую прелесть. Они стали в итоге слушаться меня, я им и «Илиаду» пересказывал, и погоду предсказывал… И непонятно, кстати, что было им любезнее и милее. Не исключаю, что Гомер.

Все бы ничего, но однажды они, его сожители, из-за чего-то поссорились, и виновным объявили Кара-Барсова.

- Я даже думаю, – скромно сказал Кара-Барсов, даже глаза потупив, – что они поссорились из-за меня. Из-за того, с кем мне…гм, беседовать в этот раз. А эти беседы, один на один, очень откровенные, на нерве, на интиме, были среди них очень, очень популярны! Слышали бы вы их – тут и исповедь, причем обоюдная, тут и слезы, и обещания, и объятья… Все смешивалось! Вот и решили, чтобы я не достался никому, вообще от меня избавиться. Это, если вдуматься, вполне в характере русского человека. Хотя бы «Стеньку Разина и княжну» вспомнить….

Кара-Барсов этим вечером увидел, как дракон высунул из горного распадка еще одну свою пластину, что было симптомом неминуемой трагедии. И когда ночью один из мужиков, которому выпал такой жребий, склонился над ним с топором («луна блеснула на его отточенном лезвии», – уточнил Иван Сергеевич), Кара-Барсов увернулся, выбежал в дверь, схватив заранее приготовленный узел с вещами, и был таков.

- Уцелел я, конечно, чудом, они запросто могли меня догнать, и тут уж ничего бы меня не спасло. Но, видимо, разругались из-за организации погони, могло и до драки дойти, народ-то все горячий, сильный…

Я слушал все это с широко открытым ртом, все никак не решаясь определиться. Или это был бред сумасшедшего, или, что вернее, просто притча, метафора… В последнем (в это, в это хотелось верить!) убедило меня еще больше резюме, которое Кара-Барсов вывел из всего рассказанного:

- А вот в эти дни я вновь, спустя много лет, чувствую дракона. Более того, я с ним могу общаться, телепатическим образом. Конечно, это не полноценное общение, я, скорее, просто слышу его мысли, считываю его намерения. И он понимает, что я его слышу, он чувствует меня, но не препятствует – да просто не верит, что я смогу. А я смогу! Я смогу предупредить всех о том, что грядет. Грядет величайшая катастрофа, как в древности писали, трус и мор, изменяющий пейзаж до неузнаваемости. Не тайгу, то есть, заменяющий на приморский пляж, но приморский пляж на лунный ландшафт. А еще хуже, будет всеобщий внутренний крах, тяжелое, беспросветное сиротство общества в целом. Никаких устоев, никакой веры, только злоба, холодный расчет и темнота. Вы мне верите?

Несколько напуганный его величественным тоном (он даже не сомневался, что я ему верю, он говорил это просто так, риторически), я кивнул. Но счел нужным уточнить:

- Это вы, Иван Сергеевич, перестройку в виду имеете?

Он горько ухмыльнулся:

- Если бы все так просто! Погибнет весь наш мир, все, к чему мы привыкли, чем дорожим… Это исчезнет, испарится, будет преданием, неясным для новых поколений… Произойдет это так: из всего как будто исчезнет костяк, скелет. Тела опадут на землю, как сдутые шарики. Государство будет напоминать гору отвратительного тряпья. Вы первые отвернетесь от него, а потом все отвернутся от вас – то есть, друг от друга. А потом пройдет время, придут новые люди. И вам, среди юрт, чумов, шалашей и вигвамов, никто не будет верить, что здесь стояло огромное здание, никто даже не сможет представить, как такое могло быть… Так же, как сейчас никто не верит мне и другим, знающим тайну… Дракон уже начал шевелиться! Смерть, смерть!

Далее он пригласил меня придти к нему сегодня вечером на заседание тайного клуба, где соберутся только свои. Заседание будет происходить в его малосемейке, начнется в восемь и в двенадцать ночи ровно, может быть, мы все услышим или даже увидим то, что слышит и видит сам Кара-Барсов… Напоследок же Иван Сергеевич, выйдя из-за своего стола, крепко обнял меня (для чего ему понадобилось встать на цыпочки) и поцеловал меня в губы. Причем поцелуй этот носил, прямо скажем не совсем дружеский характер – уж очень настойчив был кара-барсовский язык… Пошатываясь, я вышел из кабинета-кладовой.

От «Медвежонка» к «Победе»

Как убивали время в 1987 году. - Злачное место. – Что такое реализм. – Антисоветская пропаганда. – Почти смертельный трамвай. – Но что сказать родителям? - Нежданная встреча. – Киносчастье. - К черту Кара-Барсова!

Потрясенный, я пошел прочь. Ни о каких занятиях и думать не хотелось. Вкус умелого (это я понял и тогда!) языка Кара-Барсова меня преследовал. Причем я не знал, то ли сплюнуть или прополоскать рот купленным тут же чаем, или… Да уж, или…

На вечернее собрание, тем не менее, я твердо решил пойти. Было в нем что-то до того заманчивое, что даже словами трудно передать. Какая-то новая тайна могла тут открыться. А каково это – быть на расстоянии вытянутой руки от тайны, и не коснуться! Нет, это не по-галилеевски – гордо заключил я, натягивая свой кроличий треух.

Предстояло убить часов шесть-семь, но я к этому был совершенно привычен. Домой ехать не хотелось (полчаса в одну – полчаса в другую сторону, далеко – время пройдет совсем бесполезно). Имелся другой маршрут – сходить перекусить в пельменную, расположенную как раз через площадь от универа. Если не спеша, двойной порцией со сметаной, да компотом запить с булкой, да и очередь, кстати, всегда неприятная, но теперь в самый раз, – вот час и есть. Остается пять часов (в конце концов и до кара-барсовской берлоги ходьбы минут двадцать). Нужно обойти все книжные магазины, расположенные на пятачке Главной улицы, причем наискосок, зигзагом – «Подписные издания» – «Военная книга» – «Букинист» – «Пятый», уже на Круглой площади. Опять же, времени всегда не хватает, а нынче хватит с избытком. Даем на это два часа, как не больше. Вот уже три часа осталось! Их убъем в «Медвежонке», безалкогольном кафе, полном примерного того же народа, что и в универе. Только чувствовал себя этот народ там, под знаменитыми деревянными (резными) барельефами, изображающими потешные сцены из таежной жизни, еще более вольготно. Давным-давно никаких детишек в кафе не водилось, все больше неформалы да случайные командировочные, в ужасе убегающие, заслышав гитару, под которую в углу напевали «Гражданскую оборону» трое-четверо волосатых юношей. Наигрывали и напевали, да, но не очень громко, чтобы не привлечь внимание хозяйки этого места, тети Мани. Она возвышалась над стойкой, озирая

происходящее, она нещадно обсчитывала всех (на копейку-другую, конечно), но в случае чего могла те же пару копеек и простить. У нее были свои представления о порядке и справедливости, поэтому и тех же гитаристов она не гнала. Но как только они становились слышнее, следовала неминуемая и неотвратимая кара. Провинившийся нередко брался за шиворот потрепанной куртки самым натуральным образом, и выводился вон, прочь от деревянной стены (одной из трех, причем вторая была стеклянной, третью занимала стойка-витрина, а вместо отсутствующей четвертой была огромная арка, также обрамленная деревянной резьбой-орнаментом).

А и в самом деле, художник, резавший все это, был здорово пьян или настроен критически по отношению к советской действительности. Впрочем, мои друзья из «Улялюма» сказали бы, что вот он, реализм в его настоящем, откровенном виде. Какие страшные, почти босховские морды глядели на нас из первобытных хвощей (художник-то думал, что это добрые олени, медведи и лисы из молодых зарослей кедров и лиственниц)! Любимым делом посетителей «Медвежонка» было находить среди лесных страшилищ лица, похожие на знакомых, а больше на преподавателей. И точно, лось с неестественными рогами точь-в-точь напоминал нашего проректора по воспитательной работе, бывшего офицера, который однажды целый час отчитывал меня за пресловутую водолазку!

Здесь, за чашкой, или даже граненым стаканом мутного кофе (эстеты заказывали «двойной», но, право, разницы никакой не было) решались мировые проблемы, а также завязывались мелкие романы. Насчет первого у меня было все в порядке, тут мне был сам черт не брат, но вот насчет второго… В общем, я возлагал большие надежды на встреченную мною в артели Татьяну. Например, я был уверен, что стихотворение про шубку ей просто не может не понравиться. Конечно, она может не знать, кто такая Нюкта, у них в педе это, наверное, не проходят, но кто вообще сказал, что поэзия должна быть понятна?

Рассуждая таким образом, то есть, довольно воинственно, я не сразу заметил примечательную фигуру, вышагивавшую среди шарахающихся в сторону горожан по касательной к универу. А заметив ее (то есть, его), так поздно, я оказался лишен маневра – нужно было здороваться, что влекло за собой, увы, не слишком приятное общение.

Это был местный поэт Семен Петрович Карманов, «не член Союза Писателей», как гордо он представлялся всем. Семен Петрович практически нищенствовал (работал сторожем в детском саду), временами уходил в глубокий запой, но во все остальное время привлекал к себе уйму молодежи. Я потому-то и смутился, увидев его сейчас, что, во-первых, не пришел на позавчерашнее поэтическое собрание (в упомянутом «Медвежонке» – а потом на квартире у кого-то, кто жил поближе к центру и был свободен от родительской опеки, а то и в кармановском детсаде, тайком от начальства). Каким бы блаженным Семен Петрович не казался, но какие-то вещи он помнил очень четко. Например, кто был и что говорил на встрече, а также невероятное количество стихов наизусть. А во-вторых – я стал как-то стесняться появляться с Семеном Мэтровичем, как его звали между собой начинающие дарования. Конечно, вот он идет, пальто распахнуто, виден заношенный свитер какого-то неестественного полусинего-полузеленого цвета (наверное, жутко линючий в прошлом, а сейчас безразличный ко всяким воздействиям). На ногах – растоптанные сапоги. Но самое главное – длинные седые волосы и такая же борода, развивающаяся по ветру, ибо во все погоды, во все времена года Семен Петрович ходил без головного убора, а летом нередко еще и босиком – и это по Главной Улице! Был при этом он высок и статен, что, в сочетании с остальным, меня к нему и привлекло – так он был похож на джеклондоновского героя!

И все-таки, причина моего отторжения была иного свойства. Да, Семен Петрович некоторое время назад был моим кумиром, я многое от него взял – но сейчас-то в сердце моем был уже другой человек, другой пример для подражания – тот же полубезумный Кара-Барсов! Этот сорт полубезумия был мне сегодня ближе, неизвестно уж почему… Видимо, в силу свежести впечатления.

Я вздохнул и помахал Карманову рукой. Он подошел, и. как обычно, церемонно поклонился, подавая руку.

- Составите мне компанию, Галилей?

Ну что за манера эксплуатировать прозвища, данные в другой совершенно обстановке и среде! Это ведь он принципиально, он считает, что каждый может называться так, как захочет сам. Кто бы спорил, но слышать свое неформальное наименование от него, причем, как обычно, всегда на вы, было как-то неприятно.

Да, составлю, а куда, скажите, деваться? Впрочем, с точки зрения времяпрепровождения, времяистребления, вернее, – пожалуй. Я присоединился к нему (он был даже выше меня, что, вообще-то встречалось нечасто) и мы направились в противоположную от пельменной сторону. К так называемому «частному сектору», куда я, надо заметить, предпочитал не соваться даже в светлое время суток, а темнело в декабре рано, часам к четырем…

- Иду в баню к одному старому знакомому, – пояснил Семен Петрович, – большой души человек! Бывший моряк, потом сиделец, без политики, причем, не обшлось, хотя посадили за уголовку.

Да, забыл сказать, Карманов был ужасным антисоветчиком!

- И вот, выйдя с зоны, он неожиданно стал писать стихи. Очень простые, но с музычкой, знаете ли, с музычкой! Он их, кстати, под баян исполняет, весьма, весьма любопытно.

И тут же, по обыкновению, сменил тему.

- Думал я все последнее время над общедоступной схемой понимания поэзии, мы ее обсудили на кружке – жаль, жаль, что вас с нами не было, как говорил Вася Аксенов. Тоже невинно пострадавший от большевиков, между прочим, как и мать его…

- И что схема? – прервал я довольно невежливо, ибо это могло затянуться надолго.

- Да, так вот – я пришел кое к каким выводам. Поэт – этот тот, кто ищет новые названия обычным вещам. Причем эти названия следует понимать в двух смыслах, и в статичном, и в динамичном. Статичное – имя отдельного предмета. Тут начинаются сложности. Например, вместо слова «стул» вы будете говорить «улей». Кто вас поймет? Да почти никто, некоторые только, немногие. Это случай Хлебникова. А вот если изменить всю систему, когда улей будет, например, называться «стул», так же, как стул – «улей», вот тут открываются большие возможности новой динамики. Это

случай Мандельштама. Но, знаете ли, это только создание стихотворения, а в ходе понимания нужно проделать тот же процесс, только в обратном порядке, и желательно, с соблюдением полной авторской логики! Так что, как ни парадоксально, писать стихи легче, чем понимать их!

Вот, например…

И тут раздался страшный звон, я, заслушавшийся было Карманова на манер Одиссея, шарахнулся в сторону – а он величественно застыл на месте, откинув длинные седые волосы назад. Оказалось, что за разговорами мы пересекли Второй Проспект ровно наполовину, и там-то, на его средине, едва не попали под трамвай! Его тупая красная морда с мощным металлическим жалом замерла в трех шагах от Карманова. Из окна высунулась тетка в пуховом платке и телогрейке и орала на поэта, грозя ему кулаком в синей варежке. Еще немного – и мы погибли бы под колесами трамвая, с трудом взбиравшегося из-под горы и не видевшего нас. Уж точно день зимородка, повезло так повезло!

Весь дрожа, я взял Карманова под руку и, зорко глядя в обе стороны, перевел на другой берег проспекта. Ему же все было безразлично, его словно выключили в какой-то момент, а теперь включили, и он продолжил с той же ноты.

- Итак, примером может быть что угодно. Но вспомним самое известное, самое актуальное, может быть, в эти дни. Послушайте внимательно, вслушиваясь по-настоящему… Хотя для вас это непросто – неожиданно заключил он, строго глянув на меня.

Я только хмыкнул – ну что было взять с него! Своей почти подтрамвайной стойкостью, Карманов невольно вернул мне прежнее восхищение – но ненадолго, как и всегда!

Мы двинулись под горку, к тому самому частному сектору. Семен Петрович продолжал в невозмутимом тоне.

-Итак, слушаем…

Он возвел очи и указательный палец правой руки горе и начал, с легким, чисто поэтическим, подвыванием (опять же, начавшим раздражать меня в последнее время!):

- *Сидит извозчик, как на троне,*

Из ваты сделана броня,

И борода, как на иконе,

Лежит монетами звеня…

В этой микропоэме, неслучайно названной «Движение», Заболоцкий еще тот самый, еще настоящий – это потом его большевики погубили. Здесь и статика, и динамика и в физическом смысле и в том, о котором говорили мы недавно…

Дальше я его не слушал. Размышлял вот о чем: что же я скажу родителям, вернувшись от Кара-Барсова так поздно. То есть, это было даже не всей проблемой. Куда важнее получить от них увольнительную на Новый год. А Кара-Барсов, при всем при том, был мне никак не дороже, чем Таня – ну, и друзья-улялюмовцы. С другой стороны, и не ходить я как-то не мог, уж очень впечатлил меня сегодняшний рассказ. Так и казалось, что вот-вот сквозь растрескавшийся асфальт, покрытый тонкой ледяной коркой и чуть припорошенный снежком (эта зима вообще была на удивление мягкой, что тоже как-то неспроста!) вдруг проглянет жесткая, сивая чешуя драконьей спины. Меня даже передернуло от отвращения – но и от соблазна это увидеть…

Тем временем мы подошли к повороту направо, к узкой улице, змеящейся куда-то между скособоченных домишек и теряющейся там, далеко на берегах мелкой речушки, некогда бывшей широкой и полноводной, давшей, говорят, название нашему городу. Пахло дымом от топившихся печей и еще какой-то дрянью, свойственной частному сектору. То ли навозом, то ли выгребными ямами, то ли просто мусоркой.

К немалой моей радости, Карманов стал со мной церемонно прощаться.

- Вы подумайте о предмете нашей беседы. В ваших стихах есть многое, но осмысленности явно не хватает. Конечно, в них есть много смыслов, даже слишком много – но это смыслы наносные, поверхностные, только мешающие. Найдите один, но настоящий!

Я поспешно согласился и был таков, испытывая, однако, смутное чувство вины перед оставленным Кармановым.

Возвращаться к пельменной было просто нелепо, поэтому, решил я, начну с Круглой площади. Всего-то три остановки вверх (и в самом деле, вверх, в горку) на трамвае. Однако моим планам сбыться сегодня было решительно не суждено! Потому, что подходя к трамвайной остановке у кинотеатра «Победа» (по его названию именовался и престижный район кирпичных девятиэтажек, так странно примыкающий, буквально нависающий над деревянным лабиринтом, в котором затерялся Карманов) я увидел Таню, выходящую из магазина «Продукты» с пластиковым пакетом.

Минуту я еще колебался, но ноги сами, как говорится, продвинули меня в нужном направлении – и она узнала, улыбнулась (а я боялся, что не узнает!)..

Была она все в той же мутоновой длиннополой шубе, уже воспетой мною, так сказать, запечатленной в веках.

- Привет, – сказала она, подождав, пока я приближусь, причем каждый шаг давался мне все с большим трудом. – Привет, Галилей!

Она запомнила, как меня зовут! Это была, действительно, победа! И нужна ли, если вдуматься, другая? Овладение ей во всех смыслах? Тут же я обругал себя за слабость – вот именно, что нужна! И даже необходима!

- О, привет, Таня! – сказал я, с отвращением ощущая абсолютно излишнюю, просто идиотскую развязность, вообще, свойственную мне при разговоре с девушками, - Вот встреча так встреча!

- А что? – вполне резонно удивилась (и даже, думаю, насторожилась) она.

- Да ничего… Да просто рад видеть! – нашелся, и очень даже удачно, я.

Она улыбнулась в ответ.

- И я. Проводишь меня? Я тут недалеко, через дорогу живу. У нас там тоже есть булочная, но здесь почему-то хлеб всегда свежее. Нет-нет, что ты, я сама пакет понесу. Перестань, Галилей, ну что за дела, отдай сумку!

Тут уж я смутился и заткнулся, некоторое время молча плетясь рядом. Первой заговорила она:

- Ты в «Улялюм» давно ходишь?

Я ответил честно, так как просто не придумал, как можно ответить получше, повыгоднее для себя:

- Да нет, не очень. Вот сейчас что – декабрь? («Идиот ты, право!» - прокомментировал мой внутренний голос). Да, конечно… так я в апреле с Борисом познакомился, на поэтическом вечере в библиотеке. Так, знаешь, удачно прошло, всем понравилось, и Борис сам подошел, пригласил…

- А Антон? – перебила она меня.

Тут я вспомнил все Борисовы слова о ее неравнодушии к этому длинноволосому мошеннику – именно мошеннику, потому, что никаких работ я, по существу, у него не видел, да и не было их, сто процентов!

- Ну, Антон, – сухо сказал я, – что Антон? Мы с ним, в общем, мало знакомы. Он же все время где-то там, на вершинах…истину ищет. А здесь только пьет и медитирует.

- Много пьет? – участливо (а мне как ножом или тем самым антоновым шпателем, обещанным Борисом, по сердцу) спросила Лена.

- Много, - злобно сказал я.

Она, бедная, вздохнула.

- А у вас на инязе когда сессия? – поспешил я сменить тему.

- Да скоро, к сожалению… – рассеянно ответила она. – А у меня ничего не готово.

- Ну, у тебя не готово! – оживленно воскликнул я. – Знала бы ты, что у меня…

Ей, видно, было это не слишком интересно, однако надо было о чем-то говорить – я этим и занимался, до самого ее подъезда.

- Ну вот, – сказала она, улыбнувшись. – мы и пришли. Спасибо за провожанье.

Я неловко кивнул, пятясь прочь.

- Постой, – сказала она неожиданно, – знаешь, что-то не хочется мне дома сидеть. Давай в кино сходим? Согласен? Если ты меня здесь подождешь, можно в «Победу» сходить, там фильм какой-то французский.

Я все так же молча, кивал, как заведенный.

- Ну, вот и отлично!

Дверь подъезда за ней захлопнулась. Я остался, некоторое время, не меньше пяти, наверное, секунд – огромный, убийственно длинный промежуток! – кивать, словно болванчик из сказки Андерсена. Следующей мыслью было бежать, бежать немедленно! Кое-как справившись с этим порывом, я начал пересчитывать мелочь. На удивление, хватало. Тридцать пять да тридцать пять копеек за билеты, плюс по тридцать на мороженое (по безбожно завышенным буфетным ценам), да три плюс пять копеек (возвращение домой с пересадкой, трамвай плюс автобус) – итого рубль тридцать восемь, а в наличии рубль сорок. Ну, пельменная и кофе в «Медвежонке» подождут. А вот Кара-Барсов… С почти легким сердцем я вдруг решил его собранием пожертвовать. Ну, или перенести знакомство со священными тайнами на другое время. («И с его поцелуем» - опять заметил внутренний голос). Таня побеждала. И даже, по большому счету, почти без труда!

То есть, выстраивалась такая иерархия, такие три призовых места возникали в моей нынешней жизни – на последнем, а по другому говоря, почетном третьем месте Карманов, «серебро» у безумца Кара-Барсова, ну а золото у моей Нюкты.

Таня вышла в новой, красивой шапке, очень веселая, с маленькой красной сумочкой. Я справился со своим волнением и своей немотой и все пошло, как и должно было пойти. Долго она не соглашалась, чтобы я купил билеты, потом я чуть ли не силой заплатил и за мороженое... Мы болтали, сидя в фойе под большими, но довольно непохожими, портретами звезд, ровно ни о чем (что, между прочим, мне всегда представлялось почти недостижимой наукой!). О стихотворении, посвященном ей, я как-то не решился сказать, просто не было подходящего повода.

Ну, разве что, я узнал, что она очень иронично относится к индийскому кино, и очень хорошо – к новому советскому (которое я почти не знал). Сошлись на том, что французские фильмы лучше американских. Из актеров ей больше всего нравился Жерар Депардье. Благо, его-то я представлял себе неплохо, хотя сам был поклонником Бельмондо, бывало, еще в школе пробирался на запрещенные (вот уж дурацкие предосторожности!) для детей до шестнадцати боевики и комедии с его участием, вроде «Чудовища».

Фильм оказался так себе, ерундовая мелодрама, что лично меня нисколько не опечалило. Тем более, что Тане, кажется, понравилось.

Я проводил ее по знакомой уже дороге – и, разумеется, даже руки не пожал и о встрече не договорился. Мне даже этого и не нужно было, мне хватило уже самого похода в кино. Между прочим, раньше с девушками я туда и не заглядывал… Ну и потом я был уверен, что теперь-то встретимся, и встретимся непременно. Не в Улялюме, так в любой другой точке земли.

Как на крыльях, полетел домой. Про Кара-Барсова и его дракона я даже не вспомнил. Нет, неправда, вспомнил – но как-то мельком… Все-таки испугался я, вот что! А то ведь мог и успеть на собрание-то после сеанса… Нет, никаких компромиссов! Женщины главнее!

Да и какие там тайны-секреты могли меня привлечь, когда вот-вот со мной самим, я чувствовал, должен произойти известный, но таинственный обряд! По праве говоря, чувствовал я это уже достаточно давно, однако *оно* все никак не наступало.

ДЛЯ УМНЫХ

Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ ►

▼ ЭТИКА И ПОЭТИКА (статья)

Алёне Каримовой – с любовью и благодарностью

1990 – 2000-е годы примечательны тем, что за это время появилось, выросло и ушло целое поколение поэтов, которых никто не знает. Это хорошо в том смысле, что позволяет при разговоре о поэзии отбросить социальное измерение и попробовать сосредоточиться собственно на предмете. Но вот закавыка: если разговор действительно серьёзный, избежать имён всё равно не удаётся, – они неизбежно присутствуют на сцене, как тень отца Гамлета, хотя бы даже в качестве фигур умолчания. Каждое имя неизбежно обозначает человека – живого или бывшего когда-то живым, то есть слишком «человечного» для того, чтобы о нём можно было говорить как об абстрактной величине… Но в наброске моём, посвящённом нескольким штрихам коллективного портрета российского поэтического племени, нет ни злости, ни пристрастия, а только нежное сочувствие, ибо, как говаривал на склоне лет один известный грузинский поэт, «других писателей у меня для вас нет, – работайте с теми, какие есть».

О вреде пьянства

Однажды, по случаю открытия мемориальной доски некому ВПЗР местного значения, отравившемуся палёной водкой во время очередного запоя, был дан обед, где убелённые сединами литераторы делились легендарными за давностью лет воспоминаниями о покойном. Меня допустили в эту святую святых не по чину: я был самый молодой и самый непьющий. Когда перешли с темы печальной на более общие, дёрнул меня чёрт (у чёрта есть имя и фамилия, о коих умолчим) рассказать любимый анекдот про разницу между русским и советским интеллигентами: «Русский интеллигент досиня выбрит, слегка пьян и знает всё от Баха до Фейербаха. Советский интеллигент слегка побрит, досиня пьян и знает всё от Эдиты Пьехи до “иди ты на х..”». Сперва за столом воцарилось молчание, а потом бухой мэтр, принявший на свой счёт слова сей беззлобной шутки, рассчитанной на понимающую улыбку коллег, пригрозил прилюдной расправой с подрастающей сменой, если в виду имели именно его. Мэтр не успокаивался до тех пор, пока более рассудительные и более трезвые товарищи не умиротворили его словами о том, что, разумеется, его не имели… Конечно, это было нетактично с моей стороны, но именно так я впервые наступил на больную мозоль тех, кто называет себя поэтами.

Как известно, человек есть то, что остаётся от него в результате последовательного вычитания внешних атрибутов благополучия. И с разночинских времён «золотого» XIX века бытует стереотип, что талантливый поэт – непременно несчастный безумец, инок либо юродивый, отдавший всего себя без остатка служению музе, народу и человечеству. А ещё лучше, если он жил впроголодь, нещадно пил горькую и умер где-нибудь под забором – тогда точно поэт.

Не будем сейчас рассуждать о причинах, просто зафиксируем «идеальный тип» русского поэта, который сложился и утвердился в общественном сознании так успешно, что, в свою очередь, сам стал плодить новых поэтов по образу своему и подобию, со временем превращая «юношу бледного со взором горящим» в сорокалетнего, плохо побритого мужика с отвисшим брюшком и в сланцах на босу ногу, от которого несёт перегаром. В конце концов страшное заблуждение привело к тому, что многие в поэзии начали не с того: скольких талантливых мальчиков этот стереотип подвёл к мысли, что быть поэтом – значит пуститься во все тяжкие, толкнул на то, чтобы играть поэта, а не быть им… Нормой стало многажды воспетое социально-душевное нездоровье, алкогольно-психическая дисфункция, – хотя, кажется, логичнее, чтобы поэт был как раз состоявшимся и благополучным человеком. Именно потому, что обязан служить своему дару долго и плодотворно, а не взирать «на современность из-под столика», ибо, как показывает практика, ничего интересного из такой гражданской позиции увидеть просто не удаётся.

О среде обитания и правилах игры

В своё время я довольно неплохо играл в шахматы, особенно против сильных соперников (слабым отчего-то проигрывал). Поскольку врождённого таланта не было, результаты страдали нестабильностью, а подготовка требовала большого количества времени, которого у меня тоже не было, пришлось оставить эту игру – мою первую любовь. Однако до сих пор вспоминаю шахматы с благодарностью, ибо несколько раз в жизни испытал за доской настоящее вдохновение. Мне бы и в голову не пришло обижаться на свою неодарённость: ну, не дано – что ж тут поделаешь?.. То же самое касается математики и музыки: таланта не было, а любовь и понимание – были. Я любил шахматы, музыку и математику бескорыстно. Я не мог в них создать ничего своего, зато мог наслаждаться красотой чужих комбинаций, созвучий и формул…

Казалось бы, это общее правило для любой области человеческой деятельности: невозможно быть специалистом и мастером во всём, зато можно любить многое. Именно поэтому мне всегда была непонятна графомания – безответная любовь к литературе, переходящая в активное домогательство объекта обожания.

Пишут многие (слава всеобщему – пока ещё – среднему – пока ещё – образованию). В отличие от той же математики, здесь слаб естественный ограничитель. Хорошо это или нет? Хорошо, ибо повышает вероятность

того, что естественная выбраковка оставит действительно что-то ценное и важное: много званых, но мало избранных. Странности начинаются лишь тогда, когда естественный отбор незаметно подменяется отбором искусственным, более того – искусственный как раз и объявляется естественным. Критик, редактор, член жюри, издатель – кто все эти люди, по умолчанию считающиеся «санитарами леса»? Количество встретившихся мне «санитаров», собственный вклад которых в литературу я готов оценить достаточно высоко, поддаётся исчислению на пальцах одной руки. Возникает крамольный вопрос: кого же в таком случае могут поднять на щит люди, озабоченные главным образом литературным процессом, а не литературным результатом? Правильный ответ: кого могут, того и поднимают. А между тем литература, и в особенности поэзия, есть не социальный лифт, а скорее социальный люфт – между автором и «другими»; это искусство немногих для немногих, причём не так уж и важно, кто окажется во вторых «немногих»: доярка и академик, рабочий и олигарх равны в своём праве наслаждаться произведениями искусства (по крайней мере, я бы хотел на это надеяться). Не будем также забывать, что социальные институты образования и культуры способны «ловить сигнал» в весьма ограниченном диапазоне: они не воспринимают ничего не только ниже, но и выше определённого уровня (вспомним Эйнштейна, получавшего в школе «двойки» по физике). В случае же с поэзией всё ещё сложнее: начиная с некоторого момента ожидание того, чтобы тебе за стишок поставили «пятёрку», становится необратимым путём в тупик.

Таким образом, социальный успех художника становится побочным, совсем необязательным следствием выполнения главной его задачи. Понимать это надо прежде всего для того, чтобы не питать иллюзий и не ставить перед собой в дальнейшем ложных альтернатив.

Художник всегда одинок, но никогда не единичен. Литература – биогеоценоз, наподобие леса: в каждый момент времени в нём сосуществуют деревья до небес, подлесок, кустарник, трава. К ней неприменимы спортивные аналогии: сравнивать ежевичный куст и сосну, сладкое и высокое невозможно. Когда мне называют Поэта № 1, я прошу огласить весь рейтинг-лист и раскрыть секретный критерий классификации. В ответ я обычно получаю неодобрительное молчание… Но когда проходит время гениев, наступает эпоха чемпионов, поэтому люди, называющие себя поэтами, часто напоминают охотника из «Обыкновенного чуда», который вместо того, чтобы убить сотого медведя, с остервенением борется за звание «Лучший охотник».

Конечно, смешно требовать соблюдения правил, которых никто не знает, но беда в том, что правила-то в данном случае как раз есть: главными из тех, которыми руководствуются «игроки», являются (1) табу на личное, то есть некорпоративное, мнение и (2) табу на правду как она есть, – и зачастую (1) и (2) совпадают. Как следствие вывернутой наизнанку нормы, приветствуются лизоблюдство, заспинные сплетни и имитация откровенности (как ни странно, всё это главным образом у лиц мужского гендера). Собственно, следовало бы всерьёз заняться социологией субкультуры литераторов: по крайней мере, такого рода научных исследований я ещё не встречал, и они обещают много интересного. Хотя, кажется, и без них ясно: если правда порочит чьи-то честь и достоинство, значит, у этого кого-то нет, а может, и не было никогда ни первого, ни второго.

Впрочем, грядущий хам давно грянул, просто публика этого не заметила, ибо нет уже разницы между «теми, кто» и «теми, кому». Нам объяснили: автор умер. Да и зачем она, разница? Мы и так живём в эпоху латентной поэзии: ей просто-таки пропитаны все поры социальной жизни, она буквально витает в воздухе, – даже незаполненную анкету на загранпаспорт я уже не могу читать иначе как образчик какой-нибудь «новой искренности»… Поэзия не относится к жанру массовых увеселений? Чего же проще! И вот уже группа поэтов-передвижников широкого профиля и узкого анфаса окультуривает города нашей необъятной родины, вот уже на представления сбегаются местные графоманы и прыщавые девочки, вот уже поэтам наливают что-то в пластиковые стаканчики, и они, всё более и более вдохновляясь, читают нараспев дрожащими голосами, прикрывая в экстазе глаза… Впрочем, даже это в двадцать раз лучше, чем ничего. Да и слово «овация» происходит от латинского «ovum» – «яйцо», так что забрасывание тухлыми яйцами, буде такое случится, – тоже своего рода овация.

Между попсой и поэзией, однако, существует как минимум одно принципиальное различие, пролегающее в изначальной мотивации. Поэзия на сегодня – чуть ли не единственное искусство, которым человек занимается исключительно потому, что ему хочется заниматься этим искусством, а не потому, что ему за это заплатят. Потому что, скорее всего, не заплатят. Поэзия принципиально способна существовать как артефакт и вне сферы обмена (читай – рынка). Но откуда же тогда в этой области, призванной стать ареной торжества человеческого духа, столь гнилостная атмосфера? Все пьют из одного источника, а вкус воды разный; с какой стороны ни обходишь помойку, она с любой пахнет одинаково…

Дело, видимо, в том, что в поэзии, как и в математике комплексных чисел, неизбежно – сплошь и рядом – присутствуют действительные и мнимые величины. Ведь чтобы запускать фейерверки и заниматься банкетным чёсом, поэтом быть не надо, – это скорее избыточное условие: «Мы артисты, наше место в буфете…» Вот только система координат, каковой является литература, предполагает неповторимый набор этих самых координат для каждой из нанесённых точек – в качестве подтверждения реальности её существования. Поэтому приходится – по возможности – себя *отграничивать*. Чтобы «шумы» не мешали, приходится учиться от многого отказываться и многое презирать. (Мне, к примеру, повезло: моим учителем презрения был Иван Алексеевич Бунин, – если кто понимает, о чём речь.)

Это сильно осложняет жизнь, но число врагов у человека всегда находится в прямой зависимости от его независимости. Гениальный Карл Густав Юнг утверждал, что противостоять массе может только тот, кто в своей индивидуальности организован точно так же, как масса. Если под массой понимать какое-либо специализированное сообщество либо даже общество в целом, то оно непременно зиждется на жёсткой иерархии авторитетов. Следовательно, только наличие в человеке собственной внутренней иерархии оценок и ценностей делает его самодостаточным, а в поступках и суждениях свободным становится лишь тот, кто понимает: что бы он ни сказал, что бы ни сделал, о нём всё равно подумают плохо.

Об учителях

В древне-греческо-римские времена знать иногда брала в дом на воспитание мальчиков, обучая их философии, наукам, риторике, вводя в другие благородные дома, щедро делясь связями в высшем свете, – в общем, делала из них образованных и востребованных людей. За это мальчики, благоговеющие перед благодетелями, расплачивались – всего-то навсего – своим телом. Мальчики достигали социального успеха, сами становились хозяевами жизни – а потом история повторялась. Это было в порядке вещей.

Нечто подобное происходит и в современной русской поэзии, если понимать её как социальный институт (а псевдо- и полуталантам она нужна именно и прежде всего как социальный институт), с той лишь поправкой, что молодые стихотворцы в основном расплачиваются не столько телом, сколько душой, пусть и «по любви».

Литературная педерастия сама по себе не страшна, но когда она навязчива и агрессивна, требуя к себе уважения и священного трепета от тех, кому безразлична и противна, то становится невыносимой. Тем более что никакие связи, как известно, не помогут сделать большую ножку маленькой. Поэтому не «ложиться» под мастеров, не становиться «подмастерьями» – вот категорический императив для пробующего голос литератора. Надежда на то, что именно мэтры выпишут вам пропуск в литературу, безосновательна: туда входят только без спросу, да и – откроем страшный секрет полишинеля – сами они там на птичьих правах, даже если уже успели об этом забыть. В литературе возможно лишь дистанционно-заочное образование. К тому же у хорошего учителя не всегда бывают хорошие ученики, в то время как у хорошего ученика всегда хорошие учителя.

К сожалению или к счастью, талант и харизма мастера не передаются, подобно благодати, ни через рукопожатие в гардеробной, ни даже через совместное распитие «огненной воды». В противном случае вы станете «мастером» (по статусу, но не по существу, разумеется), лишь когда отомрёт «верхний слой». А что может быть унизительнее, чем проходить в «преемниках» всю жизнь, чтобы в один прекрасный день («Когда же чёрт возьмёт тебя…») оказаться «мастером» по выслуге лет?

Можно питать или не питать уважение к мэтрам, но пишущий человек становится самостоятелен ровно в тот момент, когда осознаёт: все, кого он застал на шапочном разборе в прихожей, сейчас выйдут и больше никогда уже не вернутся. И не погладят по головке. И не черкнут рекомендательной записочки. И не поднимут рюмку «за молодого коллегу». И единственное, что ты можешь сделать для себя и для них, – это вежливо с ними попрощаться.

(На память приходит анекдот, – девушка спрашивает у врача: «Доктор, что нужно делать, чтобы точно не забеременеть?» – «Пейте, деточка, зелёный чай». – «До этого или после этого?» – «Вместо этого». Так и стихи, видимо, не должны быть «после Бродского» или «после Гандлевского», – они должны быть вместо Бродского, вместо Гандлевского… Вместо всего.)

Представьте, что случилась ядерная война и никого не осталось: ни сорокалетних «молодых поэтов», подвизающихся в баре, ни культуртрегеров, имитирующих бурную деятельность по организации «литературного процесса» (как будто можно организовать течение реки, прогуливаясь по берегу), ни критиков, которые ненавидят писать рецензии и уже потому – героев своих рецензий, ни главного редактора толстого журнала «Новый современникъ», которому уже вконец осточертела литература, – никого, кроме вас. Не осталось ни книг, сгоревших в пожарах, ни обесточенного Интернета. И никто никогда не прочтёт ваших стихов при вашей жизни: вы можете писать разве что «во тьму веков». И ваши тексты, таким образом, – единственный уцелевший артефакт, по которому гипотетические потомки будут судить о духовной культуре вашего времени и вообще о том, что такое поэзия… Антиутопия, согласен. Но боюсь, лишь когда возникает этот почти невыносимый эффект самодостаточности текста, которому автор уже не нужен, тогда то, чем мы занимаемся, приобретает хоть какой-то смысл, кроме самого получения удовольствия от писания.

О мифах, гениях и злодействах

Все поэты удивительно похожи на брошенных любовниц: людей с чувством собственного достоинства (подчёркиваю: не с гонором, тщеславием и снобизмом – именно с чувством собственного достоинства) среди них почти не встречается. Большие имена давно стали мифами, не имеющими почти ничего общего с теми, кто под ними жил и творил, а пьедестал любого памятника, как известно, – всего лишь куча окаменевшего дерьма.

Словосочетания «русский поэт», «русский писатель» всегда носили в нашей стране по преимуществу не функциональный характер («человек, пишущий по-русски стихи или прозу»), а ценностный оттенок: «властитель дум», «инженер человеческих душ». Подобно тому как «интеллигенция» у нас была не просто совокупностью людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом, а «солью земли русской», обладательницей «особых нравственных качеств». Таких качеств, которые, к примеру, не позволяли некоторым подписывать расстрельных писем ни в 37-м, ни в 93-м.

Конечно, не каждому даны умение и решимость убивать конкретных людей ради абстрактных идеалов, но если вы думаете, что на вопрос «Почему ты сделал подлость?» будет достаточно ответить: «Я только делал как все», то вы крупно ошибаетесь, – такой ответ не засчитывается. Поэтому, когда великий бард слабеющей рукой выводит предсмертные строки, посвящённые «величайшему реформатору всех времён и народов», он подписывает отречение от самого себя… Пример иного порядка – гениальный графоман-лауреат, житие которого (не реальную жизнь, а именно житие) вполне можно взять за образец «юноше, думающему, делать жизнь с кого» и пока ещё не осознавшему до конца, что мужество – это не потасовка в баре «Липок» или даже в буфете ЦДЛ, а умение ставить свои принципы выше своих интересов.

Впрочем, любой антимиф ничуть не лучше и не хуже самого мифа: его главный недостаток и одновременно достоинство в том, что он тоже имеет право на существование.

Впрочем, мы с вами обречены на вечный миф, ибо живём в стране, где все и всегда кем-то и чем-то притворяются: мерзавцы – либералами, воры – государственниками, гопники – патриотами, тусовщики – деятелями культуры, алкоголики – поэтами, юрисконсульты – президентами, а сама страна – великой державой. Какой бы вышел конфуз, если бы всё однажды стали называть своими именами…

Впрочем, речь совсем не об этом, а о том, что время от времени вспоминать поучительные истории из жизни покойников полезно, перемывать же им кости не то чтобы плохо или неприлично, а скорее бессмысленно: во-первых, мёртвые – самые хладнокровные люди на свете, а во-вторых, свою-то жизнь они уже прожили, и ни лучше, ни хуже им уже не стать, потому как человек всегда умирает вовремя… Во всяком случае, делать это – то же самое, что палить из воробьёв по Пушкину.

Впрочем, надо просто помнить, что человек, как бы он ни менялся, всегда равен самому себе, поэзия же всегда предполагает неравенство: она либо больше твоей жизни, либо меньше. И с этим тоже приходится считаться.

2009 – 2010

Иван КУДРЯШОВ ►

▼ ЖИЗНЬ, НЕ ТРЕБУЮЩАЯ БИОГРАФИИ: БЭНКСИ КАК ГОЛОС МОЛОДОГО ПРОЛЕТАРИАТА (статья)

> Мы вправе развлекать себя как угодно - звуками, формами, цветами, шумами;
>
> но все это - та прекрасная чушь, которую мы осознанно любим и изготовляем, есть чудовищная ирония, как и сама жизнь; точная техника окончательно постигнутой бессмыслицы как смысла мира.
>
> Рауль Хаусманн. Немецкий обыватель сердится

Совсем недавно в свободном доступе появился фильм «Выход через сувенирную лавку», режиссером которого заявлен Бэнкси. Фильм довольно ироничен, а мораль истории ставит нетривиальные проблемы о творчестве и движении стрит-арт. Но вообще сама фигура Бэнкси заставила меня задуматься о чем-то много большем, чем он и его творчество.

Много ли мы знаем о Бэнкси? – А надо ли знать о нем, когда нам известны его работы и можно судить о том, какой эффект они имеют? На мой взгляд, характеристики данной журналистом из Guardian вполне достаточно: «28-летний парень в джинсах и футболке, с серебряным зубом, серебряной цепочкой и одной серебряной серьгой». Т.е. этот парень вообще-то просто парень, а не какой-то небожитель.

Но у него есть талант, а что еще более важно, он знает к чему его приложить. В самом деле, ни одна критика не отнимет у Бэнкси двух вещей: во-первых, он чертовски остроумен, и, во-вторых, ему есть что сказать. Поэтому не удивляйтесь тому, что в тексте будет очень много цитат, они и правда, хороши. Недаром искушённые британские интеллектуалы все чаще обсуждают Бэнкси и называют его то «одарённым вандалом», то «уличным философом», то «Усамой стрит-арта». Я уважаю этого чувака и по большому счету солидарен с его идеями.

Конечно, всегда найдется тот, кто и мне, и вам тут же объяснит, что художественной ценности в нем на грош, а социальной угрозы на три Карибских кризиса, и еще добавит, что все это уже было и придумано до него. Однако ж я не спешу списать свой живой отклик в недоразумения, поэтому думаю сам. Является ли творчество Бэнкси вандализмом, нигилизмом, экзистенциализмом, постмодернизмом или еще каким «-измом»? Единственный достойный ответ: Бэнкси – это арт-терроризм. Это определение нужно понимать буквально: речь не об искусстве, претендующем на роль чего-то радикального, а о прямых актах (ответного) насилия в сфере искусства и образов. Я здесь понимаю терроризм в его классическом противопоставлении террору*. Арт-терроризм Бэнкси – это ответ на террор массмедиа.

* Террор – это применение силы или угроза её применения сильнейшей стороной по отношению к слабой, в то время как ответная реакция обычно квалифицируется как терроризм.

Первая заслуга этого художника в том, что он показал реальность творчества, ибо в его случае оно настолько реально, насколько наказуемо. Любую реальность мы проверяем собственной шкурой: художник, которому грозит срок и перспектива отмывать со стен свое художество или автор, которому за высказывания обещают сломать нос или выгнать с работы – всегда говорят БОЛЬШЕ. Для убедительности a bit of statistic: в Объединенном королевстве ежегодно на закрашивание такого рода «художеств» тратится 27 миллионов бюджетных фунтов, а пойманному за руку творцу грозит до десяти лет лишения свободы. Поэтому не только сами принты и стенсилы, а все его поведение подчинено задачам – скрываться, дезинформировать, работать быстро, уходить в тень. Очевидно, такое искусство что-то потеряет, если будет твориться в студии.

Современные постмодернистские хепенинги и перфомансы – это в лучшем случае запланированный эксцесс в огороженном тупичке, дабы никого не забрызгать, в то время как стрит-арт – это художественная герилья на улицах города. Стрит-арт в каком-то смысле преодолел проблему авангарда: его воинствующие предшественники – дадаисты, ситуационисты* и акционисты все еще элитарны, рассчитаны на рафинированного собеседника. Бэнкси и другие райтеры обратились к простым формам экспрессии: подобно

воплю, мату, протесту – они в первую очередь попросту искренне выражают себя. Граффити вообще удивительный способ самовыражения, ведь он по сути возникает из естественного стремления оставить след, отметить территорию (написать «я тут был» или «А любит Б»). Однако граффити несет в себе мощный потенциал: к примеру, создание своего уникального стиля написания букв – это серьезная диверсия в отчужденную сферу языка. К тому же спрей-арт может быть как сложным и детализированным, так и подчеркивать чистую экспресиию тела и эмоций. Уличное искусство вне зависимости от техники представляется как более или менее удачный сплав плакатной формы и индивидуального содержания. Само же содержание может варьироваться от социально-политической тематики до сугубо экзистенциальных состояний. В стрит-арт поэтому так важна серийность и узнаваемость: единственный способ сохранить диалог с другими – это сохранить свое Я. Причем, это диалог с целью поддержания возможности диалога, диалог не на понимание, а на реакцию. И реакция может быть самая разная, от игнора и вплоть до нарушения закона. Но почему бы и нет?

* Ситуационисты – художественно-политическое течение середины XX века, последователи которого интересовались теоретическими и практическими проблемами урбанизма. Они считали своей задачей изменение среды обитания, а под такой средой они однозначно понимали современный город

Вообще Бэнкси любят обвинять, что вполне логично, ведь настоящее искусство должно задевать. Например, после выставки «Turf War» (где он разрисовал животных) многие слезливые любители зверюшек начали устраивать протесты и винить его в плохом обращении с животными. Это забавно, если учесть что он сделал для защиты животных больше, чем вся эта свора зеленых пацифистов. Я так и вижу, как он нежно наносит детский грим на кожу слона (а она не нежнее даже кожи взрослого), а потом какие-то сердобольные чучела кричат свое «Распни!».

А вот некие именитые чистюли Питер Гибсон и Диана Шекспир обвиняют Бэнкси в вандализме и его пропаганде. Они под вандализмом понимают осквернение общественных мест и порчу имущества. Осквернение здесь – выражения и рисунки оскорбительного или непристойного характера. Любой юрист пояснит вам: «шутливая надпись или рисунок на стене обычного дома не должны рассматриваться как уголовно наказуемое деяние». Полагаю, если некоторые вообще не ощущают разницу между иронией или сатирой и оскорблением, то это вовсе не значит, что ее нет. Что же касается пропаганды, то любая форма известности – это пропаганда, и с этим следует смириться. Ну, или следуя этой логике, преследовать всех известных людей за любое высказывание не в пользу закона и порядка. Вообще, я не вижу ничего плохого в том, чтобы разрисовать к чертям все стены в городе – это не только чья-то собственность, это общественное место, то, что мы видим каждый день и уже поэтому оно нас касается. А как показывает практика: сами граждане совсем не против того, чтобы рисунки оживили серые стены – как например, в Бристоле городской совет провел референдум «закрасить или сохранить рисунок Бэнкси на клинике сексуальных проблем» и 97% пожелали сохранить.

Бэнкси как-то заявил, что хочет вернуть истинный смысл слову «вандализм». И в самом деле, мы уже не мыслим ничего дальше УК. Но на самом деле, искусство требует чтобы культура перестала быть священной коровой, искусство требует разрушения и открытости, а не затхлой атмосферы неприкасаемости того, что попало в канон или привычку. Речь конечно не об идеологическом вандализме, а о десакрализации искусства, что включает себя вандализм как творческий акт.

Искусство уже в начале XX века столкнулось с дилеммой: «Жизнь или Музей», а в наши дни за счет коммерциализации искусства она превратилась в «Твори, или Продайся!». Проблема вовсе не в музее, а в том, что он служит в роли Церкви, в которой решают принадлежишь ты к искусству или нет. Современность к этой проблеме ничего не добавила. Вот, к примеру, Борис Гройс, защищая художественный музей, пишет: «Произведение искусства (…) начинает испытывать потребность в музейной контекстуализации и в музейной защите. В наше время музей и есть последнее средство отличать искусство от неискусства». Боюсь, Гройс в своем желании сказать нечто оригинальное совсем забыл, что искусство не нуждается в том, чтобы кто-то его отличал от неискусства. Это нужно только тем, кто хочет что-то получить с искусства – денег, славы, власти. Но само по себе искусство никому не обещает этих плюшек.

По сути, стрит-арт можно рассматривать как еще одну попытку реализации дадаистского потенциала. Для Дада задача состояла в том, чтобы восстановить глубоко жизненный и в каком-то смысле философский импульс в искусстве: возродить присущую ему волю к Истине. И для этого необходимо было отсечь бесполезные наросты попсовой эстетики, манерности и далекого от жизни суетного тщеславия. Бэнкси мыслит открытостью – улиц, стен, форм и способов самовыражения, доступов и прав. Он терпеть не может все эти бесконечные обертки и коробочки, в которые нас засовывают. Пожалуй, можно назвать программным такое его заявление: Думай извне коробки, разрушай коробку и разрежь ее к чертям (Think from outside the box, collapse the box and take a fucking knife to it). Искусство для него – не зрелище и не прохладительный вояж («Когда вы идете в арт галерею – вы просто турист, осматривающий трофеи нескольких миллионеров»).

Художники стрит-арта живут в ритме города всецело отдаваясь своему искусству. Это урбанистическое искусство, но в парадоксальной ситуации – в ситуации необходимости вернуть себе город и его улицы. В Великобритании эта идея особенно сильна: существует целое движение RTS (аббревиатура от фразы «Вернуть себе улицы»). Как точно отмечает Наоми Кляйн: «одна из насмешек нашего века: теперь, когда уличное пространство стало самым ходовым товаром в рекламном бизнесе, сама уличная культура оказалась в осаде». В самом деле, от Нью-Йорка до Лондона власти и полиция ополчились на граффити, на самодельные плакаты и пикеты, на попрошаек, на тротуарных художников, на моющих стекла детишек, на стихийное «садоводство» и на уличных торговцев, приводя к криминализации всего, что

относится к самобытной уличной жизни большого города. Поэтому стрит-арт все больше похож на партизанские вылазки. Отсюда и внутренняя прагматика составляющая значимую часть эстетики стрит-арт. Бэнкси использует в основном трафареты (иногда скульптуры, холсты), другие авторы рисуют баллончиком от руки, а также используют стикеры, постеры и технику скретч. Трафарет (или стенсил) – это техника, но техника – часть произведения и важная компонента авторства. Серийность – одновременно и вынужденный шаг (быстрый рисунок = снижение риска быть пойманным), и актуальная подрывная форма. Успешность бренда строится на унификации и повторяемости, поэтому лучше всего подорвать его успех с помощью своего рода контр-серии «внутри бренда» (т.е. используя узнаваемость бренда в другом контексте). Кстати, идею использования искусства не только как политического средства, но и как прагматического орудия еще в 1994 году* предложил один из лидеров движения RTS Джордан.

* В 1994 году движение RTS сформировалось во время защиты от сноса улицы Клермонт-роуд. В качестве защиты в выселенных домах создавались нелегальные выставки, а на улицах устраивались выступления и арт-баррикады в виде цветников и инсталляций современного искусства.

В этом плане, творчество стрит-арт – это только одна сторона все более широкого движения против брендов. Наоми Кляйн в «No Logo» уже предприняла попытку показать «почему некоторые известные и уважаемые компании становятся объектами открытой ненависти миллионов людей, которые выходят на улицы, пытаясь изменить мировой порядок и сделать его более справедливым». Суть проста: бренды присвоили то, что никто им не отдавал, и даже не спрашивали на то разрешения граждан.

Бэнкси по его собственному признанию взял баллончик с краской чтобы вернуть этот мир, «присвоить» его себе обратно. Еще сильнее выразилась граффити-райтер Сандра «Lady Pink» Fabara: «мы не кучка педиков. Художников всегда считали вялыми и спокойными, немного свихнувшимися. Мы в этом смысле больше похожи на пиратов. Мы защищаем свою территорию. И где бы ни рисовали, мы свирепо защищаем свои места».

В городе полно надписей и знаков, которые указывают что

делать, а также рекламы, которая навяливает свои однообразные сообщения, поэтому Бэнкси всегда считал, что у него тоже есть полное право сказать что-то. В книге «Прекрати это!» он в доступной форме объяснил свою логику:

К черту это. Любая реклама в общественном месте, которая не дает тебе выбор смотреть или нет – твоя. Ты можешь брать ее, переделывать и использовать по-своему. Спрашивать разрешения тут подобно просьбе оставить у себя камень, который кто-то кинул тебе в голову.

Ты не должен компаниям ничего. Больше чем ничего, ты не должен даже оказывать им почтения. Они тебе должны. Они переделали мир, поставив себя перед тобой. Они никогда не спрашивали твоего разрешения, поэтому никогда не спрашивай их.

С этой экономической логикой присвоения права распоряжаться миром в наши дни многие не согласны. А логика, против которой выступают многие – это логика, которой придется измениться, ведь даже чертовски разогнанный велосипед не будет ехать вечно, если мы откажемся крутить его педали.

Первый удар должен быть нанесен по рекламе, по брендам корпораций. Бэнкси очень точно заметил, что реклама не просто съедает наше пространство и замусоривает сознание, она также поглощает тех, кто наиболее опасен: «В рекламе я ненавижу больше всего то, что она привлекает всех наиболее ярких, творческих и амбициозных молодых людей… Никогда еще в истории человечества не было использовано так много чтобы сделать так мало».

Но не только Бэнкси занят борьбой с рекламой, во многих городах Европы и Америки уже два десятилетия развивается течение, название которого можно перевести как «глушение культуры» или «рекламоборчество». Корпорации сами пополняют ряды активистов и сочувствующих – бесцеремонно увольняя работников, агрессивно насаждая свои сообщения. Однако под влиянием теоретиков массовой информации все больше людей осознают, что можно противопоставить корпоративной колонизации их жизненных пространств. По словам Наоми Кляйн эти люди сегодня «пишут теорию на улицах, в буквальном смысле слова разрушая корпоративную культуру с помощью несмываемого маркера и ведра с клейстером». В самом деле, разве не должны были люди при всей озабоченности экологией вокруг однажды задуматься, что реклама – это чудовищный поток мусора в нашей ментальной среде? Не даром с присущей ему проницательностью Бэнкси пишет: «Нам не нужны больше герои, нам нужен только кто-то, кто займется переработкой отходов». Но это должны быть мы сами.

Удивительно то, что почву для этого создала сама реклама. Новые поколения формировались в среде агрессивного маркетинга, поэтому возникает феномен «маркетолога внутри», т.е. интуитивное понимание различных стратегий продажи. Ирония в том, что многие люди используют это понимание не только для того, чтобы продавать себя, но и для того, чтобы разрушать послания рекламы. Как отмечает один из лидеров «рекламобойцев» Карли Стаско, многим сегодня стоит услышать или прочесть новый лозунг, как они начинают в уме играть с ним – высмеивая его, обращая против задуманных рекламой целей.

Многие творческие и интеллектуально развитые люди по всему миру чувствуют, что попасть «в обойму» столь же паршиво, как и выпасть из нее. Они чувствуют себя «ниггерами» в собственных странах, и это не преувеличение, т.к. их жизненное пространство больше им не принадлежит, а выкупить его обратно – не всякому по карману. Ирония такого существования в том, что при всем внешнем благоденствии в основе всего остается жесткая логика выживания. Но в таких условиях люди становятся крысами, ведь «крыс называют крысами, потому что они делают все чтобы выжить». Для Бэнкси крысы – это знаковый образ. В системе, где люди сверху живут как крысы*, вся надежда остается на тех, кто уже внизу – на маргиналов. Крыса – это также анаграмма искусства (rat-art), хотя Бэнкси признается, что рисовал их задолго до того, как кто-то предложил ему подобную интерпретацию. Искусство – это как раз то немногое что

противостоит пошлой логике полезностей и успеха, то, что способно отвлечь человека даже от самых базовых потребностей. Потребители, застрявшие на первом уровне пирамиды Маслоу, по меткому выражению Mr. Freemana думают только о том, чтобы «жрать, срать, ржать». Но архитекторы общества потребления забыли об одном, о чем Бэнкси непременно нам напоминает: «Есть четыре основных потребностей человека: еда, сон, секс и месть».

* Не даром в английском языке словосочетание rat race (крысиные бега) означает бешеную погоня за богатством, успехом; ожесточённую конкуренцию.

Если искать наиболее подходящее определение социально-политической принадлежности этого искусства, то мне вспоминается крайне непопулярный в наши дни термин – пролетарское искусство.

Искусство никогда не бывает просто искусством, искусством чистым, в нем всегда реализуется некоторая ангажированность. Подлинное искусство стремится к универсальному уровню, но достичь его может только через принятие себя, своего конкретного воплощения. Единственный способ стать Художником (вообще, т.е. на уровне человечества, а не отдельной группы, этоса) – это полная идентификация со своими особенными чертами: с тем, кто я по национальности, по профессии, по страте, по призванию и т.д.

Но почему я решил вспомнить этот устаревший и немодный тезис о классовости всякого искусства? Дело в том, что в высказываниях и работах Бэнкси (как и других авторов стрит-арта) можно найти идеи анархизма, антикапитализма и альтер-глоблазима, антивоенного движения и антифашизма, также обнаруживается их связь с борьбой против брендов и колониализма. Но, по сути, они не являются прямым выражением какой-либо из этих позиций, просто потому что выражают собственную. Другими словами, за этими идеологиями не видно что за люди их поддерживают. И чтобы охарактеризовать эту позицию, надо вспомнить кто такой пролетарий. Славой Жижек однажды отметил, что в наши дни следует реабилитировать различие между рабочим классом и пролетариатом, которое неявно ввел Маркс. Рабочих сегодня нужно все меньше – это известный эффект развития технологий, но значит ли это, что понятие «пролетариат» безнадежно устарело? В отличие от исчезающего рабочего класса – «объективной» социальной категории, т.е. абстракция некоторой группы лиц, пролетариат – это субъективная позиция. Пролетарий – это самоидентификация, воплощающая социальную негативность, это образ самих себя для тех, кто чего-то лишен системой. Я абсолютно уверен, что в наши дни многие «не-рабочие» ощущают себя также как отчужденный и лишенный прав пролетарий 19 века. Именно эти люди – осознавшие свою лишенность и созревшие для борьбы – являются сегодня пролетариями.

Бэнкси – один из тех, кто осознал факт лишения, более того,

построил свою идентичность на этом. Ведь позиция пролетария выстраивается сперва негативно: как тот, кому нечего терять (кроме цепей своих). Я хочу подчеркнуть, что любая идентичность строится на каких-то ощущениях, но только пролетарская начинается с чувства нехватки. Первое стихийное самоощущение пролетария – это злость, обида, отчаяние, желание мести, в которых больше значимо то, чего у него еще нет, то чего он лишен. И Бэнкси вместе с другими «рекламобойцами», стрит-райтерами, анархистами увидел необходимость вернуть себе улицы, культурное и общественное пространство, а это значит, стал выразителем позиции всех лишенных в этой сфере. Причем, в духе подлинного пролетарского искусства он не боится разрушать, просто потому что культура уже колонизирована рынком, т.е. по факту вражеская территория.

Простое в своей самой общей форме послание Бэнкси удивительно похоже на требования рабочих профсоюзов, Коминтернов и колонизированных народов в последние 150-200 лет. В одной из книг он пишет: «Мне нравится думать, что я имею мужество оставаться анонимным в западной демократии и кричать о вещах, в которые никто не верит – подобно миру, справедливости и свободе». Тот факт, что искусство еще помнит об этих требованиях, только подчеркивает их близость к порядку Истины.

Однако в арт-терроризме важно еще и другое: здесь, на мой взгляд, происходит попытка дать новому пролетариату не только голос, форму выражения, но и форму положительной идентичности, т.е. возможность быть гордым за то, кто ты есть (даже если тебя сделали этим). Слотердайк отмечал, что попытка социализма сформировать единое пролетарское сознание потерпела крах, потому как «его психополитика почти повсеместно оставалась на примитивном уровне; она могла поставить себе на службу злобу, надежду, тоску и честолюбие, но никак не то, что имело самое реша¬ющее значение — радость и счастье быть пролетарием». Но в стрит-арте ты заражаешься этим чувством – почему быть пролетарием лучше.

Реальная сила любого класса не возможна без притязания на собственную классовую культуру, потому что, как отмечает Слотердайк, существует «тайная связь между нарциссическим наслажде¬нием культурой и политической властью». Иными словами, власть и беспросветный труд в конце концов отупляют, а для возобновления высоких чувств необходима способность класса к творчеству.

И мне кажется, эта пролетарская самоидентичность в силу своей негативности возможна как альтернатива утомившей эгомании и унылому индивидуализму. И даже в этом Бэнкси схватывает суть, когда говорит, что бытие самим собой слишком переоценено. Это не помогает. «Люди говорят «я просто был самим собой» как будто это действительно может быть оправданием. Это не оправдание, это не честность – это попросту трусость и нехватка воображения». Пролетарское «бытие-никем» - это и вызов для подлинного самопознания, и открытость для настоящего чувства жизни. Позволю себе снова процитировать Слотердайка:

«…в принципе, ни одна жизнь не имеет имени. Сознаю¬щий себя и уверенный в себе Никто в нас — тот Никто, который обретает свое имя и свои идентичности только со своим «социальным рождением», - и есть то начало, которое является живым источником свободы. Полный жизни Никто - это тот, кто, несмотря на

мер¬зость социализации, заставляет вспомнить об изобилии энергии, скрытом под личинами личностей. Его жизненная основа - созна¬ющее себя и уверенное в себе тело, которое мы должны называть не nobody, а yesbody, не «нет-тело», а «да-тело»; это тело, которое в процессе индивидуализации способно пройти путь развития от ли¬шенного рефлексивности «нарциссизма» к рефлектированному от¬крытию себя в мировом целом».

Здесь и возникает та странная особенность, которую можно наблюдать в любых свободных объединениях (от партизанских групп до сообщества хакеров): человек – это не его биография, а это его позиция здесь и сейчас. Не важно кем ты был, важно – что выбрал сегодня. Вообще сам образ Бэнкси как человека без лица и без биографии удивительно похож на другого человека, которым я безмерно восхищаюсь. Тоже борец, философ и поэт – субкоманданте Маркос, лицо и голос мексиканских сапатистов. Мне кажется, именно на его примере можно показать ту форму пропаганды, к которой призывает и Бэнкси.

Маркос – не лидер, а всего лишь голос от лица тех, кто еще не заговорил. Маркос утверждает: его черная маска – это зеркало общества, поэтому он «голубой» в Сан-Франциско, негр в Южной Африке, азиат в Европе, индеец в Сан-Исидро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, индеец майя на улицах Сан-Кристобаля, еврей в Германии, цыган в Польше, индеец племени могавк в Квебеке, пацифист в Боснии, одинокая женщина в метро в 10 часов вечера, крестьянин без земли, член банды в трущобах, безработный, несчастный студент и, конечно, сапатист в горах Чьяпаса. Иными словами, говорит Маркос, он – это мы: мы сами и есть тот самый лидер, которого мы ищем. И не удивительно, что пример сапатистов в Мексике стал образцом для других альтер-глобалистских движений по всему миру. Бэнкси этот арт-пролетарий из Англии оказывается солидарен с нищим индейцем майя из Мексики – они хотят, чтобы мир был разный. Или как говорят сапатисты: мы говорим одно Нет и много Да.

И сразу предупрежу вопросы циничных скептиков: да, я уверен, что такие художники как Banksy, Faile, Space Invader, Mear one, Shepard Fairey и другие действительно меняют мир. А это уже не мало для искусства.

P.S.: Последняя новость о Бэнкси не могла не порадовать – он поддержал деньгами отечественных арт-маргиналов из группы «Война». Я – не фанат последних, но сам факт солидарности в этих кругах – хороший знак. Подробнее на http://www.lenta.ru/news/2010/12/11/artvoina/

Вячеслав КОРНЕВ ▶

▼ ЖВАЧКА (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

«Жвачка», как ее запросто называют, – гениальное и недооцененное изобретение человечества. В моем детстве жевательная резинка была одним из символов недоступной западной «культуры». В киосках «Союзпечать» можно было купить лишь прибалтийский суррогат – посыпанную каким-то тальком, моментально теряющую вкус и блекло упакованную резину «Калев». Она не шла ни в какое сравнение с заграничным оригиналом – этими тонкими пластинами с дразнящим запахом, жевавшимися много часов подряд (иные энтузиасты макали выдохшуюся жвачку в сахар и продолжали труд жевания с самого начала). Разноцветные фантики при этом становились предметом вдохновенного коллекционирования (хитрые производители подсаживали на серии этикеток: футболисты, машины, красотки и т.п.). В импортных фильмах герои беспрестанно двигали челюстями – в перерывах между репликами и действиями. Во время знаменитой хоккейной суперсерии СССР-Канада 70-х гг. один из матчей в Москве особенно запомнился позорным эпизодом: наши болельщики устроили драку за вожделенные сувениры, когда канадские и американские туристы швыряли жевательную резинку на трибуны. Вместе с джинсами, кока-колой и видеокассетами «жвачка» стала одним из самых заветных фетишей, иллюстрирующих преимущества западного образа жизни.

Но какую все же потребность удовлетворяет мерное пережевывание смеси синтетических полимеров с ароматизатором, «идентичным натуральному»?

С точки зрения психоанализа, жевательная резинка обслуживает оральную фиксацию, которая закладывается вместе с детской привычкой тянуть в рот пальцы, пристрастием к соске и, разумеется, вместе с первичным сексуальным опытом. Бутылка, сигарета, жвачка и даже элементарная зубочистка, с которой некоторые почти не расстаются – все это обычные в таком случае способы сублимированного эротического возбуждения и одновременно методы снятия невроза. Из этой же серии внезапный нервический аппетит, некультурная манера грызть ногти и т.п.

С псевдонаучной точки зрения, к которой не без юмора апеллирует реклама, жвачка – необычайно полезный продукт, уничтожающий в полости рта миллионы «кариозных монстров», понижающий «кислотно-щелочной баланс» и т.п. Ясно, впрочем, что «клинически доказанная» польза – это всего лишь рекламное алиби, риторический прием. Но дело даже не в научной состоятельности этих утверждений. Если бы нас доподлинно интересовала польза для организма, то большинство потребительских привычек отпали бы сами собой. И вместо посиделок с пивом или тренировки челюстей мы бы занимались укреплением здоровья, тренировкой ума и тела. Поэтому для среднестатистического потребителя необходимость чем-нибудь занять рот не подразумевает конкретно научного обоснования.

С позиций культурологии и этнографии, пережевывание есть какой-то древний ритуал (например, на Руси жевали хвойную смолу), имеющий различные цели: так, жевание

известных трав помогает войти в состояние наркотического транса или снимает стресс. Ироническое современное развитие этой традиции состоит в коммуникативной прагматике: «свежее дыхание облегчает понимание», «иногда лучше жевать, чем говорить» и пр. К сожалению, на практике любители вкусной резины давно и успешно выучились говорить прямо сквозь зубы – в этой мямлящей, тянучей манере, когда и сама речь становится каким-то жеванием слов.

В фильме Р. Эммериха «Годзилла» (1998) группе французов нужно выдать себя за американцев, и тогда персонаж Жана Рено раздает всем по пластинке жвачки. В ключевой момент (объяснения с военным патрулем) он тоже не говорит, а тянет сквозь жевание звуки: «оо-у, йее-ес…» В итоге оказывается совсем не обязательным знать английский язык и вступать в коммуникацию. Резинка закономерно приравнивается к удостоверению личности или вообще признаку «цивилизованности». Ведь эта пародия на образ американца сегодня получает интернациональный характер, все мы в каком-то смысле, как пели Rammstein, «живем в Америке». Bubble gum теперь – это не только «средство общения», «защита от кариеса», «взрыв вкуса» и т.п. Bubble gum – фетиш, культ, религия, медиатор социального обмена.

Жвачка определяется как кулинарное изделие, состоящее из несъедобной эластичной основы. И это поистине гениально – несъедобная сладость, нетающая конфета, вечный двигатель челюстей. Не случайно о бессмысленном кино говорят: «киножвачка». Есть также понятия «тележвачка» (например, телесериалы), «литературная жвачка» (бульварное чтиво), «музыкальная жвачка» и т.п. Плохие и скучные учебники – это, без сомнения, жевательная резинка для ума. С помощью многофункциональной резинки можно склеить вместе разные материалы. Она годится на роль строительной замазки, художественного пластилина. Застывшие и слепленные вместе кусочки жвачки напоминают режиссеру-сюрреалисту Дэвиду Линчу человеческий мозг. Мало, какой продукт может претендовать на роль такого универсального синонима для разнородных явлений и предметов. Потомок каучуковой смолы сегодня – настоящий магистериум новой культуры. Это волшебная субстанция, превращающая ничто в нечто – дешевый полимер в миллионы долларов, движение челюстями в ощущение наполненности жизненного опыта. По богатству метаморфоз жвачка, конечно, уступает пластмассе или деньгам, но в «культовом статусе» превосходит многих конкурентов.

Употребление сладкой резинки в момент ощущения голода или в ситуации, когда «лучше жевать, чем говорить» - это интегральная метафора повседневного опыта. Мы заполняем жизнь пустейшими занятиями вместо того, чтобы купаться в любви, открытиях, творчестве. Мы уходим от важных тем в разговоре потому, что «лучше не заморачиваться». Собственно мы вообще говорим без текста. В повседневной коммуникации важно не содержание, а проформа: приветливый жест, улыбка или смайл (как симулякр улыбки, как знак знака хорошего отношения). Это та же орально удовлетворяющая фиксация. Резинка с синтетическим вкусом и без насыщения есть символический двойник общения без пользы и без интереса, улыбки без радости, слов без смысла.

В несколько юмористическом ключе можно построить социологию современной жизни на примере супермаркета – именно там заботливо классифицированы все необходимые для повседневного существования вещи, разложены по полочкам даже не товары, а ценности. В таком случае характерно, что жевательная резинка находится в лотках около касс, на самом выходе, вместе с другими мелкими, но наиболее востребованными товарами. Там же расположены бритвенные лезвия для «неотразимого» внешнего вида, батарейки для электроприборов, презервативы для безопасного секса, шоколад для студенток, зубочистки… Пока стоишь в очереди, рука сама собой тянется к упаковке с интенсивно рекламируемым названием. Кстати, явно чрезмерная рекламная кампания по возбуждению интереса к жевательной резинке тоже симптоматична. Несмотря на все национальные традиции жевания табака или древесной смолы людей все еще нужно убеждать в необходимости ежедневного употребления сладкого (но в духе времени «без сахара») полимера с красителями и ароматизаторами. Жующие киногерои тоже вносят свою лепту. Трансляции футбольных матчей вообще создают впечатление, что человек – существо до неприличия простое, и беготня, плевки, жевание – его атрибутивные свойства (всегда удивлялся, почему практически любой крупный план выхватывает мгновения, когда футболисты смачно плюют, сморкаются, ну и жуют что-то в перерывах между этими действиями).

Именно поэтому жевательная резинка представляет интерес для культурологов настоящего и археологов будущего. Окаменевшая жвачка, которую пока никак не удается эффективно утилизовать (и которая по нашей бессовестной привычке прилепляется куда только хватит фантазии) переживет нашу эпоху и станет одним из характерных признаков конца XX – начала XXI вв.

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ

Читатель!

Нынешний КМОтдел, как всегда, наводит на мысли. На сей раз, прямо в соответствии с известной круглой датой, о небесных телах и явлениях.

Уж нету речи о замечательных рассказах Пауля Госсена из жизни вооруженных до зубов комических полунимфеток-японок – о! Стоило запускать в космос разное, чтобы обнаружить там такое!

Но и пьеса Ирина Афанасьевой в общем, о том же. Нет, не о нимфетках, но о внутрнеем космосе, открывающемся, по русской традиции, исключительно в стенах психиатрической больницы. Зато и не закрывающемся потом уж никак.

Илья Криштул описывает нам явления

а) своего (индивидуального) рода инопланетянина, живущего не то чтобы во внутреннем, но в самом что ни на есть внешнем космосе, населенном призраками Бориса Березовского, «Единой России»,

б) тарансгалактического коммуникационного акта, парадоксальным образом гарантирующего понимание абсолютно разным существам.

Ну и совсем уж разошелся А.Махаон, воспарив и впрямь бабочкой в теологически-мистические выси, где и впрямь много разных тел – даже чересчур, до излишне плотных, комимунальных касаний.

В общем, как говаривал старик Шлеермахер, «Истинная религия — это чувство и вкус бесконечности». Прав!

МГ

Пауль ГОССЕН ►

▼ ДЕСЯТЬ ХИЩНЫХ ЛУН (рассказ)

Торенс Соренсен.

Девочка-подросток с бластером на плече. Глаза цвета Балтийского моря, причем, в самую хмурую погоду. Две тугие светлые косы до попы. Что, косы в 25-ом веке уже никто не заплетает? А Торенс заплетает!

Рядом Акира Сато.

Он приехал из Японии, живет по соседству и учится в выпускном классе. Верный друг, готовый отправиться вместе с Торенс даже на край Вселенной.

В его рюкзаке загадочное инопланетное существо Масаюки-сан.

Внешне – большой рыжий кот с огромными глазами-блюдцами. Заглянув коту в глаза, можно увидеть отражение чужого звездного неба и, если Масаюки-сан того пожелает, мгновенно перенестись вместе с ним очень далеко от шведского города Малмё, где живут Торенс и Акира, например, на планету за пределами нашей Галактики. А там кругом дремучие оранжевые джунгли и огромные жуки-ящеры.

Именно на этой планете друзья сейчас и находятся.

* * *

- Этого не может быть, - говорит Торенс. – Я опять промазала.

Трехлапый жук-ящер неистово ревя решительно углубляется в заросли. Треск ломаемых стволов переполошил всю округу. Охоты сегодня уже не будет. Девочка забрасывает бластер на плечо и виновато смотрит на Акиру.

- Я думаю, ты все-таки попала, - отвечает Акира. – Просто, луч не смог пробить панцирь.

- Не спорь, - вздыхает Торенс. – Я стреляла голубым лучом. Он пробивает все.

Акира сочувственно молчит.

- Мне показалось, - продолжает девочка, - что жук дернулся за мгновение до выстрела. Словно почувствовал, что я сейчас спущу курок. И вчера было тоже самое.

- Вчера птица крикнула, - говорит Акира. – Как раз когда ты прицелилась. И жук сразу сделал ноги. А сегодня пискнул какой-то зверек. Словно предупредил... Они что на этой планете все за одно?

- Ерунда, - снова вздыхает Торенс. – Так не бывает. Я просто разучилась стрелять.

Акира возмущенно трясет головой:

- У тебя же отлично по стрельбе из бластера.

- Что с того, - пожимает плечами девочка, - ведь на ужин у нас снова будут печеные плоды?

- Печеные плоды от Торенс! - восклицает Акира. – И мне, и Масаюки-сану они очень даже нравятся.

- Льстецы, - улыбается девочка. – Но от жаркого вы бы не отказались, верно?.. Ладно, уже темнеет. Ищем место для ночлега и костра.

Несколько обескураженные неудачной охотой, Торенс и Акира начинают пробираться сквозь заросли. Вскоре они выходят на небольшую поляну. Неподалеку возвышается скалистая вершина. Та самая, на которой оказались мальчик и девочка, когда впервые попали на эту планету.

- Скалу видно практически отовсюду, - говорит Акира. - Надежный ориентир. Не то что здешние звезды.

- А чем тебе не нравятся звезды? – удивляется Торенс. Теперь это ее планета, она дала ей название – Оранжевая, по цвету джунглей. Она обожает ее всю. От и до. И звездное небо планеты не исключение.

Торенс и Акира замедляют шаг, потом останавливаются. Мальчик указывает куда-то вверх:

- Как тебе вон та звезда, размером чуть ли не со сковородку? Еще вчера она была крохотной, как и другие звезды, а сегодня разбухла прямо на глазах. А чуть левее еще одна – размером с хороший апельсин. Вчера ее вообще не было видно.

- Сверхновая! – загораются глаза у Торенс.

- Не думаю, - говорит Акира. – Сверхновая светит куда как ярче.

- Может, астероид?

- Астероид мы разглядим не раньше, чем он свалится на наши головы.

- Что тогда?

- Бродячая планета, заблудившаяся в космосе... – Акира трясет головой: – Шучу.

- Слушай, да это же местная луна, - догадывается Торенс. – У нее даже диск чуть-чуть ущербный, как у земной Луны перед полнолунием. Нет, правда!

Акира с сомнением рассматривает небесную сковородку.

- Но почему она еще вчера была совсем маленькая? А вторую луну и вовсе не было видно?

- Значит, они вчера были далеко от планеты, - догадывается Торенс. – А теперь приближаются...

Акира хлопает себя по лбу.

- Точно, - говорит он, – если их орбиты вытянуты, луны то удаляются от планеты, то приближаются к ней.

- И приближаются весьма решительно, - замечает Торенс. – Смотри, они растут прямо на глазах. А вон показалась третья луна... Четвертая...

Друзья, разинув рты, рассматривают звездное небо. Луны стремительно увеличиваются в размерах. И их становится все больше. Появляется пятая... Седьмая... Девятая... Десять лун светятся в вышине. И первая луна уже настолько велика, что занимает собой полнеба. Становятся видны горы и кратеры на ее поверхности.

Громко кричит птица. Ее поддерживает другая. И вскоре джунгли наполняются испуганным визгом и ревом. Жук-ящер выскакивает из зарослей прямо на Торенс и Акиру и, чуть не сбив их, несется прочь. А на то место в джунглях, где он только что скрывался, обрушивается с неба гигантское зеленое щупальце. Не обнаружив жука, оно начинает извиваться, выдирая из почвы деревья и кусты. Рядом обрушивается еще одно щупальце. Второму везет больше, оно обвивает менее проворного жука – тот истошно ревет, но это не помогает – и тянет его вверх. Еще мгновенние, и все небо наполняется бессчетным количеством щупалец.

- Они тянутся с луны! - кричит Акира. – Луна настолько близка к Оранжевой, что кто-то там решил поохотиться.

- Это вторжение! – вторит ему Торенс. – Ну я вас...

В руках она уже сжимает бластер. Бах! Это их планета! Бах! Бах! А тут кто-то вторгся и похищает жуков-ящеров! Бах! Какой-то лунный осьминог распустил свои щупальца. Бах! А мы тебе их укоротим! Бах! Бах!..

Одно за другим щупальца, перерезанные лучами, падают на джунгли. Но все равно их еще очень много. И пойманные жуки уносятся вверх.

- Стреляй, - кричит Торенс. – Стреляй, Акира!

- Подожди, - отвечает мальчик. - Луна начинает уменьшаться. Она удаляется.

И точно. Теперь луна-сковородка уменьшается столь же стремительно как росла. Щупальца поспешно втягиваются вверх. Только изрядно помятые джунгли напоминают о недавних событиях.

- Почему ты не стрелял, Акира? - По щекам девочки текут слезы. - Столько жуков можно было бы спасти!

- Всех не спасешь, - отвечает мальчик. – Зарядов не хватит. А следом летят еще девять лун. Вдруг и там кто-то затаился. Да и эта луна, совершив облет по орбите, еще вернется.

- Что же делать? – Торенс не стыдясь размазывает слезы по щекам.

Акира молчит, что-то обдумывает.

- Теперь я понимаю, почему мы не могли никого подстрелить, - всхлипывает девочка. – Жуков действительно предупреждали другие звери и птицы. В таком опасном месте без взаимовыручки никак.

- Слушай, - говорит Акира, - когда луна приблизилась, мне показалось, что горы на ее поверхности имеют правильные контуры. Может, это пирамиды? Да и кратеры очень уж ровные – словно начерчены циркулем...

- Ты хочешь сказать, что там есть кто-то разумный?

- Скорее всего, - кивает Акира. – И раз всех щупалец не перережешь, не лучше ли разобраться с теми, кто их сюда посылает?

Слезы на щеках Торенс мгновенно высыхают.

- Ты прав Акира! Выдерем злаки с корнями – пусть оставят Оранжевую в покое! Но как нам попасть на луну?

- А Масаюки-сан? – улыбается мальчик. – Он перенес нас сюда. Наверняка в его силах перенести нас и на спутник этой планеты.

Торенс кивает:

- Конечно же, Масаюки-сан поможет.

Акира скидывает на землю рюкзак. Рыжий кот довольно щурится – ну вот, наконец-то вспомнили, столько приключений, и без него! – потом широко открывает глаза. В них отражается стремительно удаляющаяся луна-сковородка.

- Ничего, - говорит Торенс. – Мы ее сейчас догоним!

* * *

Здесь их явно не ждали. Полупрозрачные существа с нежными девичьими личиками и крылышками за спиной, наподобие эльфийских, испуганно разлетаются во все стороны. Дышать трудно, воздух очень разряжен. Еще здесь довольно сумрачно, хотя окружающие контуры начинают понемногу проступать. Вскинув бластеры, Торенс и Акира стоят спиной к спине, осматриваются.

Пирамиды действительно имеются. Темные, древние, покрытые глубокими трещинами, они возвышаются со всех сторон, а из трещин вылетают все новые крылатые девочки – поднимаются в небо и начинают там кружиться.

А вот и щупальца! Точнее, не щупальца, а корявые деревья, растущие в больших каменных горшках, стоящих по четырем углам каждой пирамиды. Щупальца – их листья. Теперь листья лежат повсюду – уже не нужные, опавшие и пожелтевшие.

А где же жуки-ящеры? Торенс быстро бросает взгляды по сторонам. Ага, вот они! Между пирамидами по мощенной плитами дороге движутся, погоняемые крылатыми девочками, жуки. Движутся покорно, словно стадо коров. Это грозные-то хищники! Похоже, крылатые девочки здесь за главных. Ну вы сейчас получите!..

Торенс кладет палец на курок. Смотрит сквозь прицел на ближайшую злодейку. Какое невинное и испуганное личико! Палец невольно соскальзывает с курка. Может, эта бедняжка здесь не причем? Торенс ловит в прицел другую. Что такое? Опять то же лицо. Они что, близнецы? Прицел бежит дальше. Третья... Четвертая... Десятая девочка... Одно и то же лицо. Даже выражение лица не изменилось. Но так много близнецов просто не бывает.

- В кого стрелять? – шепчет сзади Акира. – Неужели в этих крошек?

Торенс молчит. Она не знает ответа.

И тут начинает звучать музыка. Еле слышная – словно где-то очень далеко играет флейта. И в тот же миг реющие в вышине девочки объединяются в огромный клин и стремительно бросаются вниз. Не менее сотни одинаковых лиц теперь совершенно спокойны. До решающего столкновения остается мгновение.

- Торенс!? – снова шепчет сзади Акира. – Стреляем? - Он никак не может определиться.

Как просто палить по мишеням в тире, и как трудно, оказывается, стрелять в разумных существ, пусть даже чужих и враждебных.

«Всего один выстрел, - командует себе Торенс. – Всего один. И эти малявки, перепуганные до смерти, снова брызнут в рассыпную. Ну, же...»

Но палец предательски дрожит на курке, чего с Торенс никогда прежде не бывало.

«Не смогу, - понимает она. – Никак не смогу...»

Ей снова хочется плакать. Не в силах больше смотреть на приближающийся с неба клин, она опускает глаза...

По дороге все так же тянется вереница жуков-ящеров. И вдруг один из них лопается на манер мыльного пузыря – только радужные всполохи разлетаются во все стороны, – и на его месте оказывается девочка с крылышками. Точно такая же, как и все остальные.

- Акира! – кричит Торенс. - Мы все напутали, Акира! Опусти бластер! Сейчас же опусти бластер!

И сама успевает опустить свой бластер за малую долю секунды до столкновения с летящим клином.

Это их и спасает.

* * *

На ступенях пирамид горят странные блуждающие огни, в кратере неподалеку серебряным зеркалом растеклось озеро. Торенс и Акира сидят на высоком холме рядом с принцессой Ким, повелительницей первой луны, и смотрят, как по дороге нескончаемым потоком движутся жуки-ящеры. На коленях у Торенс дремлет Масаюки-сан.

- Дура! – шепчет Торенс. – Какая же я дура!

Акира хочет что-то сказать, но не успевает.

- Что ты, Торенс, - отвечает принцесса Ким, и крылышки за ее спиной начитают отчаянно трепыхать. – Наоборот, твоя смелость делает тебе честь. И твоему другу тоже. Вдвоем против целой луны... Вот только спасать здесь действительно некого.

Один из жуков-ящеров лопается, и на дороге появляется новая принцесса Ким. Первая с тихим смехом взлетает

куда-то вверх и пропадает, а возле Торенс и Акира присаживается новенькая.

- Да, спасать некого, - она с легкостью продолжает разговор, начатый первой принцессой. – Ведь мы все родилась на Оранжевой планете, откуда вы только что прибыли. Родились сильными и грозными существами, которых вы называете жуками-ящерами. На Оранжевой полно воздуха и пищи и есть с кем помериться силой. Там мы копим силы и энергию, которых потом нам хватает на долгие годы. Ведь на этой луне очень разряженная атмосфера – спутник теряет ее при каждом приближении к Оранжевой, - здесь почти нет пищи, негде взять сил, и трансформация – перерождение в принцессу Ким - была бы невозможна...

- Не понимаю, - говорит Акира, – почему тогда жуки-ящеры спасались от щупалец? Почему другие обитатели Оранжевой помогали им в этом?

Новая радужная вспышка. Новая принцесса Ким занимает место рядом с Торенс и Акира.

- Самые ловкие и сильные жуки-ящеры остаются на Оранжевой, - продолжает она. - Они дают новое потомство, и популяция жуков-ящеров не исчезает. Они даже не подозревают о том, чего лишились, и по-своему счастливы. Ведь жуки-ящеры довольно примитивные животные и не имеют ничего общего с нами – переродившимися. Эволюция здесь шла долгим и сложным путем. А все из-за того, что десять местных лун каждые три месяца приближаются к Оранжевой настолько, что практически соприкасаются с ней атмосферами. Вот и мы, не попади на луну, не смогли бы в диких джунглях Оранжевой среди хищных зверей построить цивилизацию, которой уже не один миллион лет...

- Какая же я дура! – тихо повторяет Торенс.

Новая вспышка. Новая принцесса Ким.

- Нет-нет, Торенс, вы герои, - говорит она. – А настоящие герои, надо признать, такая редкость. Прежде у нас герои не появлялись. У нас вообще мало кто бывает. За последние десять тысяч лет я не припомню ни одного путешественника.

- Подожди, - удивляется Торенс, - но как ты можешь помнить то, что было десять тысяч лет назад? Ведь ты только что родилась?

Принцесса Ким смеется..

- Я – принцесса Ким, - следует ответ. – И каждая живущая здесь летающая девочка – принцесса Ким. Мы – одно целое. То что знает и чувствует одна – знают и чувствуют все остальные. Наши сознания миллионы лет сливаются в единое. Мы рождаемся, но никогда не умираем. Даже когда умирают наши тела. Ведь каждое тело, хотя и существует отдельно, как бы клетка общего организма. А клетки эти обновляются каждые три месяца, когда наша луна приближается в Оранжевой... – Принцесса Ким молчит какое-то время. – А разве у вас как-то иначе?

- Э-э, - тянет Акира. - У нас была совсем другая эволюция.

Летающая девочка понимающе кивает.

Жуки-ящеры начинают вспыхивать один за другим наподобие фейерверка, и десятки новых принцесс Ким устремляется в темное небо. Дорога перед холмом пустеет.

- Вам пора возвращаться, - говорит последняя принцесса Ким. – Здесь слишком разряженный воздух. Завтра к Оранжевой приблизится вторая луна. - Летающая девочка улыбается. - И вас ждет много новых открытий.

Она машет ладошкой и исчезает в небе.

- Ты слышала, принцесса Ким сказала: «Миллионы лет»!? - удивляется Акира. – Какая древняя и, должно быть, мудрая цивилизация.

- Ну да, - соглашается Торенс. – А мы тут чуть все не разнесли бластерами. Не зря нас не хотели пускать в космос.

- Но ведь не разнесли... – говорит Акира. – Оказывается, Вселенная устроена куда как сложнее, чем нам представлялось. Думаю, Масаюки-сан не случайно перенес нас на Оранжевую. Здесь есть чему поучиться.

Рыжий кот на коленях Торенс потягивается. Судя по всему, он отоспался.

- Завтра к Оранжевой приблизится вторая луна, – говорит Торенс. – Жди новых приключения.

- Значит, возвращаемся? - спрашивает Акира.

Торенс бросает последний взгляд на древние пирамиды и кивает. Потом чешет Масаюки-сана за ушком, и в зрачках кота как всегда загораются далекие и такие непредсказуемые звезды.

Пауль ГОССЕН ▶

▼ ДЕВОЧКА С БЛАСТЕРОМ (рассказ)

Торенс пятнадцать лет. Она тинейджер, практически взрослый человек, но папа и мама продолжают загружать ее по полной программе.

- У тебя опять неуд по истории астронавтики! - возмущается папа.

- Зато отлично по стрельбе из бластера, - отвечает Торенс.

- Стрельба из бластера - это факультатив, - наседает папа. - Оценка не войдет в аттестат.

- Что с того? Ты бы хотел, чтобы у меня был еще и неуд по стрельбе?

- Торенс, при чем здесь стрельба? - это в разговор вступает мама. - Нас прежде всего интересует история астронавтики.

- Но это же совершенно бредовый предмет! Какая разница, кто первым высадился на Луне - Колумб или Коперник?

- Ты сведешь меня в могилу! - кричит папа, хватаясь за сердце. Внутри него начинает что-то жужжать - видимо, опять полетело реле, - и папа падает в кресло. Мама бросается к видеофону звонить в мастерскую - отцу требуется срочный ремонт.

Мама и папа у Торенс - роботы. Внешне они точные копии ее настоящих родителей Линды и Петера Соренсен, отправившихся в звездную экспедицию семь лет назад. Внешне - родители, внутри - бесчувственные железки. Их только такими заявлениями и проймешь. Как будто Торенс не знает, что первым на Луне высадился Билл Гейтс.

- Мама, не надо никуда звонить, - кричит она. - Как отладить реле, мы проходили в пятом классе.

- Хорошо, - соглашается мать. - Заодно глянь и мое реле. В качестве профилактики.

Она приносит отвертку. Папа ложится на тахту, и Торенс вскрывает его грудную клетку.

- Здесь все так запущенно, - говорит девочка. - Понадобится еще и паяльник.

Мама спешит за паяльником, а Торенс, пользуясь моментом, отщелкивает несколько рычажков внутри отца. Ответственность снижается на двадцать процентов, добродушие повышается на сорок. Потом девочка регулирует подоспевшую мать. До ближайшего техосмотра никто ничего не заметит, а до техосмотра еще полгода.

- Папа, кажется, ты что-то говорил про мой факультатив? - напоминает Торенс чуть позже.

Отец, развалившись на тахте, смотрит чемпионат по женскому футболу - он и думать забыл о недавнем разговоре.

- Факультатив? Ну да, у тебя же в четыре стрельба из бластера. Не опоздай, дочка.

Торенс наклоняется, и папа чмокает ее в районе уха.

- А вечером мы с Акирой пойдем в кино, - говорит она. - Так что, не ждите меня раньше одиннадцати.

- Хорошо, Торенс, - мать, высунувшись из-за свежего «Космополитена», тоже целует дочь. - Не забудь взять десять крон на билет и мороженое.

«Все-таки они у меня славные», - решает девочка, закидывает на плечо бластер и спешит на улицу.

* * *

Торенс живет в Мальмё. Это на юге Швеции. Возле станции метро девочку ждет Акира Сато. Он всего на год старше Торенс, но уже учится в выпускном классе. Просто в Японии, откуда приехал Акира, в школу начинают ходить на год раньше, чем в Европе. У него на плече тоже бластер.

- Хорошо выглядишь, - говорит Акира.

- Спасибо, - отвечает девочка. Многие одноклассники обращают на нее внимание, но Торенс дружит только с Акирой. - Как поживает Масаюки-сан?

- По тебе скучает. - Акира скидывает рюкзак на тротуар. - Третий день ничего не ест, даже конфеты.

Торенс склоняется над рюкзаком. Больше всего Масаюки-сан похож на большого рыжего кота, который вытаращил оба глаза, а потом так и не смог их закрыть. Он представитель фауны чужой планеты, и тайно пробрался на борт земного звездолета. Обнаружили его случайно - на продуктовом складе, когда закончился запас конфет. На какую из планет следует вернуть кота, было непонятно, и капитан звездолета, он же отец Акиры, выслал зверька почтовой ракетой в подарок сыну.

Торенс гладит Масаюки-сан по спинке, тот начинает тихо урчать. В его зрачках одна за другой вспыхивают звезды. Зрачки Масаюки-сан - одна из тайн Вселенной, загадка, поставившая в тупик земных ученых; про это даже писали в научно-популярных журналах. И действительно, ну как они могут отражать звезды, когда день в самом разгаре и сквозь рваные облака пробивается яркое весеннее солнышко?

Доносится шум подходящего поезда. Торенс и Акира сбегают вниз по эскалатору и занимают места в вагоне. Бластеры заброшены на полку, рюкзак с котом перемещается с колен Торенс на колени Акиры и обратно.

- Я завидую Масаюки-сан, - признается Торенс. Она легонько щекочет кота за ухом, и тот урчит все громче и громче. - Он тайно путешествовал в космосе, наверняка побывал на многих планетах. А тут зубришь историю астронавтики, и никакой благодарности.

- Ты зубришь историю астронавтики? - удивляется Акира.

- Начну с понедельника, - вздыхает Торенс. - А куда деваться? Роботы совсем достали... Сбежать бы от них в космос. Найти первобытную планету, полную хищников и опасностей. Так надоело палить по мишеням… И кто придумал закон, запрещающий до двадцати одного года участвовать в межзвездных экспедициях?

- Ну нам осталось ждать не так и долго, - говорит Акира и забирает кота себе.

- Тебе – пять лет, мне – целых шесть, - отвечает Торенс. - Может, тебе и достанется какая-нибудь неоткрытая планета, а мне уж точно нет. Вскоре Галактику исследуют вдоль и поперек. Ты слышал про новый супердвигатель?

- Слышал, - кивает Акира и чешет коту спинку. – Две-три недели - и звездолет достигает Магеллановых Облаков. Классно!

- Классно? - удивляется Торенс. – Да при таких скоростях через пару лет на каждом астероиде появятся автоматы по продаже колы и шоколадок. И никаких приключений, не предусмотренных туристическим контрактом...

Акира, забыв про кота, чешет свой затылок.

- Но ведь ничего нельзя сделать, - говорит он. - Не мы принимаем законы.

- Не мы, - снова вздыхает Торенс. - Знаешь, эти взрослые такие хитрецы: подсунули вместо себя роботов и теперь

спокойно перекраивают Галактику на свой вкус. Все самое интересное всегда достается только им. А как бы хотелось создать мир по своим правилам...

- Смотри-ка, - Акира пробует отвлечь Торенс от мрачных мыслей, - а ведь в зрачках Масаюки-сан отражается вовсе не наше небо!

- С чего ты взял? - девочка недоверчиво смотрит на приятеля, потом снова забирает кота себе. - Звезды как звезды.

- Их расположение не соответствует карте звездного неба, - говорит Акира. - У тебя какая оценка по астрономии?

- Лучше не спрашивай.

Они склоняются над котом. В огромных - размером с блюдце - зрачках мерцают звезды.

- И как я раньше не заметил! - удивляется Акира. - Нет Млечного Пути. Даже Полярной Звезды нет. И все созвездия какие-то не такие.

- Ну и ладно, - отвечает Торенс, ей почему-то становится обидно за своего любимца. - Может, это звездное небо планеты, где родился Масаюки-сан. Или где побывал. И смотри, Акира, какие там яркие и красивые звезды, особенно вон та - фиолетовая...

Тут довольное урчание кота становится просто оглушающим, а фиолетовая звезда вдруг вспыхивает и оказывается на небе. Куда-то пропадают вагон поезда, Мальмё и даже Земля. Девочка и мальчик сидят на вершине скалы. Над ними чужое звездное небо – то самое, что мгновение назад отражалось в зрачках Масаюки-сан. Под скалой колышутся оранжевые джунгли и бежит серебристая река. Из джунглей на берег выбирается закованный в хитиновый панцирь то ли огромный жук, то ли ящер. Ковыляя на трех лапах, он направляется к реке, пьет воду, потом открывает пасть и громко ревет - словно предупреждает, что он здесь хозяин. Смеркается. Звезды разгораются все сильнее. Местное светило, та самая фиолетовая звезда, что так понравилась Торенс, падает за горизонт. Еще мгновение, и все погружается во тьму.

- Классно! - выдыхает девочка.

Акира какое-то время молчит.

- Никогда бы не подумал, - наконец произносит он, - что можно путешествовать в космосе, заглянув в зрачки коту.

- Не просто коту, - возражает Торенс, - а Масаюки-сан.

Акира внимательно рассматривает звездное небо.

- Похоже, это даже не наша Галактика, - говорит он.

- Отлично! - радуется Торенс. - Значит, взрослые доберутся сюда не скоро.

- Если вообще когда-нибудь доберутся... - говорит Акира. - Думаю, что Масаюки-сан владеет какой-то неизвестной землянам энергией. Он сам себе звездолет, да еще может прихватить экипаж... Готов поспорить, что дома нам никто не поверит.

- И пусть не верят, - отвечает девочка. - Тем лучше. Это будет только наш мир. Считай, что Масаюки-сан нам его подарил.

- Пусть так, - соглашается Акира. - И что теперь? Спустимся со скалы?

- Погоди, - Торенс что-то обдумывает. - Внизу трехлапый монстр, а у нас нет даже бластеров - мы забыли их в вагоне метро. Думаю, сначала нам надо вернуться.

У нее на коленях урчит Масаюки-сан. В темноте его почти не видно. Только светятся зрачки. Теперь в них отражается земное небо...

* * *

На занятие по стрельбе Торенс и Акира так и не попадают - выскочив из метро, девочка тянет приятеля в сторону.

- Я уже все продумала, - шепчет она. - Не отставай.

В помещении фирмы «Азимов Корпорейшен» светло и пусто. На стене - несколько дисплеев, под каждым имеется щиток с прорезью для кредитной карточки и набор кнопок. Торенс нажимает на одну из кнопок - на экране высвечивается четырехзначное число. Девочка сует в прорезь свою кредитную карточку.

- Откуда у тебя такие деньги? - удивляется Акира.

- Если семь лет откладывать кроны, что тебе дают на мороженое, - отвечает Торенс, - то как раз получится нужная сумма.

Появляется надпись «Оплачено». В стене раздвигаются двери - за ними помещение размером с кабину лифта. Оставив рюкзак с котом у дверей, Торенс и Акира входят внутрь. Гаснет и снова вспыхивает свет.

- Что это было? - удивляется Акира.

Торенс прыскает, тянет приятеля за руку, и они выходят наружу. Двери закрываются. За ними слышится скрежет, потом все стихает. Наверное, целую минуту ничего не происходит, наконец двери открываются снова. На пороге стоят девочка и мальчик - точные копии Торенс и Акиры.

- Роботы, - догадывается Акира.

- Точно, - кивает Торенс. - Должен же кто-то ходить за нас в школу и выслушивать наставления родителей. Как тебе твой?

- В самый раз.

- А я свою сперва проверю, - говорит девочка. - Кто первый высадился на Луне?

- Нейл Армстронг, - следует ответ.

Торенс вопросительно смотрит на Акиру. Тот кивает - ответ правильный.

- Нет, так не пойдет, - вздыхает Торенс. - У тебя отвертка есть?

Отвертка находится. Торенс задирает футболку на груди своей копии, и Акира поспешно отводит глаза. Девочка отщелкивает какие-то рычажки.

- Я установила параметр случайных чисел, - говорит она. - Теперь каждый ответ будет сражать всех наповал.

Роботы направляются к выходу. Неожиданно девочка окликает свою копию:

– Послушай... Торенс! Постарайся не очень расстраивать папу, у него проблемы с сердцем.

Новая Торенс кивает. Роботы уходят.

- Пора, - девочка забрасывает на плечо бластер и поднимает с пола рюкзак.

Акира тоже берет свой бластер, потом спрашивает:

- А что мы будем делать, когда кончатся заряды? Вернемся на Землю?

- Нет уж! - отвечает Торенс. - Мы научимся стрелять из лука.

- А если взрослые все-таки доберутся до нашего мира? Пусть и нескоро.

- Конечно, доберутся, - Торенс мечтательно щурит глаза. - Только это уже будет наш мир. И никто не навяжет нам свои правила...

Она открывает рюкзак. В зрачках Масаюки-сан снова загораются чужие звезды. Их звезды.

Ирина АФАНАСЬЕВА ►

▼ ГОЛАЯ ПРАВДА (пьеса)

Дядя Федя - очень худой , небритый мужчина. Бывший шахтёр. Примерно 70 лет. Погибла собака, не ест.
Семён Семёнович - примерно 60 лет. Начитан. Бухгалтер. Служил на Дальнем востоке. Слышит голоса погибших товарищей.
Василий - студент медик. Боится мёртвых. Образован.
Толик - призывник, интеллект средний. 18 лет.
Вовик- призывник, немного начитан.18 лет.
Медсестра Ася - уверенная в себе и своих поступках. 25 лет. Больные (между собой) зовут её Васса.
Медсестра Анна Ивановна - 40 лет. Приятная женщина.
Два санитара.

Действие происходит в психиатрической больнице в отделении предварительной диагностики и реабилитации. Октябрь.

АКТ 1 КАРТИНА 1

Суббота 13 - 00. Столовая. Окна почти под потолком. Длинный, тяжёлый стол, такие же скамейки. Посуда - чашки, кружки эмалированные. Вилок нет. Холодильник с большим висячим замком. В нём хранятся передачи от близких. Выдаются только в обед.

За столом сидят: дядя Федя, Семён Семёнович, Василий, Толик, Вовик. Все, кроме дяди Феди, с аппетитом едят.

Входит медсестра Ася, долго открывает замок на холодильнике, достаёт пакеты, метко кидает на стол. С улыбкой гладит Толика и Вовика по голове.

Ася поёт: Идёт солдат по городу, по незнакомой улице...

Толик (поёт эту же песню, но сначала): А у солдата выходной...

Ася: У тебя, Филипок, хорошая память и ноты правильно берёшь! Полечим, запоёшь по другому! Шучу! Не бойся! Даю ровно пять минут на дозаправку! Дядя Федя! Почему не кушаете? Ждёте **"особого"** приглашения? (уходит).

Все разбирают свои пакеты, едят, угощая друг друга. Дядя Федя не ест. Негромко разговаривают:

Василий: Толик, Васса тебя Филипком назвала... У меня даже версий нет!

Толик (смущённо): Просто обзывается, коза! встретить бы её в городе...

Вовик: В городе не поймаешь! Лучше в огороде! (все тихонько смеются, кроме дяди Феди)

Толик: А это мы ещё посмотрим, не таким блокаду делали!

Появляется санитар, поглядывает на дядю Федю.

Семён Семёнович: Фёдор! Поешь! не зли персонал! (кивает в сторону санитара) Силой накормят! давай, с нами!

Вот, возьми пирожок! С капустой!

Василий: дядя Федя! Вы на мушке! (имитирует пальцем выстрел, дует на палец)

Толик: Дед! Не будешь есть, Васса на окно тебя приклеит вместо снежинки! Давай! За Шарика, за верного, твоего пёсика!

Неожиданно для всех дядя Федя берёт пирожок и начинает есть. В глазах слёзы.

Заходит Ася (бодро): Вот и правильно! По такому случаю даю ещё пять минут.

Василий: Спасибо, добрый вы человек!

Ася: Заботиться о больных - моя прямая обязанность! А Ваша ирония, товарищ студент, здесь неуместна! (уходит вместе с санитаром).

Толик: Заботливая, коза!

Василий: И проницательная...

Вовик: Дядя Федя! Спасибо! На Вас пять минут дали! Вот! чаем запейте! (наливает из чайника чай) А Шарика вашего мне жалко!

Царство ему небесное! (крестится)

Семён Семёнович: Володя! Ты сам - то понял, что сказал?

Вовик: Так всегда говорят, когда кто - нибудь умрёт!

Семён Семёнович: Царство небесное желают умершим людям! А может быть, ты индуизмом увлекаешься?

Вовик: А хоть и так! Дядя Федя о Шарике, как о человеке горюет! По - вашему он тоже индуист? (в проёме двери стоит Ася и слушает разговор)

Ася: Очень внимательно оглядывает всех. Ну что? Спинозы? Сыты? (забирает пакеты, прячет в холодильник, закрывает замок) Идите в палату, там воркуйте!

Толик: А почему мы спинозы?

Ася: Василия спроси, мне некогда вас просвещать! (уходит, останавливается в коридоре, её не видно, слушает)

Василий: Спиноза это очень умный человек. Он считал всю материю одушевлённой и что всё вокруг взаимозависимо.

А Васса меня удивила...

Семён Семёнович: От больных набралась! Умные тоже болеют... (похлопывает Василия по плечу) А Спиноза прав! "Бумеранг" существует...

Василий и Толик берут под руки дядю Федю и ведут в палату. Сзади идут Семён Семёнович и Вовик.

Вовик: Семён Семёнович! Кем работали? В религиях разбираетесь! Намёки понимаете. Я про бумеранг знаю, но вы то другое имели в виду?

Семён Семёнович: Да, Вова, другое… Со временем разберёшься. Я, Вова, бухгалтер. Хорошо знаю только дебит и кредит. А остальное - черпаю из книг. И ты читай, пока глаз - алмаз.

Придёт время, захочешь побаловать себя знакомыми буковками - а ничего не получится. Серая масса вместо букв!

А про индуизм могу сказать - самая загадочная религия: о ней мало знают, но очень верят в то, что она предлагает.

Вовик: про Христианство что скажете?

Семён Семёнович: И мало знают и мало верят.

Вовик: А Вы?

Семён Семёнович: А я как все... А ты?

Вовик: Такой же! Люблю читать журналы с красивыми рисунками или фотографиями. Когда был маленький - читал журнал "Колобок", подрос - выписал "Вокруг Света" и сейчас его читаю...

КАРТИНА 2

Палата. Василий укладывает дядю Федю на кровать, заботливо укрывает одеялом.

Толик: Эй! Пилюлькин! Ты про нас не забыл? Время поджимает! Когда учебник принесут? Понедельник послезавтра! А у меня и у Вовика знаний ноль целых, ноль десятых! Спалимся!

Василий: Сегодня принесут! В понедельник заткнёте за пояс любого артиста, любого театра! В военкомате чем косил?

Вовик :(смеётся, хлопает Толика по ушам) Серпом по голове, но попадал по ушам!

Толик: Ничем не косил! Дали лист со словами, говорят: "Читай!" Я смог только по слогам прочитать: слова длинные и непонятные!

Одно слово запомнил. Какое - то матерное... **ПРО-СТИ-ЖИ-ДИ-ТА-ЦИ-Я!** Еле выговорил!

Василий: Я понял, почему Васса назвала тебя Филипком! А слово ты плохо запомнил! Правильно: **пре-сти-ди- жи- та-ци-я**!

(все смеются)

Толик: Не вижу разницы! А что оно значит?

Василий: Ловкость рук. Обман!

Толик: Запомню. Вверну где - нибудь!

Василий: Удачи! (все смеются)

Входит Ася: Да у вас тут шапито! (Раздаёт таблетки дяде Феде и Семёну Семёновичу.) В понедельник тоже будет весело!

(поглядывает на Толика и Вовика). Дядя Федя хочет встать.

Ася: Вам куда? В туалет? Так! Володя, Анатолий! Ведите дядю Федю в туалет! Трудотерапия - средство номер один от дури! А ты Василий на выход! Родители соскучились! (уходит)

Возвращаются Вовик, дядя Федя и Толик. Вовик укладывает дядю Федю на кровать, укрывает.

Вовик: Йес! К понедельнику подкуёмся!

Толик: Пожилые люди в палате, а ты выражаешься!

Вовик: У тебя, Толя, уши как - то не так работают! Всё - таки задел серпом!

Я сказал - под - ку - ём - ся! (говорит по слогам)

Толик: Ладно! Проехали! Главное - правильно себя повести с врачом! **Не переборщить!** Иначе:

Тук - тук! Тук - тук! (изображает поезд)

АКТ 2 КАРТИНА 1

Заходит Василий. В руках толстая книга. Открывает, начинает читать. Иногда отвлекается, принимает участие в беседе.

Семён Семёнович: Вот скажите мне, ребятки! Чего от службы бежите, как черт от ладана?

Толик: А какая вам разница? Одно скажу: Есть такие места - с собаками не найдут! А я жить хочу! Понятно объясняю?

Вовик: А сами служили? Рассуждать - все мастера! Отделались военкой в институте, на сборах ели - пили, шуры - муры, дебит - кредит! Сосед просветил, как это происходит! Про свою службу расскажите!

Семён Семёнович: (медленно, негромко, после небольшой паузы) Призвали меня в шестьдесят восьмом году. В учебке был месяц. Под Иркутском.

Потом погранзастава на Амуре. Командиры - что отцы родные! Про остров Даманский слышали?

Толик: А что за остров? Первый раз слышу! Он на Амуре?(вошли оба санитара, сели на свободную кровать)

Семён Семёнович: М - да! Весной шетьдесят девятого, ночью, китайцы сняли дозор, перешли границу в районе острова Даманский. Навязали неравный бой. Выжило несколько человек. Нас просто недорезали. Торопились. Видите шрам на шее? Память на всю жизнь. Китайцы считали остров Даманский своей территорией. Наши потом стёрли этот остров в порошок.

Вот думаете почему я здесь? Стал слышать голоса товарищей. "Семён, Семён!" К себе зовут... Всех наградили Медалями, Орденами... В газетах много писали... Я когда в госпитале лежал, читал и всё думал: Из - за фантома в полквадратных километра пролилось столько крови. Можно было до конфликта разбомбить этот остров. И все были бы живы...

Толик: А что такое - фантом?

Вовик:(Толику) Это то, что появляется неожиданно и также неожиданно исчезает.

Толик: А остров на Амуре причём?

Василий: Острова на реках - фантомы!

Санитар: Семён Семёнович! Если что надо - только скажите! Не стесняйтесь! Добавки, помыться, побриться, покурить на свежем воздухе!

Толик и Вовик: (хором) простите нас, Семён Семёнович!

Семён Семёнович: Спасибо за добрые слова! И Армии не бойтесь! Схлопотать можно и на гражданке! Молекул не найдёшь!

Армия - кусок жизни! А жизнь - марш бросок! И все проходят его по разному. Кто - то быстро скисает, а кто - то упирается до последнего миллиметра! А без упора - жизнь пресная штука!

КАРТИНА 2

Суббота 19 - 00 Столовая Ужин. Все с аппетитом едят манную кашу. Дядя Федя отламывает кусочек хлеба и тщательно собирает им остатки каши. Подходит санитар.

Санитар: Дядя Федя! Вам добавки?

Дядя Федя: Спасибо! Не надо! Я так делаю всегда! Когда был маленький, бабушка мне сказала: " Чистая чашка - чистая душа. А чистую душу никакая сила не одолеет!" Так - то!

Толик: В тему! (Все чистят кусочком хлеба свои чашки)

Дядя Федя: Ты, Семён, своим рассказом меня оживил! Я тоже помню про Даманский. Весь простой народ горевал! Это не для красного словца! Вот подлечусь, подкормлюсь, выйду отсюда, заведу пёсика, назову Сеней, ты извини, так хочу! У меня дел невпроворот!

(санитар наливает всем чай) Входит Ася.

Ася: Заканчивайте! А Вы дядя Федя, выглядите бодрячком! Глаза горят! Вот что лекарство и еда с человеком делают!

Все встают и идут в палату.

Ася: А Вы Дядя Федя задержитесь! Мне надо кое о чём поговорить с Вами!

(дядя Федя снова садится на скамью)

Ася: Дядя Федя! Вы пожалуйста последите за призывниками! Они что - то замышляют! Заметите что - то необычное, сразу мне на ушко!

В воскресенье после ужина доложите. Поняли? (дядя Федя с ужасом смотрит на Асю, кивает).

Ася:Это важно для их диагноза.(быстро уходит)

Дядя Федя сгорбившись, медленно идёт в палату.

КАРТИНА 3

Дядя Федя заходит в палату, ничком ложится на кровать.

Василий: (с беспокойством) Что она Вам сказала?

ДядяФедя: Она хочет, чтобы я следил за ребятами. Почему она меня попросила **это** делать? Я что, похож на стукача?

Вовик: А вы скажите, что ничего такого не заметили в нашем поведении и всё!

Дядя Федя: Как ты, Вовик, не понимаешь?! Она меня обидела своим заданием!

Семён Семёнович: Молодая, красивая, а сердце с червоточинкой!

Василий: Напрягает пожилого, больного человека! Ставит в безвыходное положение! Игнорирует Спинозу! (дядя Федя кивает)

Василий: Вот у меня тоже непростая ситуация. Когда делаю вскрытие покойника, теряю сознание. На кафедре говорят: "Вы, Василий, не хирург, меняйте специализацию!" А я хочу быть именно хирургом! Что мне делать с моими нервами? Ребята посоветовали

полежать здесь. Говорят: "Пообщаешься с больными - поймёшь, кого бояться, а с кем дружить!"

Дядя Федя: Слушай, Вася, что я тебе расскажу! Да и вы, ребятки, тоже послушайте! Мне лет девять было, я увидел, как большие ребята кошку мучают. Я им говорю: " Не надо, ей больно!" А они смеются: - "Смотри, малёк, учись!" Я глаза закрыл, они силой открыли.

После этого стал подбирать всех кошек и собак. Мазал ихтиолкой, купал, кормил. Мама помогала. Она у меня добрая была...

Некоторые умирали. Я их долго на руках держал, грел - думал: а вдруг оживут! Потом рыл глубокую ямку, заворачивал в тряпочку и хоронил. Бугорок не делал, чтобы не разорили... С тех пор не боюсь мёртвых. Ни людей, ни зверей! Мама думала, на ветврача выучусь, а я шахтером стал. В армии не служил! У шахтёров бронь была.

Вовик: У меня дядя в Донбассе - шахтёр. Приезжает в гости - такое рассказывает! Волосы дыбом встают! В газетах десятой части не пишут про взрывы, обвалы и как спасают шахтёров!

Семён Семёнович: Бронь, Вова, за красивые глаза не дают!

Дядя Федя: Не дают. В забой спускаешься и думаешь: " Увижу солнышко, или под пластом останусь!" Случаев было много, но раньше о них не писали совсем! Писали только о трудовых победах.

Василий: (задумчиво) Значит советуете сходить в гости к мёртвым?

Дядя Федя: Хочешь помогать живым, навести мёртвых и помоги...

Василий: Как - то загадками говорите!

Дядя Федя: Сходи на кладбище. Возьми горсть разных шурупов, деревяшечку, отвёрточки две штуки. Простую и крестовую, ножик, перчатки. Наборчик юного хирурга!

Толик: А я не понял!

Дядя Федя: Да проще не бывает! Для ремонта. Идёшь по кладбищу, видишь - фото висит на одном шурупе, вниз головой, или рядом валяется. Доброе дело - поднять, вытереть, прикрутить по всем правилам. А если могилка заросла - перчатки на руки и через полчаса, как новая!

Шарик всегда со мной ходил. Бегает, бегает, тявкнет - значит портретик валяется. Иду прикручивать. Поработаю, устану, найду столик с лавочкой, стопарик опрокину за всех разом, закушу и Шарика угощу. Посидим, отдохнём и домой. Душа поёт!

Толик: А если покойник при жизни гадом был последним? Просто так портретик не отвалится! Зачем Вам это? Родня придёт и сделает всё, что положено!

Дядя Федя: А если нет родных? Или живут далеко? А мне не трудно. Вот осенью и весной шефствую. Каждый день, как на работу. А судить душу умершего человека, я не уполномочен! Это делает только Господь Бог! Запомни на всю жизнь и

другим скажи!

Вовик: Что - то мне как - то тошно! Ещё пять минут и я сбегу отсюда прямиком в военкомат!

Толик: Ну и беги! А я не готов к таким кульбитам!

Василий: Убедительно, дядя Федя! Сделаю всё так, как вы сказали!

АКТ 3 КАРТИНА 1

Все те же. Василий читает учебник по психиатрии в корочке "Граф Монте - Кристо"

Василий: Мужики! Я почитал, подумал - вам может помочь Нуда веритас!

Толик:(нервно) Слушай, Айболит? Зачем такие выражения? У меня мозги плавятся!

Василий: Тебе, Толя, опять что - то послышалось!

Толик: А кто сказал: "Муда веритас"? (все смеются)

Вовик: Ты, Толя, с какой кочки соскочил? Доктор может говорить всё и смотреть везде! Не путай с другим словом!

Толик: Получается, на слух я не так всё понимаю?

Василий: Вот и первая зацепочка! На некоторые слова твой мозг реагирует неправильно. Вырывает слова говорящего и сообщает тебе - мат! Я сказал: **Ну–да ве-ри-тас** на латыни! А по-русски это: **обнажённая истина.**

Надо «выдать» правду, идущую не только от души, но и от тела. Но это не просто!

Вовик: Поподробнее! Пока не ясно!

Василий: Рассказываю случай из жизни короля Лира. Описал Шекспир. У короля был шут, который говорил всё, что думал и делал, что хотел. Придворные не любили шута, потому что он говорил о них всю правду - матку и о внешности и о поступках. Они обзывали шута дураком. Король любил своего шута и прощал ему всё. Однако, Шекспир намекает, что шут был не дурак...

Толик: Значит никаких тайных мыслей и желаний! Всё наружу? Зайдёт Васса, а я ей: "Девушка! Не застёгивайте у халатика верхнюю и нижнюю пуговицы!"

Василий: Да. Так ведут себя не совсем здоровые люди. Сможете выпустить на свободу душу и тело - победите военкомат. Не сможете - пойдёте в армию. Про Камо - соратника Сталина слышали?

Толик, Вовик хором: Нет!

Василий: О - хо - хо! Ничего - то вы не слышали, не видели! Да для вас **Армия - свет в окошке!** Говорю правду, аки шут.

Толик: Про Камо расскажи!

Василий: Камо ограбил банк, его поймали и чтобы не посадили в тюрьму, стал симулировать психическое заболевание. Ему это удалось!

Толик: Над агиткой подумаем. Давай тренироваться!

Василий: Хорошо! Садись Толя на виду у всех и говори правду про себя, про нас, всё, что в голову придёт. Поехали!

КАРТИНА 2

Толик некоторое время мнётся, потом начинает говорить.

Толик: Семён Семёнович! Когда Вас вчера притащили в палату, я подумал: "Старый хрен! Пора на кладбище место забивать, а он лечиться ползёт! У этого старого пердуна сигарету не выпросить". Когда про службу в армии начали рассказывать, подумал:

Наврёт обязательно: - "Армия - курорт Сочи! Идите, ребятки, отдайте долг Родине!" Хотел вечером в вашу кашу соли насыпать!

Простите меня. Я скотина. Про Даманский хочу узнать больше. Расскажите пожалуйста!

Про себя: Ночью, нечасто мочусь в постель. Побочный эффект... Родители пристроили на сеанс к залётному гипнотизёру. От матов меня лечил. В военкомате всё рассказал - не поверили.

Сюда определили на проверку.

Семён Семёнович: А ты, Толик, молодец! Я думаю, тебя подлечат, и ты станешь хорошим солдатом! Про Даманский такое расскажу – нигде не прочитаешь!

Заглядывает санитар. Все делают вид, что спят.

Толик: Я ещё не всё сказал. Дядя Федя! Когда вы горевали ночью о Шарике, я разозлился и хотел заткнуть Вас подушкой, проще говоря – задушить!

Еле сдержался! Когда отсюда выйду, обязательно навещу своих друзей на кладбище и шурупы с отвёртками захвачу.

Василий: Знаешь, Анатолий! С тебя сегодня хватит правдотерапии. Может и вправду крыша поехать! Так?

Толик: (выжатый, как лимон) Так. С Камо тягаться не буду. Перестану мочиться - пойду в Армию!

Василий: Вовик! Твоя очередь!

Вовик: Выйду отсюда, схожу в храм и поставлю свечку за упокой души всех, кто погиб на службе в армии! Ничего плохого ни про кого не думал! Прикидывался на медкомиссии заикой, хочу служить!

Василий: Коротко и ясно! Ма-ма-ла-ла-дцы-ы-ы-ы...! (заикается) Все смеются.

Семён Семёнович: Порадовали!

Дядя Федя: Вы, ребятки, крепкие, как уголёк в забое! Держите лапу бывшего шахтёра!

(жмут друг другу руки. К ним присоединяются Василий и Семён Семёнович)

Семён Семёнович: А я так думаю - бывших шахтёров не бывает! Все поочерёдно:

И бывших бухгалтеров и врачей и солдат и медсестёр и санитаров...

Входит Анна Ивановна: Кто - то по санитарам соскучился? Спать, Спать, Спать...

(Все падают на свои кровати, через минуту раздаётся храп разной тональности)

ЗАНАВЕС

Илья КРИШТУЛ ▶

▼ ЖАЛОБА (два рассказика)

ЖАЛОБА

Хозяину магазина у меня во дворе Гургену Григорьевичу.

Уважаемый Гурген Григорьевич!

Вчера я купил в Вашем магазине 3 кг свежих и румяных плодов яблони из Египта. Продавщица Филоненко И., как было указано на месте её – извините – груди, сказала, что они очень вкусные, сочные и дешёвые, что для меня, неработающего инвалида всех групп по душевному здоровью, немаловажно.

Придя домой, я сел обедать этими плодами и смотреть по телевизору интересную передачу про то, как артисты катаются на коньках. Примерно на середине передачи я обнаружил, что внутри каждого вкусного и сочного плода яблони находится так называемый «огрызок» (далее – О.), который я не ем, но деньги за него мною тем не менее заплачены. Я решил досмотреть передачу, а заодно проверить оставшиеся фрукты на наличие в них оплаченных из моего кармана огрызков. Результаты проверки меня потрясли. В каждый плод, уважаемый Гурген Григорьевич, египетские товарищи засунули по одному несъедобному огрызку! Моё возмущение было так велико, что я, впервые в жизни не посмотрев заключительный блок рекламы, собрал все обнаруженные мной огрызки в количестве 16 шт., положил их в пакет с логотипом «Единой России» и вернулся в Ваш магазин.

Подойдя к продавщице Филоненко И., которая, как ни в чём не бывало, так и стояла за прилавком, я предъявил ей чудом сохранившийся чек на плоды яблони, то, что нашёл внутри них и объяснил, что не имею претензий ни к египтянам, ни к ней, ни тем более к Вам, а просто прошу отдать мне деньги, так как жизнь и так не удалась, а тут ещё эти дурацкие несъедобные огрызки. Гр. Филоненко И., даже не покраснев, заявила, что она не покупает огрызки у населения и посоветовала мне обратиться вместе с ними в «Скорую психиатрическую», куда я и так обращаюсь довольно часто без её глупых советов. При этом она смотрела на меня таким взглядом, будто я не гражданин РФ, а какая-то дохлая мышка или импотент. Это, кстати, ложь – на мышку, даже дохлую, я не похож, а насчёт потенции можно спросить у моей соседки Ани, скончавшейся в 1978 году и похороненной на Домодедовском кладбище. Да там у любой можно спросить, что я и объяснил продавщице Филоненко И., но она демонстративно отвернулась и начала обслуживать мужчину, отдалённо напоминающего врага народа Березовского. Я слегка повысил голос и попросил гр. и продавщицу Филоненко И. всё же взвесить обнаруженные мной огрызки и вернуть мне их стоимость, вычтя её из стоимости самих плодов. Я так же рассказал ей, что как-то вечером купил шоколадное яйцо и продавец честно предупредил меня о наличии внутри яйца пластмассового огрызка, из которого можно собрать дракончика, чем я и занимаюсь последние 3 года, но получается паровозик, а получится ли паровозик из огрызков, купленных у неё, это ещё вопрос. Мужчина, похожий наБерезовского, спросил, почему я не в школе для дебилов, а гр. Филоненко И., пока я объяснял, что в 54 года в школу не ходят даже дебилы, оскалилась, взяла один из моих огрызков и бросила его в район моего лица русской национальности, при этом громко призывая на помощь охрану. Вышедшему охраннику продавщица Филоненко И. и мужчина вылитый Березовский указали на мои умственные и физические недостатки, не совпадающие, кстати, с моей историей болезни. Охранник отвёл меня в сторону, назвался Витьком и предложил выпить. Я гневно отказался и с удовольствием выпил. В процессе выпивания я изложил охранникуВитьку свои претензии и он успокоил меня, сказав, что действия гр. Филоненко И. это произвол и возврат к сталинским методам торговли, так как она грубо нарушила мои права потребителя, а именно статью № 1 «О возврате огрызков» (со слов Витька, но он знает). Поддерживаемый им, я вновь подошёл к прилавку и очень вежливо попросил всё же отдать мне деньги, можно даже каким-либо спиртосодержащим товаром типа портвейна. Пакет с логотипом и огрызками, кстати, был уже в руках у мужчины-Березовского, который попытался надеть его мне на голову, но я ловко увернулся, а продавщица – гражданкой я её назвать не могу – Филоненко И. сказала, что таких покупателей, как я, она своими руками, то есть лично, вешала бы вверх ногами прямо в торговом зале. Приэтом она применила ненормативную лексику, тюремный жаргон и неверно процитировала известную песню, пожелав мне или мгновенной смерти, или огромной раны в области паха. Затем она вырвала пакет с моими огрызками из рук Березовского ипричинила мне им невыносимую боль в районе копчика. Во время причинения болиохранник Витёкнеожиданно перестал меня поддерживать и я упал, ударившись всем телом о витрину с мясной продукцией.

Жить в стране, в которой граждан бьют по копчику пакетами с логотипом правящей партии, не имеет смысла и я решил уехать навсегда к египетским яблоководам, но на подъезде к городу Кинешма был остановлен милицейским патрулём, который и вытащил меня из-под прилавка, где я ехал в купе повышенной комфортности. Этот патруль впоследствии оказался бандой оборотней, так как, не вняв моим просьбам о поимке Березовского, привёз меня в какое-тоспецучреждение без туалета, где я и проснулся утром с плохим самочувствием из-за отсутствия денег. В этом учреждении я, кстати, был унижен раздеванием донага, то есть совсем, перед молодым врачом, пол не помню, и подвёргся пытке жаждой. Поэтому, уважаемый Гурген Григорьевич, и в связи со всем вышеизложенным я прошу Вас о нижеследующем:

1) Возместить мне моральный и физический ущерб, нанесённый пытками и унижением в спецучреждении, в размере 100 рублей и пачки «Явы».
2) Запретить гр. – продавщицей я её назвать не могу – Филоненко И. при моём появлении в магазине интересоваться, чем кормят в больнице им. Кащенко и сколько в год моего рождения стоил аборт, что моя мама пожалела таких денег. Также прошу оштрафовать её в мою пользу на 100 рублей и что-нибудь запить.
3) Принять все меры к поимке Березовского, опознать которого можно по моим огрызкам (далее О.) и логотипу «Единой России» на пакете. Скорее всего, в данный момент он сожительствует с гр. и продавщицей Филоненко И. по адресу г. Лондон, ул. Первомайская, д. 37, где я пару раз их видел. Премию за поимку в размере 100 рублей и килограмма пельменей отдать мне.

С уважением к Вам и к Вашему малому бизнесу постоянный покупатель Ваня Лепёшкин, ну в такой шапке ещё смешной хожу, Вы вчера видели.

РАЗГОВОР ЗА УЖИНОМ

Они жили в мире и согласии десять лет. Каждый вечер, в 19.00, они ужинали и общались. По именам они друг друга давно не называли.

Она: - Слушай, была сегодня в обувном. Какие там сапоги за три тысячи – просто супер! Красные, кожаные, каблук, мыс – всё из последнего каталога… Три тысячи! Может, взять на весну?

Он: - Аршавин весной всегда плохой, Кержакова не поставили, Павлюченко вообще не взяли… И отдать некому, и отдавать некому, кисуль, представляешь?

Она: - Представляю, как их Машка увидит… Видел у Машки такие же, только чёрные? Она их в Италии купила, за триста евро! Дура, да? А тут – три тысячи…

Он: - Тысячи… Он два миллиона получает, а игры нет. На «мира» уже не поехали, теперь хоть на «Европу» бы… Позор один…

Она: - Конечно, этот позор уже носить нельзя. Если уж даже ты говоришь… Слушай, у меня и на осень ничего нет, только зонтик, ты подарил, помнишь?

Он: - Помню, Ярцева поставили и вышли, в Португалию поехали… И что в итоге? Три игры и обратно…

Она: - Машка обратно в Италию собирается, хоть и дура. Представляешь – за дублёнкой! Я прям расстроилась…

Он: - А чего расстраиваться, кисуль? Мы Словению таким составом сделать не можем, а там – Бразилия, Испания…

Она: - Какая Испания, говорю тебе – в Италию! Может, чёрт с ними, с деньгами? Жизнь один раз даётся и прожить её надо в красных сапогах! Пойду да куплю завтра!

Он: - Завтра «молодёжка»играет, надо посмотреть, может, оттуда кого взять…

Она: - Взять ещё к ним сумочку, я видела потрясающую, супер просто, здесь вставка такая красная под сапоги, а здесь камушки, ни у кого такой нет…

Он: - Ни у кого таких проблем, кисуль, нет. Все играют нормально, даже бедные… Грузины вон… А мы ничего не можем, с такими деньгами…

Она: - Не в деньгах дело… И у Машки не грузин, а армянин. Просто представляешь – я свои надену, Машка свои… И сумочка не поможет, будем, как две коровы…

Он: - Точно, коровы. Зажрались, не бегают… Нам бы в середину кого-нибудь, что б грыз, типа Рибери из Франции…

Она: - Что значит – «не бери Францию»? Там написано – Италия, значит – Китай.

Он: - Да им кидай, не кидай, всё бесполезно. Им и мяч-то не нужен… Упрётся, как баран, и вперёд – бум, бах… Романцева надо уговаривать, пусть возвращается.

Она: - И не уговаривай. Сейчас, побегу я возвращаться, на ночь глядя. Скидок подожду и возьму. Может, процентов тридцать скинут, если не больше…

Он: - А больше некого, кисуль. Всех пробовали…

Она: - Конечно, попробовала, походила даже… Смотрятся обалденно! Завтра пойду ещё померяю…

Он: - Точно, их аршином общим не померять… В какой-то свой футбол играют, отдельный… Чёрт, я тут с тобой болтаю, а сейчас хоккей начнётся…

Она: - Ага, скидки начнутся, а сапоги кончатся! Такое уже было, с плащом, помнишь? Я неделю рыдала! И чего я тебя вечно слушаю…

На разводе она мерила туфельки, а он читал «Спорт-экспресс». Они так и не вспомнили, как зовут друг друга…

Андрей МАХАОН ►

▼ НЕИСКРЕННИЙ ДРУГ (подборка стихов)

С НАТУРЫ

Суббота! Целый день свободен.
Но праздность мучает меня.
Я – атеист и раб Господен –
Смиренно голову склоня,
Раздумываю: ставить точку
Мне рано. Утренняя тень,
Брожу, вынашивая строчку
В смешной ушанке набекрень.

КАРТИНКИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ

1

Евгения Павловна Бу́ргард сидит в уголке. Коэльо
развернут на первой странице. Пренебрегая мелью
и не страшась утонуть, Женя читает роман.
Знаменитый бразилец набивает себе карман.
Выкурив натощак сигару, гордый дневным уловом,
Па́уло знает, что лучший способ подзаработать – словом
жечь людские сердца. Садясь за письменный стол,
он открывает графин, чтобы треснуть по сто.

2

Костя опорожняет две матерчатых сумки.
Аудиокассеты «Княжна Джава́ха», «Турецкий гамбит», «Сука-
любовь» перекочёвывают на письменный стол.
Экстравагантный француз Жак Ив Куст́о
говорил, наставляя подводников: «Ныряя на глубину,
держи́те в уме семь цифр. Если хотя бы одну
вы забудете, дело табак. Ныряйте,
но о возможности гибели тоже не забывайте».
О неминуемой гибели среди стеллажей
думает нынче Костя, мучая мочки ушей.

3

Популярный способ борьбы со смертью –
Diary, ЖЖ, марочки на конвертах –
сущая ерунда. Сочиняя стихи,
увеличивая в мире количество чепухи,
бродскообразной, скушной, весьма заразной,
выбираюсь на волю из ерунды непролазной.
Наивернейший способ: чужие стихи
разжижают градус мысли и коэффициент тоски.

ХУДОЖНИК

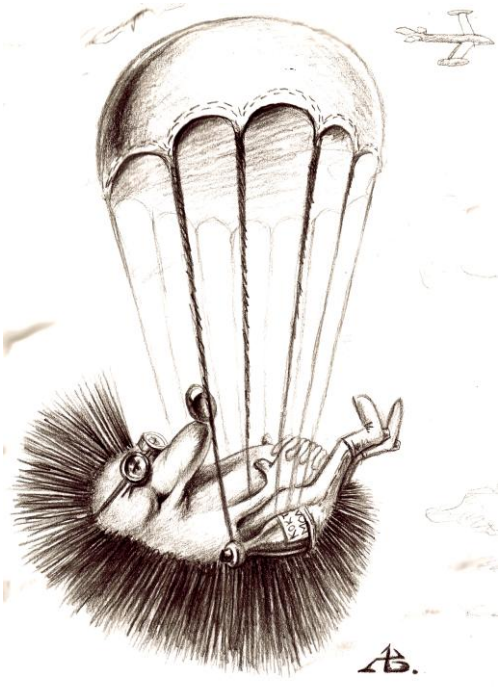
В молочном апрельском тумане
приснился Меланжевый парк:
с качелями, горкою, ранней
листвою и парой зевак.
Не я сновиденьем обманут, –
мне было всегда недосуг.
И строчки в забвение канут.
Художник – неискренний друг.

СИНИЦА

Не ада́жио и не ске́рцо, –
Одним пальцем была игра,
Утомительное соседство
И мерцание тихих бра.
Я случайно *её* услышал,
Но меня осторожный стук
Разбудил. Я покинул нишу
И узнал заоконный звук.
Если птицы – единоверцы,
Их полету не прекословь,
И в твое стеклянное сердце
Постучит синица-любовь.

ОДНОСТИШЬЕ

…Потому что влюбленный – неискренний друг.

КИНОЛИКБЕЗ
ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОГО КИНО

28-30 апреля под эгидой альманаха «Ликбез» и Алтайского государственного университета прошел 2-й фестиваль авторского кино, получивший в этом году международный статус. В конкурсной программе участвовало 47 фильмов из 5 стран. Победители и лауреаты получили Золотых и Серебряных «Жан-Люков», зрители тоже не остались внакладе. Предлагаем несколько отчетов наших корреспондентов.

Владимир ВИТВИНЧУК ►

▼ МНЕ НУЖНА ТРЕТЬЯ ПИЛЮЛЯ (три дня КиноЛикбеза)

Фестиваль «Кино-Ликбез» завершился, и сильные эмоции, лишившие сна многих киноманов на целых три дня, поутихли, оставив место для рационального анализа и обобщений. Несмотря на то, что по сравнению с прошлым годом, программа нынешнего мероприятия была более обширна: как по количеству представленных фильмов, их географии, так и по продолжительности - весь фестиваль был вновь проведен в течение трех дней. И думается, это не случайно.

Трехчастная структура предполагает обязательное участие в каждом из дней показов, иначе погружающая в себя магия кинематографической реальности не гарантирует раскрытия своего подлинного намерения — культурного перерождения зрителя в локусе фестивального события. Каждый участник фестиваля, сумевший раскрыть глаза и мозг достаточно широко, последовательно пережил рождение, жизнь и смерть в пространстве кино, потребляя соответственно «синюю» и «красную пилюли» Морфеуса из «Матрицы» и «третью» пилюлю С. Жижека из «Киногида извращенца». И если фантазматическая надстройка, обеспечивающая жизнь зрителя в темноте кинозала, позволяла отрешиться от осознания того факта, что сотня человек сидит неподвижно, уставившись в белое полотно (Гринуэй однажды метко сострил об этом во время своего визита в Москву), то отдельные счастливцы к концу третьего дня со-бытия мира «Кино-Ликбеза» постигали душой и мозгом ту самую реальность «белого полотна», которая более реальна, чем сама реальная реальность. Но прежде, чем награды в виде золотых и серебряных Жан-Люков нашли своих хозяев, а состояние опустошения и тревоги, а-ля «после оргии», охватило всех участников, магический экран предложил зрителям множество хороших, плохих и просто уникальных фильмов.

Первый фильм кинофестиваля открывал скорее не сам первый день, а задавал тон и ритм всего мероприятия. Поэтому «Ложь» Макса Попова и не вписывался в общую семантику дня «синей пилюли». Он задавал зрительскую установку на отрешение от ориентации на традиционные кинематографические стандарты, предлагал отказаться от «цепляния» глазом за красоту плана, четкость монтажного стыка и стабилизацию камеры и посмотреть прежде всего в себя: найти фильм в себе и себя в фильме. Мы смотрим на белый экран, мы смотрим на бетонную стену, мы смотрим в окно электрички, в которой отражаемся сами, и все, что происходит на экране — происходит у нас в голове. И в этой области мы — заплутавшие странники, блуждающие в коридорах смысла и бессмыслицы, ищущие ту самую заветную фрейдовскую дверь в не освященную комнату, где таятся образы и мысли, столь

тревожащие и притягивающие нас. Не глаз является заказчиком монтажной работы для собственного услаждения, а мозг — для болезненного раздражения, для головной боли — свидетельства работы мысли.

И далее рука кинематографа бросает зрителя в реальность нашего мира со всеми его стереотипами, убежденностями и очевидностями. Мы смотрим фильмы о матричной жизни, среди них: «Страшно стать мамой», «Страшноватое эссе», «Мы помним», «Людочка», «Телевизор» и др. В разных тональностях фильмы прорабатывают темы, как будто бы уже давно набившие оскомину: материнство, футбол, война, информационный мусор из зомбоящика, но это показ реальности в смещении мотива познания. Прикрываясь знанием, тем, что все показанное якобы было уже видено не один раз, мы в очередной раз ослепляем себя, отказываясь взглянуть на пошлость реальной реальности и задать себе вопрос — а кто же эту пошлость создает.

Схематизация обыденного мира явно прослеживается в короткометражке "TSARS" Александра Антипина, который выводит параллели с «Идеальным человеком» Йоргена Лета. Конечно, в фильме Антипина отстраненный взгляд на человека обыгран более прямолинейно: люди предстают на экране не просто в ничего не значащих позах, характеризующих человека только как человека, но и связанные пропорциями геометрических линий графики. Математизация человека, его движений, мыслей и поступков уносят нас далеко за пределы солнечной системы и показывают, как бы смотрелся человек в глазах инопланетного жителя, и в то же время демонстрируют чуждость представителя человеческого вида самому себе и другим homo.

Общеизвестно, что всякий нестандартный взгляд на мир очень схож с безумием, и изрядную порцию такого безумия мы получаем с психоделическим фильмом «Шива» и сюрреалистичной анимацией Антона Яхонтова. Можно немало спорить об их художественных достоинствах или этических предпосылках, но в этих произведениях мы явно ощущаем разрыв реальности, разрушение мифологических надстроек и взгляд на мир глазами шизофреника, как на перетекающее и хаотичное скопление тел, контактов, мясных сочленений, поеданий и выделений, никак не приукрашенных ритуальностью или моральностью.

Мотивом безумия открывается и день «красной пилюли», который тематически был организован из показов фильмов, ориентированных на слом реальности и проникновение в красную мякоть бытия. Второй акт пьесы под общим названием: «А давайте-ка я вам покажу, как мы в действительности мыслим».

Показ открылся фильмом Алены Воеводиной «Изображая тень», который представил зрителю пространство расщепленного сознания, расколотого на фрагменты негативных эмоций и не способного отличить реальность от того, что происходит только в голове. Фильм ставит диагноз всему современному обществу. Центральный мотив картины легко прослеживается через эпизод, в котором героиня разбивает в зеркале собственное отражение, навеки превращая картину мира в мозаичную совокупность едва различимых фрагментов собственных фобий.

Абсурд бытия оголяется для зрителя и в откровенно плохих картинах: «Самый-самый-самый плохой» и «Неопрятный мальчуган Томми», связанных общей тематикой заполнения человеческого пространства злобными зомби и, в конечном счете, превращения в зомби самих людей. Кто такие в действительности люди, и не являются ли трупы с обвисшей кожей из голливудских ужастиков просто населением наших городов, нашими соседями и прохожими на улице? Эти вопросы контекстуально волнуют многих режиссеров, но не все отваживаются высказаться об этом прямо. Героиня «Самого, самого, самого плохого» беспощадно расстреливает пистолетом Милы Йовович и рубит мечом Умы Турман ходячих мертвецов, экранируя при этом свою схожесть с ними. Типичные действия человека, отказывающего принимать тот факт, что у него рак легких или, что жена его уже не любит.

Резкий контраст с «безумными» фильмами создают добрые, лирические картины: «Крылья» и «Жила-была мама». За кажущейся простотой и наивностью, ленты предлагают зрителю потрудиться головой и докопаться до мысли о необходимости жизненного усилия для осуществления самого себя как человека. Жизнь — это усилие во времени, и только прилагая изрядный объем труда к своей жизни и жизни окружающих, мы можем оставаться людьми. Два этих фильма являются ответом на вопрос, поставленный предыдущими двумя фильмами. Только человек способен проявить заботу к ближнему и даже к дальнему. В таком экзистенциальном духе фильмы несут послание о способности человека не только к полету на вершинах, но и к настоящей жизни в самых глубоких безднах бытия.

Кульминацией перехода в подпространство реальности, приглашением в пустыню реального явился фильм Юлии Долженко «Пять новелл», который ведет зрителя в тот слой социального пространства нашей современности, который находится под всеохватывающей пленкой лжи и миражей человеческого присутствия. Другой стал чужим, отсутствующим в сфере личностной жизнедеятельности. Украшая квартиру модным ремонтом, отягощая тело дорогим автомобилем, мы не замечаем, что дом опустел, стены разваливаются, занавески прикрывают унылый постапокалиптический пейзаж с копошащимися в помойках бомжами, а автомобиль тонет в болоте нечистот и сжигает последний пригодный для жизни воздух. Экзистенциал одиночества, столь ярко прорисованный в фильме, говорит не только о разрушении социальных связей между членами общества и коллектива, но и о принципиальном непонимании между матерью и ребенком, казалось бы, связанных безусловной любовью и при этом живущих в совершенно разных временах жизненной ценности и устремленности.

Продолжают номадическую тематику медитативные фильмы: «Кузница» и «Кочевье». Они не вызывают рефлексии или построения в голове сложных смысловых конструкций; в этом случае задача камеры другая. Фильмы просто затягивают в себя, погружают в созданную режиссером кинематографическую реальность, открывая, таким образом, нашу реальную реальность. Это жизнь и люди ее проживают, без амбиций, без оправданий, без перспектив. Погрузивших в этот абсурдный водоворот, уже нельзя задавать вопрос о причинах, нужно просто чувствовать себя бараном (в хорошем смысле слова).

Третий день фестиваля был ориентирован на поиск того скрытого и всеми тайно желаемого в кинематографической реальности, реальности сна, реальности вымысла, что более реально и важно, чем сама реальность, являющаяся в сущности историческим пережитком человеческого сознания.

Мощь воображения, способного трансформировать человека по собственной прихоти, отражена и в теме игромании фильма «Пистолет» и в катастрофичности фильма «37 и 70» и в сновиденческих фильмах «Зая-Гриль» и «Сон наяву» и в великолепной кино-поэзии Кристины Кармалиты. Эти фильмы объединены констатацией одного факта — мы не можем по-настоящему знать не только постороннего или близкого нам человека, но даже самого себя. Реальный человек — это пустышка, пустое означающее, которое может идентифицироваться по каким-то надуманным признакам работы, национальности, социального положения and all that. Человек может понять, чем он в действительности, в бытии, в сущности, является только через метафору творческого акта. Человек — ничто, и чем-то он может быть только в пространстве творческих исканий и страданий. Перечисленные фильмы направлены, прежде всего, на самих их создателей, а для зрителя они являются примером того, что нужно искать в фильмах. И это, очевидно, не красота картинки, стабилизация камеры или гладкость монтажных стыков; искать нужно мысль о себе, о своей жизни и о другом в своей жизни.

Погружение в вымышленные структуры реального бытия продолжают типично кафкианские фильмы «Жук», «Объединение 4Д» и «Существительное жить». Хоть режиссер первых двух и утверждает, что не читал Кафку, это не должно никого вводить в заблуждение, поскольку мы можем наблюдать яркий случай извлечения кафкианских, архетипических мотивов прямо из собственного бессознательного.

Завершился фестиваль показом внеконкурсного фильма «Та сторона», раскрывающего очень старую проблема выбора каждого интеллектуала: быт, дети, жена или книга. В этом качественном, мастерски сделанном фильме можно проследить еще множество тематических линий, но тема страдания невозможности отказа от выбора кажется особенно привлекательной.

К сожалению, программа фестиваля по причине ограниченности во времени не вместила фильм Вячеслава Корнева «Вырванные страницы из дневника Ленина», где давно знакомые барнаульскому киноману актеры предстают в несколько новом, модифицированном виде. Некоторые зрители, пришедшие специально для просмотра этого фильма, были расстроены, но они могут быть удовлетворены во время ближайшего заседания клуба любителей интеллектуального кино в АлтГУ, где будет показана новинка.

В итоге фестиваль порадовал многих и никого не оставил равнодушным. Кто-то критиковал, кто-то одобрял, кто-то думал, кто-то не мог спать все три дня, но в каждом зрителе фестиваль оставил что-то свое, какую-то установку и элемент перерождения художественных вкусов. По крайней мере, зрителю стало ясно, что среди всей ерунды, которую показывают по телевизору, увидеть фестивальные фильмы сложновато, а потому усилия, необходимые, чтобы их посмотреть, вознаграждаются с лихвой. И как жаль, что до следующего фестиваля остался еще целый год.

Алексей БОРОВЕЦ ▶

▼ КУДА ИДЕТ КИНОЛИКБЕЗ? (послесловие к фестивалю)

Кино-Ликбез 2011 завершён. Фестиваль зрителям дал возможность увидеть, с чего начинается кинематограф. Едва ли кто-то стал бы смотреть эти фильмы в другой обстановке (дома, например). Вообще, вряд ли бы мы о них узнали. Большинство показанных фильмов представляют собою, я бы сказал, нулевой пласт киноматериала. То есть, это фильмы, которые довольно скоро канут в Лету, и более никогда оттуда не покажутся. Имена режиссёров не числятся в википедии, фильмы не выложены на торренте. Авторы снимали эти фильмы потому, что это было необходимо именно в данный момент. Одни, таким образом, выполняли студенческую повинность (например, беспредметный монолог А. Масленниковой из «Пьесы в одно действие»), другие делали очередной уверенный шаг в искусство (лично я в первую очередь подразумеваю режиссёра с большим потенциалом Георгия Парфиненко и ряд других участников, для которых кино – не учёба, не заработок и не хобби, а дело жизни) – и неизвестно, останутся ли следы на их творческом пути от этих шагов (надо понимать, что без этих шагов сам путь немыслим, след же имеет второстепенное значение), фильмы третьих похожи на упражнения, попытку набить руку в техническом плане (это и «Глаза голубой собаки» Ксении Торской и несколько дизайнерские, как мне показалось, работы Яхонтова и Антипина). Работы документалистов по определению привязаны к настоящему – это то, что нужно увидеть, узнать и осмыслить сейчас. Часто работы конкурсантов напоминали почеркушки, палитры, черновики. Без определённой канвы, не всегда законченные. Но были представлены и цельные работы, которые уже никак не назвать попытками. В третий день фестиваля были показаны, пожалуй, лучшие работы. Особняком стоял фильм «Существительное жить». По-моему, единственный во всей программе, где авторы создали свою собственную реальность, придумали иные условия, чтобы бросить свежий взгляд на давно знакомые вопросы (о значении смерти, о понимании между людьми и ряд других…). Также были и другие истории. Несколько мрачная рефлексия художника в фильме Сергея Грека «Сон наяву». Этому фильму где-то не хватало новизны в тексте, в некоторых средствах выразительности – с другой же стороны, фильм изображает жизнь, а новизны мало и в жизни – в основном, одни и те же вопросы с одними и теми же ответами, знакомые образы, интонации, дежурный трагизм, бездарные стихи... Но были и талантливые стихи. В работах Кристины Кармалиты. То, что она делает, казалось бы, должно напоминать музыкальные видеоклипы – ведь есть музыка, есть голос, читающий текст, однако в этих работах есть некая специфика. Так же, как и в клипах, видеоряд здесь не следует буквально тексту или музыке, однако, в отличие от музыкальных промороликов, видеоряд Кристины имеет самостоятельную ценность. Красивая картинка, складывающаяся в повествование. И когда эта картинка идёт одновременно со звуком, получается завораживающая симфония разных уровней восприятия. Кропотливый труд, результатом которого становится лёгкий жанр коротких, но законченных произведений. Также порадовал внеконкурсный фильм Филиппа Дмитриева «Та сторона». Качественная с технической точки зрения работа, не лишённая остроумия, да ещё и с открытым финалом – что нужно ещё?

Много было сказано о слишком большом различии в уровне выставленных работ. О том, что барнаульцам не по силам тягаться с профессионалами из мегаполисов. Почему же тогда участники из Рубцовска и Новосибирска заслуженно получили золото? Дело-то не в том, есть ли под рукой дорогая техника (та же Кристина Кармалита снимала свои работы на фотоаппарат) или школа кинематографа, а скорее в умении грамотно оценивать ситуацию и свои силы. Или вы принимаете вызов ВСЕГО СУЩЕСТВОВАВШЕГО ДО ВАС кинематографа и снимаете кино, которое вам не стыдно было бы показать своим любимым режиссёрам, или остаётесь зрителем. Иначе это не творчество, а лицемерие и шарлатанство. Заткните уже за пояс Хичкока! Он родился в девятнадцатом веке, ёлки-палки! Или вы снова будете за что-то извиняться перед показом своей картины? Следующий Кино-Ликбез не за горами.

P.S. А Жан-Люков выдали почти всем. Непонятно за что некоторые получили. Да ещё умудрились некоторых обделить совершенно напрасно (например, Михаил Черняк показал работу намного более остроумную и динамичную, чем награждённые Владимир Кондауров и Анатолий Шульев). Слишком много наград. Чем меньше Жан-Люков, тем слаще победа. Тем серьёзнее нужно работать и авторам и жюри.

Юлия ХРАМОВА ►

▼ МИР «КИНОЛИКБЕЗА» – СОЮЗ МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТИ (заметка)

Фестиваль авторского кино «КИНОЛИКБЕЗ» прошёл в Барнауле во второй раз. В конкурсной программе было показано 47 фильмов из Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Барнаула, Петрозаводска, а так же из Казахстана, Беларуси, Украины и Италии. Показы проходили с 28 по 30 апреля на двух площадках - в кинозале «Премьера» и в актовом зале корпуса «С» АлтГУ. Три дня залы были заполнены кинолюбителями, которые могли увидеть фильмы всех жанров и на все вкусы, разной технической сложности и разной концептуальной наполненности: экспериментальный киноавангард и отчётные работы выпускников мастерской ВГИКа, документальные или игровые фильмы, анимацию, киноэссе от профессионалов и любителей.

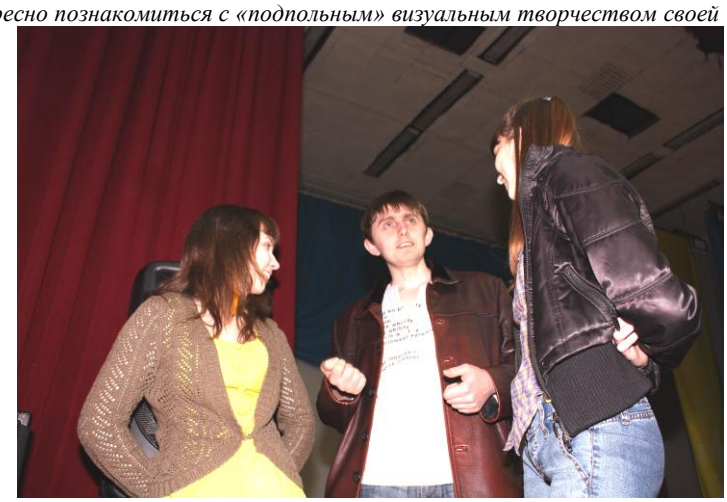
Зрители не только смотрели и слушали, но и принимали активное участие в обсуждении показанных работ, делились своими мыслями и эмоциями:

«Спасибо за фестиваль всем авторам! Очень интересно познакомиться с «подпольным» визуальным творчеством своей страны. Это единственная возможность»

«Фестиваль зрителям дал возможность увидеть, с чего начинается кинематограф. Едва ли кто-то стал бы смотреть эти фильмы в другой обстановке (дома, например). Вообще, вряд ли бы мы о них узнали. Большинство показанных фильмов представляют собою, я бы сказал, нулевой пласт киноматериала»

«Я знала, что меня ждет и думала, что ко всему готова, поэтому приятной неожиданностью для меня был полный слом парадигмы восприятия, произошедший в номинации «Анимация и Киноэссе». Не все фильмы понравились, некоторые откровенно не понравились, но дух творчества, витавший в кинозале, будоражил кровь и за это можно многое простить»

«Вячеслав Корнев – несгибаемый энтузиаст, и я уверен, что 3-му «КИНОЛИКБЕЗУ» быть!»

Вот что рассказал нам «несгибаемый энтузиаст», преподаватель АлтГУ, редактор литературного альманаха "Ликбез", председатель Клуба любителей интеллектуального кино, организатор, ведущий и идейный вдохновитель фестиваля «КИНОЛИКБЕЗ» Вячеслав Корнев:

- Вячеслав Вячеславович, каждую неделю вы проводите показы интеллектуального кино, зачем вам организовывать ещё и фестиваль таких фильмов?

- Клуб любителей интеллектуального кино существует восемь лет, и все это время чувствовалась потребность в какой-то творческой реализации, а не только необходимость просмотра и обсуждения чужих фильмов. Невозможно видеть авторское кино и не заразиться вирусом творчества. Как говорится в старом анекдоте, чукча не читатель, чукча писатель.

- Так значит, фестиваль вам нужен как способ оказаться внутри кино, перестать быть сторонним наблюдателем, в этом его цель?

- Цель фестиваля - объединение творческих сил кинематографистов нашей страны и русскоязычного Зарубежья на платформе интереса к независимому и некоммерческому киноискусству. "КИНОЛИКБЕЗ" задумывался как творческая лаборатория, где синтезируется именно экспериментальное, авангардное или просто непопсовое кино.

- Вы награждаете победителей фестиваля золотыми и серебряными Жан - Люками, да и вообще, Жан - Люк Годар, режиссёр, стоявший у истоков французской новой волны, стал символом фестиваля, почему именно он?

- Если "ньютон" - единица физической силы, то для меня "годар" - единица творческой энергии, новаторской мысли, художественной яркости. Жан-Люк Годар - не просто великий режиссер, это еще эталон бескомпромиссности, непродажности, да и вообще гения в киноискусстве.

- А вы не боитесь, что фестиваль будет расти и расширяться, уровень присылаемых картин будет становиться всё профессиональней и сложней, будет нелегко решить, кому отдать Жан-Люков и оставаться объективными?

- Не боюсь ничего, никакой лишней ответственности. Фестиваль проводится практически на чистом энтузиазме, бюджеты и амбиции за ним не стоят, потому и опасаться нечего. Будем вместе со всеми нашими активистами год за годом проводить кинофорум, налаживать творческие связи с другими городами, приучать публику к хорошему кино. Ведь главное в фестивале – обмен опытом, оценка и критика произведений молодых и оригинально мыслящих режиссеров, актеров, сценаристов. Ещё возникла идея устроить масштабный киносеминар - т.е. открытый практикум, где все желающие смогут показать материалы своих фильмов профессионалам цеха - режиссерам, операторам. Смогут получить бесплатные полезные советы и поучаствовать в мастер-классах. Одновременно это будет своеобразный отбор фильмов и задел на будущий «КИНОЛИКБЕЗ».

Об активистах, хоть фестиваль и проводится под эгидой Алтайского государственного университета, альманаха "Ликбез" и "Алтайкиноцентра", главный организатор киносмотра – это Клуб любителей интеллектуального кино. Кто же такие, эти любители Бергмана, Антониони и Годара? Это студенты и аспиранты разных факультетов АлтГУ: философского, филологического, исторического, журналистики, искусств. Все они болели за идею фестиваля и очень многое сделали для её воплощения в жизнь: работали в рубке киномеханика, брали интервью, писали репортажи, встречали и провожали гостей, печатали, раздавали, собирали, обрабатывали анкеты, отливали призовых Жан-Люков, распространяли информацию о фестивале в интернете, соцсетях, фотографировали и снимали, а ещё им удалось создать особую теплую, дружескую атмосферу «КИНОЛИКБЕЗА». И фестивальное общение между участниками, зрителями и организаторами фестиваля получилось очень интересным, запоминающимся и взаимообогощающим.

Те конкурсанты, что не смогли приехать и представить свои работы лично, отправили киноликбезовской публике видеообращения, зрители интерактивно познакомились с питерскими и московскими авторами, услышали приветствия и пожелания от итальянских, азербайджанских и белорусских режиссёров.

А иногородние гости, которые смогли посетить фестиваль и пообщаться со зрителями вживую, с радость поделились своими впечатлениями от «КИНОЛИКБЕЗА»:

Макс Квант (режиссер-аниматор из Новосибирска, автор документального фильма «37 и 70» и анимации «Парабола»):

- Фестивали в провинции проводятся либо ради продвижения своих талантов, либо для удешевления самого мероприятия. «КИНОЛИКБЕЗ» же не относится ни к тем, ни к другим. Это фестиваль, призванный в первую очередь познакомить зрителей с тем миром кино, за пределами красивых афиш и мультиплексов - это другое измерение со своими триумфами и неудачами, добрыми и злыми, бюджетными и вовсе бесплатными фильмами.

На «КИНОЛИКБЕЗЕ» я впервые поговорил со зрителями тет-а-тет (до тех пор только видел комментарии, но не более). Приняли тепло, интересовались биографией, пристрастиями, творческими планами, даже кидали идеи.

Георгий Парфиненко (режиссёр из Казахстана, автор короткометражек «Жук», «Пистолет», «Объединение 4Д», победитель в номинации «Золотой Жан-Люк за лучшее игровое кино»):

- Такой разный уровень киноликбезовских работ! Разброс колоссальный. Мне кажется проблема многих режиссеров, в том, что они не хотят расти. Не хотят переходить из самодеятельности в КИНО. Вот «КИНОЛИКБЕЗ» - все, кого он объединяет, кроме кино занимаются чем-то еще: где-то работают, учатся на разных специальностях далеких от кино. Но никто не делает режиссуру своей профессией. Им очень удобно в нише антикоммерческого кино.

Юлия Долженко (режиссёр из Степного Озера, автор фильма «Пять новелл», победитель в номинации «Серебряный Жан-Люк за оригинальную идею»):

- Замечательный кинофестиваль! Прекрасный! Вручение наград, правда, вызывает противоречивые чувства: мне было неловко получать Жан-Люка, но в целом - это просто невероятно! Столько замечательных интересных людей, красивых лиц, кинокартин! Когда начинается очередной фильм - он так захватывает с первых кадров! И порой так разочаровывает по окончании: словно пленка оборвалась, - а где же смысл? Но я не уставала вновь надеяться и разочаровываться, радоваться и волноваться.

Не молчали и члены жюри – арт-критик Вадим Климов и режиссёр-клипмейкер Александр Быков – сделали подробный разбор всех работ, которые они внимательно отсматривали и строго оценивали в течение трёх фестивальных дней. Когда съёмочные группы услышали адресованную им похвалу и критику, «работа над ошибками» была завершена. Пришло время самого интригующего момента - церемонии награждения. Победители поднимались на сцену за золотыми и серебряными Жан-Люками, благодарили зрителей и организаторов «КИНОЛИКБЕЗА», а в их творческих умах в это время наверняка витали идеи новых фильмов.

Фестивальная программа завершилась показом внеконкурсного полнометражного фильма новосибирского режиссёра Филиппа Дмитриева «Та сторона». Этот красивый, умный, снятый на высоком техническом уровне, фильм подтвердил то, о чём все три дня говорил «КИНОЛИКБЕЗ» – у нас есть киноискусство, потому что есть люди, которые снимают фильмы - интеллектуальные, жанровые и экспериментальные, есть зрители, которые их любят и хотят смотреть и есть люди готовые организовывать и проводить независимые фестивали, демонстрирующие такие фильмы.

ПРИЗЁРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ АВТОРСКОГО КИНО «КИНОЛИКБЕЗ-II»

Золотой Жан-Люк за лучшее игровое кино:
«**Я хороший**» (Россия, Москва, Red Grounge, 2010) режиссер Владимир Кондауров
«**Объединение 4 Д**» (Казахстан, Алматы, 2010) режиссер Георгий Парфиненко

Золотой Жан-Люк за лучшее документальное кино
«**Кузница**» (Россия, Москва - Боровск , 2009) режиссер Максим Астафьев
«**Пьеса в одно действие**» (Россия, Санкт-Петербург, 2010) режиссер Анастасия Масленникова

Золотой Жан-Люк за лучшее киноэссе
«**На последних минутах**» (Россия, Новосибирск, 2010) режиссер Кристина Кармалита

Золотой Жан-Люк за лучшую анимацию
«**Жила-была мама**» (Россия, Москва, 2010) режиссер Анна Артемьева

Золотой Жан-Люк за лучшую роль
«**Крылья**» (Россия, Москва, 2011) актриса Лада Чуровская, режиссер Анатолий Шульев

Золотой Жан-Люк за лучший дебют
«**Ложь**» (Россия, Барнаул, 2010) режиссер Максим Попов

Золотой Жан-Люк – Приз Зрительских симпатий
«**Кочевье**» (Азербайджан - Россия, 2010) режиссер Родион Исмаилов

Серебряный Жан-Люк за лучшую операторскую работу
«**Follow**» (Италия, 2010) режиссер и оператор Майкл Хадсон

«**Легенда о первой тайне космоса**» (Россия, Москва, 2011) операторы Сергей Язвинский, Вячеслав Иванов , Надежда Чурюмова, режиссер Сергей Язвинский

Серебряный Жан-Люк за оригинальную идею
«**Пять новелл**» (Россия, Степное Озеро-Барнаул, 2010) Юлия Долженко

Серебряный Жан-Люк за лучший монтаж
«**Глаза голубой собаки**» (Россия, Тюмень, 2011) монтажер Дмитрий Папиж, режиссер Ксения Торская
«**Urban Wireless**» (Россия, Санкт-Петербург, 2009) Александр Антипин

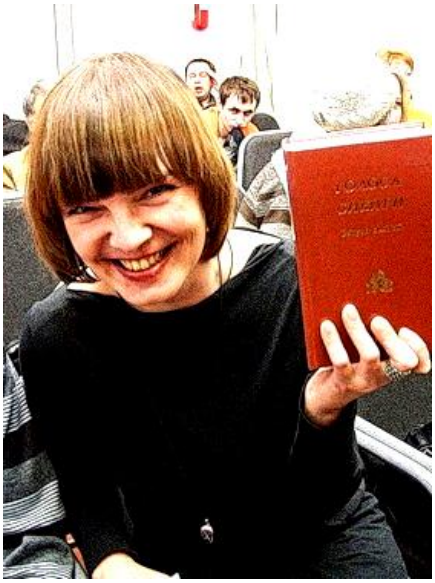
Серебряный Жан-Люк за лучший сценарий
«**Существительное жить**» (Россия, Москва, 2010) режиссер, сценарист Анна Наумова
«**Изображая тень**» (Россия, Барнаул, 2011) Алёна Воеводина

НАШИ ГОСТИ

Наталья НИКОЛЕНКОВА ►

▼ МОЕ ДЕТСТВО ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛОСЬ (интервью)

Поэтический талант Натальи Николенковой был признан очень рано. Известная далеко за пределами Алтайского края, поэтесса, как героиня популярной песни Андрея Макаревича, идет по жизни смеясь, и пишет книжки, в которых вызывающе несерьезно и шутливо рассуждает о предметах важных. Чем и привлекает не одно поколение читателей и читательниц. С «Ликбезом» Наталья сотрудничает не то, чтобы давно, но крайне плодотворно. Теперь в формате интервью.

- Вопрос первый и нескромный… Наталья, скрываете ли Вы свои года? Необходимо ли это женщине, а в особенности – поэтессе?

- Нет, не скрываю. Я как раз из тех женщин, о которых Оскар Уайльд сказал: «От женщины, которая не скрывает своего возраста, можно ждать чего угодно». Тем более, всё равно скоро попаду в энциклопедии, а там всё конкретно сообщат (это не шутка.) С другой стороны, психология: тебя считают молодой, а скажешь возраст – начнут замечать морщины и т.п.

Раньше наши с Фаридой (Фарида Габдраупова, извсетный барнаульский поэт – прим.ред.) дочери (мы однокурсницы, родили довольно поздно) нас молодили, а сейчас выросли, кобылицы, и наш сороковничек стал явным. Вот Фарида, кстати, свой возраст не выдаст даже под пыткой. Хотя, согласитесь, скрыть свои годы может Марь Иванна Пупкина, а мы, знаменитости вроде Людмилы Гурченко – нет. Двадцать лет в литературе, и это все знают.

- Каждый человек творит о себе легенду. Расскажите Вашу легенду.

- Пусть легенды обо мне появятся в чьих-нибудь, как говорил папа Муми-тролль, «мемаурах». Единственное и всем уже известное: упала во втором классе с забора головой на каток – и с тех пор стала писать стихи. Ну, и ещё знаменитая встреча с Андреем Вознесенским…

- Говорят, что всё у поэта – из детства. Что «утащили» из детства Вы?

- Мне кажется, моё детство ещё не кончилось, хорошо это или плохо. Некий инфантилизм, он же непосредственность, наверно, скоро будет выглядеть комично, да и Бог с ним. Мне кажется, осталось внимание к мельчайшим деталям. Например, многие люди даже головы не поднимут, чтобы увидеть радугу. И тут на них налетаю я: «Смотрите, радуга! Смотрите, снегирь!»

…Запахи – моё всё. До трёх лет (когда мама научила читать) приносила папе свежую газету, выбрав её из всех по запаху.

- Чем, на Ваш взгляд, мужчина может удивить женщину?

- Ничем. И всем. Тем, что взял и влюбился в неё (с чего бы?) Дарили мне, конечно, ведро роз – но эти материальные эквиваленты чувства, по большому счёту, фигня. Вот стихи – уже кое-что (их было предостаточно, и продолжаются.) Просто неожиданная волшебная встреча. Шубы-побрякушки-белые жеребцы-чёрные автомобили – их прелести не поняла до сих пор.

А вообще, мужчина сначала вовсю старается удивить-поразить, создаёт образ мачо или падишаха, а потом оказывается ровно таким же, как ты, тонким, ранимым, рефлексирующим – короче, человеком.

- Храните ли Вы свои рукописи? Любите ли свой почерк? Какой он у Вас?

- Совсем ранних школьных стихов не сохранилось. А так – лежат в шкафу тетрадочки, в хронологическом порядке. Я, при внешней безалаберности – учёный малый, но педант. Почерк у меня круглый (видно, я – мягкая и пушистая?), без наклона. Буквы п, ж, г, у разобрать практически невозможно, если пишу кому-то – выписываю их специально поразборчивей. Кто-то говорил, похоже на арабскую вязь. Пишу, кстати, не точно на строчке, а повыше. Мне почерк, конечно, нравится. Нам ведь и собственные козюльки из носа нравятся, да?

- Когда Вас впервые назвали поэтом?

- Не помню, честное слово. Я, по крайней мере, до сих пор себя так не называю. А при слове «творчество» моя рука тянется к пистолету.

- Творческий человек любит эпатаж. Одни скандалят в жизни, другие – на бумаге… Нужен ли эпатаж Вам?

- Мой эпатаж, если он есть, неволен. Всегда любила не в перьях-блёстках на сцене стоять, а тихонечко в уголке сидеть, других слушать. Алёна Воеводина (двадцати лет) в один из заездов компании Корнева в Красилово сказала мне: «Ты делаешь много такого, чего я сделать бы не смогла». Я в недоумении: чего я такого делаю? Живу себе и живу как попало. Одеваюсь, например, как Бог на душу положит (отмазка: стиль фьюжн), и слышу: «Стильно, необычно...» или: «Курт Кобейн родился?» Захочется – буду прыгать-скакать, в снегу валяться...

В стихи проникают слова из сегодняшней жизни. Понимаю, что общенье с молодыми стихотворцами, и не только, на мою лексику-синтаксис повлияло. Бытие определяет стихосложение, это нормально.

Сознательный эпатаж – не моё. Я – скромное дитя советской эпохи, когда все деревья были большими, а все пальто – одинаковыми. Мама всё детство долбила: «Ты ничем не лучше других, надо быть скромнее...» (В школе – все «пятёрки», золотая медаль, все дела. А я устные уроки никогда дома не учила, всё с лёту запоминала).

Не знаю, в тему ли. Один батюшка после причастия сказал обо мне: «Хорошая девочка. Только гордыню немного победить...» Да я всю жизнь искренне открещивалась от тщеславия и его производных! Видно, это и есть один из признаков гордыни. А, вот ещё – дочь моя Саша меня не читает. В период алтапрессовских баталий на литературные темы я, для поддержания материнского авторитета, прочла ей вслух отзыв Вячеслава Корнева (самого Корнева!) о моих стихах. Там столько было восторженных эпитетов, что я сама едва не поверила в собственную гениальность. И тут Сашечка моя ласково так говорит: «Мама, осторожно, осторожно! Корона свалится...» Вообще, мы с Фаридой, как правило, работаем на контрасте: королева – и серая мышь. Угадайте, кто мышь.

- По Пушкину, «мы все глядим в Наполеоны». Какие у Вас наполеоновские планы?

- Ни наполеоновских, ни кутузовских. Абсолютно не плановое у меня хозяйство. Если это не фатализм, то пофигизм… Плыву по течению, пока (тьфу-тьфу-тьфу!) удачно. Хотя если завтра принесут Нобелевскую премию – не откажусь, возьму, не побрезгую. Книжки-то все как-то сами собой издались (точнее, благодаря Алтайскому книжному издательству, Валере Тихонову, Виталию Коньшину, Михаилу Гундарину). Паразит я на теле общества…

- Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети писали стихи?

- Дитя стихи писало, сейчас, вроде, нет. Интернет, шопинг, салоны красоты – это ей ближе, и слава Богу. Пусть живёт как девочка, а не как безумец. Саша, проживи все эти женские радости за меня! А я за тебя, так и быть, ещё тысячу книг прочитаю. И что-нибудь напишу.

- Женщина хранит житейскую мудрость, а потому любит афоризм. Ваш девиз?

- Любимых афоризмов много, включая матерные из Ирвина Уэлша. Они возникают в связи с жизненными ситуациями и настроением. Франц Кафка: «Вы перенесли встречу со смертью. Это укрепляет». Есть и собственные, например: «И будешь ты царицей мира, Голубка дряхлая моя!» Или: «Жизнь – дерьмо, но плыть надо».

Интервью взял **Константин ГРИШИН**

НАШИ АВТОРЫ

► Евгений БАННИКОВ

Родился в 1967 г. в Барнауле. После окончания средней школы, в 1985 г. пытался поступить на филфак АГУ, но "срезался" на сочинении.

Служил в армии на Дальнем Востоке. Вернувшись домой, поступил в 1989 г. на отделение журналистики АГУ (заочно). Работал корреспондентом ряда периодических изданий. Активно участвовал в литературной жизни города.

Стихи начал писать в детстве. Юношеские произведения были собраны в рукописный сборник "Ирмос" (церковный термин - "вступление"). Наиболее заметная публикация стихов в то время - в журнале "Алтай" № 2 за 1994 г. После некоторого перерыва, связанного с болезнью, начинает активно печататься с 2001 года. Публикации в журналах «Алтай», «Барнаул», «День и Ночь», «Встреча». В 2005 году в Барнауле вышла книга стихов «Присутствие». В 2006 году – совместно с М.Гундариным – книга «XXX».

► Александр БОРОВЕЦ

Автор всех иллюстраций в 18-м номере «Ликбеза»
Родился в 1964 г. Учился в советской школе с 7 до 17 лет. Год работал на «Трансмаше» художником-оформителем. Учился на художника-оформителя в Барнаульском торговом училище. Дальше - "Тихая мансарда"... и т.п. Главное произведение - сын, который был выставлен на выстаке Тих Мансарды в 1989 году (на праздник газеты «Молодёжь Атлтая») в качестве спящего в коляске экспоната...
В детстве у меня была серьёзная проблема - я боялся драться лет до 14... Потом возрастная перестойка организма сделала своё дело - и во время драк я начал испытывать изменённые состояния сознания...
Время ЗАМЕДЛЯЛОСЬ, я испытывал огромную РАДОСТЬ и полную ЯСНОСТЬ без слов... Пока противник только замахивался я успевал сделать с ним что угодно, очень жестоко - потому что хотел быстрее прекрать драку, ведь я любил, его как брата... но бог не фраер... я нарвался на боксёра! результат удара в левый висок - потеря сознания и ...эпилепсия - её ещё называют шаманская болезнь.
Родная советская медицина отмазала меня от армии и посадила на колёса...
Одним из побочных эффектов стал прогресс в рисовании - я всегда много рисовал, но после того удара правое полушарие взяло контроль над тем, с чем в результате травмы не справлялось левое....

► Татьяна БАЙМУНДУЗОВА

Родилась в городе Барнаул в 1977 году.

В 1999 окончила Алтайский Государственный университет, факультет филологии и журналистики (филолог).

С 95 по 98 год занималась в молодежной литературной студии под руководством Валерия Котеленца. Стихи публиковались в местных, краевых и российских печатных изданиях (журналы "Алтай", "Барнаул", "Встреча", "Наш современник", местные и краевые газеты). Участник трех краевых семинаров молодых литераторов Алтая и изданного по их результатам поэтического сборника "Где-то не здесь".

Состоит в Союзе писателей России.

► *Алексей БОРОВЕЦ*

Родился в Барнауле в НОРМАЛЬНОЙ семье. Своё детство Алексей провёл в добровольном затворничестве, занимаясь изготовлением бумажных аналогов компьютерных игр, китайских пластмассовых игрушек (трансформеров, динозавров и прочих) и рисованием комиксов. Дело в том, что готовые игрушки и сюжеты всегда чем-то не устраивали Алексея, постоянно чего-то не хватало. К 15 годам через сочинение песен, Алексей приходит к сочинению стихов, пытаясь утолить в них жажду слов, понятных и близких ему самому (так как во внешнем мире таких находилось немного, как и в детстве не находилось удовлетворительных игрушек и комиксов). Не ограничиваясь, однако, самоудовлетворением, автор постоянно навязывает своё творчество окружающим, поднимаясь таким образом до эксгибиционизма. Так Алексей транслирует свой опыт и мысли во внешний мир, возможно, чтобы просто показать, что «иногда так бывает», лишь изредка проводя в стихах и песнях конкретные идеи (всё же Алексей не философ). Поэтом он тоже себя не называет, скорее из стеснения или непривычки, чем сознательно. Да и к чему звание поэта дилетанту? За новым опытом и новыми мыслями летом 2010 Алексей переезжает в Москву, где живёт, играет и пишет по сей день.

► *Екатерина ВИХРЕВА (ПАВЛОВА)*

Закончила отделение связей с общественностью Алтайского госуниверситета, сейчас живет и работает в Новосибирске. Пишет стихи и прозу. Помимо «Ликбеза», публиковалась в журналах «Встреча», «День и Ночь».

► *Ирина АФАНАСЬЕВА*

Родилась в 1953 г. Живет в Барнауле. Инженер, журналист.

► *Александра ВАЙС (ЕГОРОВА)*

Я родилась 28 сентября, 1989 года, в городе Берлине и прожила там чуть меньше четырёх лет. 1993 году мама вместе с моей старшей сестрой Еленой и со мной перебралась в Барнаул. Этот переезд положил начало всей моей последующей кочевой жизни: я путешествовала автостопом по Евросоюзу (Германия, Голландия, Франция) и, собственно, по России. С 2003 года работала певицей в нескольких местах, для чего проворачивала махинации с документами (добавляя себе необходимые годы). В то же время появился псевдоним «Вайс». Успела поработать также официантом, уборщицей, манекенщицей и танцовщицей.

Стихи начала писать, познакомившись с Еленой Бурмейстер и попав в её студию в возрасте 13 – 14 лет. Большое место в моей жизни занимает профессиональный спорт – в 2005 году я взяла «кубок Сибири» по русскому рукопашному бою. Сейчас я пишу не только стихи, но и песни, и не отношу себя к какому-либо течению. Стихи публиковались ранее в журналах «Барнаул», «День и Ночь» и др. Лауреат всероссийского литературного конкурса "Кипарисовый ларец".

► Сергей DЖИМ

Пол: мужской
Возраст; 27
Чаяния: слово, гитара
Работа: временная.
Жду не дождусь когда меня посетит откровение и вся эта информация окажется на хрен не нужной.

► Михаил ГУНДАРИН

Родился в г. Дзержинске Горьковской обл. На Алтае живет с 6 лет. В 1991 г. закончил факультет журналистики МГУ. С этого же года по сей день – преподаватель АлтГУ. Кандидат философских наук, автор ряда работ по связям с общественностью и теории коммуникации, удостоенных профессиональных наград. Преподавательскую деятельность активно сочетает с работой в средствах массовой информации. Автор нескольких книг стихов (первая, "Календарные песни", вышла в 1994 году, последняя на сегодня "Горячо : бесполезно" - в 2008-м). Автор нескольких повестей и романов, пьес. Занимается литературной критикой. Отмечен несколькими наградами литературных фестивалей и конкурсов. Член союза российских писателей. Входит в редколлегию журнала "День и Ночь" (г. Красноярск). Член литбюро "Ликбеза" и постоянный автор журнала с 1992 года.

Для характеристики творчества М.В.Гундарина процитируем абзац из спорной, впрочем, работы «Вулканизация. Пятнадцать литературных портретов» Н.Недыбай-Дыбайлы: «*Студенчество и юность творца «Календарных песен», пришедшиеся на крайне знаменательный период, ограниченный датами 1985-1991, во многом заложили основу художественного мировоззрения Гундарина, оставшегося «восьмидесятником», со всеми вытекающими из этого последствиями и характерными чертами - вниманием к социальному бытию человека, умеренным оптимизмом, утопическим стремлением к гармоническому сочетанию рационального и иррационального начал*».

► Елена ГЕШЕЛИНА

Я родилась в Барнауле 4 августа 1983 года. Мое детство нельзя назвать счастливым – я часто болела, и по этой причине не общалась с другими детьми, не ходила в детский сад и была предоставлена самой себе. Придумывала игры сама, разыгрывала целые спектакли по мотивам известных мне фильмов и книг (читать я научилась очень рано). Потом стала придумывать истории сама. Конечно, это не была литература, ни в коем случае. Читать вначале не любила, потом полюбила. Книг дома было много, и я уже в начальной школе добралась-таки до взрослых книг. Поэзию я открыла для себя в третьем, кажется, классе. Но мой творческий путь начался все-таки не с литературы.

Я выросла на западной рок-музыке 60-70-х годов (русский рок открыла для себя позже). Однако просто слушать песни мне было неинтересно. Хотелось почувствовать вкус эпохи. Отсюда – увлечение литературой «разбитого поколения», прежде всего, Керуаком и Гинзбергом. Последний оказал большое влияние на мои стихи. Первое стихотворение написала поздно – в 19 лет. Это было даже не стихотворение, а поэма – романтико-героическая. Позже пробовала себя в разных стилях и жанрах, пришла, наконец, к верлибру. Думаю, не останавливаться на этом.

► *Пауль ГОССЕН*

Учился в Алтайском институте культуры (ныне АлтГАКИ) на библиотечном факультете. Был очень хорошо известен фантастическими рассказами, а более всего остроумными стихами и текстами песен среди барнаульской литбогемы конца 80-х - начала 90-х. До отъезда в Германию в 1997 году успел выпустить в Барнауле сборник стихов "Дурацкий сонет" и первый номер альманаха "Пистон" (куда помимо оригинальных текстов Пауля и его коллег вошли, например, госсеновские переводы текстов песен Нины Хаген и Ника Кейва). В Германии переключился на короткую фантастическую прозу, которую широко публиковали и публикуют ведущие сетевые и бумажные издания, посвященные фантастике, а также литературные и общественно-политические газеты и журналы разных стран мира. Подробную библиографию см. на http://zhurnal.lib.ru/g/gossen_p/

► *Константин ГРИШИН*

У меня нет воспоминаний и образного мышления. Перечислю важное для читателя: родился в Мамонтово 17 марта 1986 года, в 2003-2004 жил в Новосибирске: бездельничал в общежитии гуманитарного факультета и ФЖ. В 2004-2010 – студент АлтГУ, филолог. Считаю, что писателя делает чтение. Люблю русских критиков XIX века – добродушного Писарева, злющего Михайловского. По характеру – бука и забавник.

► *Татьяна ЗЛЫГОСТЕВА*

Родилась 16 мая 1983 года в г. Новосибирске, закончила факультет журналистики НГУ.Работаю журналистом, редактором, фотокорреспондентом. Печаталась в Новосибирских, центральных и зарубежных литературных журналах.

В 2009 году вышел сборник стихотворений.

► *Вадим КЛИМОВ*

Смотрящий за искусством в Барнауле. Автор телепрограммы "Афиша". С годами стал терпимее относится к соцреализму и художественной самодеятельности. Последнее время все чаще называет себе арт критиком.

► *Вячеслав КОРНЕВ*

Отец-основатель и Главный Редактор «ЛИКБЕЗа»
Родился 2-го июня 68-го в Барнауле в результате случайной локализации мировой пассионарной энергии. В детстве был впечатлительным и книжным мальчиком, после службы в рядах СА неожиданно стал волевой и цельной натурой, в период учебы и затем работы в Алтайском гос. университете превратился в гуманистически ориентированного мизантропа. Поворотным фактом биографии стало прочтение книги В.С.Соловьева «Оправдание добра» на 1-м курсе исторического факультета АГУ, а также знакомство, быстро переросшее в дружбу, с Сергеем Липовым, Сергеем Лёвиным, Игорем Копыловым, Владимиром Токмаковым, Михаилом Гундариным. Всё это в совокупности привело к основанию в 1989 г. (вместе с С.Ю.Липовым и С.Ю.Лёвиным) литературного альманаха «Ликбез» и последующей бессменной деятельности у его кормила.
Автор трех книг по философии повседневности (последняя издана в этом году в Москве – «Философия повседневных вещей») и трех полнометражных фильмов: «Зоб» (2009), «Кадо» (2010), «Вырванные страницы из дневника Ленина» (2011).
Организатор фестиваля авторского кино «КиноЛикбез» (www.kino-likbez.ru)

► *ИЛЬЯ КРИШТУЛ*

Родился далеко от Алтая, в городе Москве, где и живу. Женат, воспитываю дочь и жену. Сын уже не слушает. Работал в кино, был бизнесменом, сейчас - тунеядец.

► *Иван КУДРЯШОВ*

Рассказ автора о себе – дело почище, чем игры с полиграфом. Но как увлекает! Поэтому предоставлю чуть больше чем несколько слов о себе. Начало будет тривиальным. Я повторяюсь, и значит, существую.
Меня иногда спрашивают: А как вообще читать твои тексты? Отвечаю: Внимательно.
Полагаю, ничего большего мои тексты и не требуют.
Из анкетных данных оставлю только две: родился в лето 1983 года, женат.
В «молодых и талантливых» себя давно не числю. Есть и моложе. Так что: талант, только талант. И, кстати, «подающим надежды» меня, слава богу, перестали называть. Значит, надежды эти я-таки окончательно кому-то подал. Мое литературное существование теперь вполне может быть названо «без-надежным». Но крахнутые надежды – хороший повод предъявить себе счет за свет разума, финансовую состоятельность и онтологическую соразмерность. Писать я начал стихийно, и этому казусу уже минуло 10 лет. Пишу, потому что процесс этот по своей принудительности едва ли не физиологичный: пишу, когда не могу не реагировать. Иными словами, я просто реагирую, хотя в этом «просто» как в больших круглых скобках заключена самая значимая часть моей жизни.
И напоследок слова без иронии (черт возьми, неужели я на это еще способен): я искренне рад каждому своему читателю, даже не зная его.
Надеюсь, чтение доставит вам удовольствие. И сим наглым заявлением я окончу.

► *Дмитрий МУХАЧЁВ*

Родился в 1985 году, в поселке Южном Алтайского края. Окончил филфак АлтГУ. Свято верит в то, что Мандельштам жив, в то, что Herman's Hermits талантливее Beatles и в подземные синагоги под каждым Макдональдсом. Живет в Москве и Барнауле.

► *Наталья НИКОЛЕНКОВА*

Родилась в Барнауле, училась на филфаке АлтГУ. Поэт. По мнению многих критиков, достойна звания "лучшая по профессии" в нашем регионе. Активно публиковалась в краевой периодике, а также за пределами края, в том числе в центральных изданиях. Имеет много разнообразных поэтических регалий (в том числе Демидовскую премию за 1997 год). Автор поэтических книжек "Чтобы встретиться" (1986), "Девятое марта" (1995), "Карманная психиатрия" (2001), "Малютка жизнь" (2010).

Сейчас мне близка теория Маяковского, раньше казавшаяся совершенно бессмысленной. Она о том, что сначала рождается ритм, а следом за ним все остальное. У меня чаще всего появляются одна-две строчки — как правило, начало и конец, а потом заполняется дистанция между ними.

► *Иван ПОЛТОРАЦКИЙ*

Родился в Алма-Ате в 88-м бесконечном году. В 2006 закончил литературный мастер-класс ОФ «Мусагет», проводимый в основном О.Б. Марковой и В.В. Бадиковым. В этом же году поступил в НГУ на отделение филологии гуманитарного факультета. Занимается исследованием поэзии О.Э. Мандельштама.
Стихи печатались в ЛХИ «Аполлинарий» (Алматы), журнале культурного сопротивления «Шо» (Киев), литературной газете «ЫШШШО ОДЫН» (Алматы), электронном альманахе «Новая реальность», и ЛХЖ «Мегалог» (Пятигорск). Автор поэтического сборника «Ангело(ло)г» (Алматы, 2009). Постоянный участник фестиваля «С.Ш.А» Один из основателей и участников театра звука «Открытие Порта» Редактор отдела художественной литературы новосибирского журнала «Трамвай». Живёт в лесу под Новосибирском.

► *Даниил ПОЛТОРАЦКИЙ*

Поэт, публицист, политический активист леворадикальных убеждений. Из Алтайского края уехал после своего похищения и избиения неизвестными в штатском. Несмотря на заведенное уголовное дело и следственные мероприятия - преступники пока не найдены.

Сейчас Даниил живет в Москве.

► *Антон МЕТЕЛЬКОВ*

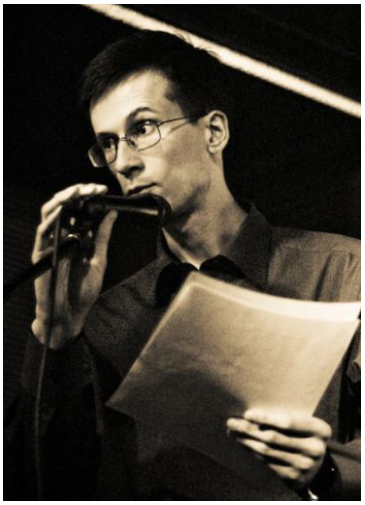
Родился в 1984-м году в г. Новосибирске. Здесь же и проживаю. По образованию - конструк
технолог РЭА. Работаю инженером связи на ТЭЦ. Веду авторскую колонку в онлайн-журнал
"Трамвай" (www.tramline.ru). Участник мероприятий, организованных новосибирским проек
«Негромко читать и вдумчиво слушать» ("Свой-Чужой", "Experiences", "География" и др.); р
квартирных концертов в Новосибирске, Барнауле, Томске, Перми; фестиваля "США-2011" (
и вместе с группой "Кузнецберг и Коротков"). Финалист новосибирского (в рамках фестива
эмания") и всероссийского (в рамках фестиваля "СловоNova") поэтических слэмов.

написав десять тысяч стихов
он сказал я теперь
буду храбрым как зверь
и ушел созерцать мотыльков.

► *Михаил МОИСЕЕВ*

Вот я это я
Вот мои друзья это я
Вот мои родители это я
Вот моя жена это я
Вот моя страна это я
Вот моя Сибирь это я
О господи там Питер это я
Там листочек это я
Там небо это я
Там улица фонари лужи
Это мне этот свет слабый нужен
Это забытое необходимо вспомнить
Это трамвай беги по кругу
Рассмотри темноту
Разыграй дождь придумай слово
Не забудь девочку
Веселись
Ветер.

► *Дмитрий СОКОЛОВ*

Родился в Новосибирске в 1976 году. Окончил Сибирскую государственную академию телекоммуникаций и информатики, затем аспирантуру. Работает программистом в телекоммуникационной компании. Стихи пишет давно - поначалу "в стол", впоследствии "в сеть". С конца 2010 года эпизодически выступает на поэтических мероприятиях Новосибирска.

► *Владимир ТОКМАКОВ*

Владимир Токмаков родился в Барнауле. После окончания средней школы в 1986—1988 годах служил в пограничных войсках на острове Кунашир, был военкором в газете «Пограничник на Тихом океане». В 1994 году Владимир окончил факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета и начал работать корреспондентом газеты «Вечерний Барнаул». С 1998 года работает обозревателем газеты «Алтайская правда», в 2007—2009 годах был старшим корреспондентом «Российской газеты». С 2009 года Токмаков ведёт программу «Печатный формат» на телеканале «Катунь 24».

Первая поэтическая публикация — в 1988 году в газете «Молодёжь Алтая». В том же году с молодыми барнаульскими поэтами Токмаков создает неформальное литературное объединение ЭРА (Эпицентр Российского Авангардизма). Публиковался в журналах «Ликбез», «Алтай», «Барнаул», «Наш современник», «День и ночь», «Новая Юность», «Арион», «Сибирские Афины», «Верхняя зона», «Автограф» и др., в антологиях и коллективных сборниках Барнаула, городов Сибири и Урала. Член Союза журналистов России с 2000 года, и член Союза российских писателей с 2004 года.

Автор шести сборников стихов: «Аромат девушки за каменной стеной» (1995), «Двойное дно» (1997), «Гадание на веревке повешенного» (1997), «Боязнь темноты» (1999), «Без лишних слов» (2003), «Вольный стрелок» (2008), и двух книг прозы «Детдом для престарелых убийц» (2001), «Настоящее длится девять секунд» (2005).

► *Лев Николаевич ТОЛСТОЙ*

Граф. Великий русский писатель и философ. Большую часть жизни провел в своём поместье Ясная Поляна. Учился в Казанском университете, служил в армии на Кавказе. В 1854-55 гг. Участвовал в обороне Севастополя. В 1859 г. организовал собственную школу в Ясной поляне, издавал педагогический журнал. Написал 22 тома литературных, публицистических и мемуарных произведений. Постоянный автор “ЛИКБЕЗа”, начиная с 4-го номера. Помимо главного произведения русской и мировой литературы (см.: печатный “ЛИКБЕЗ”, № 4-7, 10-16, электронный “Ликбез“; 4-68), здесь были опубликованы басни и рассказы (“ЛИКБЕЗ”, № 5), а также программная статья “Что такое искусство?” (в сокращении, см.: “ЛИКБЕЗ”, № 6). Что касается романа “Война и мир”, то редакция нашего альманаха планирует закончить публикацию первой части первого тома этого великого произведения к тысячелетию со дня рождения автора - 28 августа 2828 года.

► *Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ*

Родился в Бийске. Окончил Алтайский государственный технический университет. Финалист Независимой литературной премии «Дебют» (номинация «Литература духовного поиска», 2005). Участник поэтического лонг-листа премии «Дебют» в 2008-2009 гг.. Как эссеист и поэт публиковался в альманахе «Бийский вестник», журналах «Барнаул», «Алтай», «День и ночь», «Дети Ра», газетах «Литературная Россия», «Книжевне новине» (в переводе на сербский язык), поэтической антологии «Смена палитр» (М., 2007), многих Интернет-изданиях.

► *Кристина ЭБАУЭР*

Родилась в сентябре 87-го в г. Усть-Илимске. Потом был театр, стихи, художественная школа и еще много чего, что до сих пор не оставляет в покое.
Периодически оказываюсь безработной, до сих пор ищу город, который станет домом, люблю, читаю, пишу, пытаюсь воспитать собаку, много курю и вижу во сне Шотландию.
Премии, номинации:
Шорт-лист Илья-премии - 2007
Лонг-лист премии Неформат - 2009
Лонг-лист премии ЛитератуРРентген - 2010

ЛИКБЕЗ № 18 www.lik-bez.ru май 2011
Редколлегия: Вячеслав Корнев (главный редактор),
Михаил Гундарин (заведующий отделом прозы),
Владимир Токмаков (заведующий отделом поэзии)
Художник: Александр Боровец
vvkornev@gmail.com